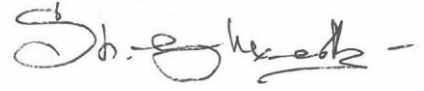

На правах рукописи

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

СОЛИХОДЖАЕВА ШАХНОЗАХОН АНВАРХОДЖАЕВНА

**КОНЪЮНКЦИОНАЛИЗАЦИЯ
ПОЛНОЗНАЧНЫХ СЛОВ В СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА
В ТАДЖИКСКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ**

**10.02.20—сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание**

**Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

**Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Джаматов С. С.**

Душанбе-2021

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
I Глава I. Теории классификации частей речи в сравниваемых языках	
1.1. Проблемы классификации частей речи в лингвистике	13
1.2. Взаимоотношения служебных частей речи и служебных слов в сопоставляемых языках	23
Выводы к первой главе	37
II Глава II. Процесс конъюнкционализации в таджикском и узбекском языках	
2.1. Функционально-семантические взаимоотношения предлогов и послелогов, предложных и послеложных слов	39
2.2. Предлог – одина из разновидностей формально-грамматических средств таджикского и узбекского языков	46
2.3. Послелогии в таджикском и узбекском языках	57
2.4. Союзы и частицы в таджикском и узбекском языках	59
Выводы ко второй главе	63
III Глава III. Типологические особенности конъюнкционализации в таджикском и узбекском языках	
3.1 Конъюнкционализованные имена существительные в таджикском и узбекском языках	64
3.2. Конъюнкционализация глаголов в таджикском и узбекском языках	80
3.3 Конъюнкционализация глаголов движения в сравниваемых языках	89
3.4 Отнаречные конъюнкционализованные служебные слова в таджикском и узбекском языках	111
Выводы к третьей главе	122
Заключение	124
Список использованной литературы	139
Список сокращений и условных обозначений	152

Общая характеристика исследования

Актуальность темы диссертационной работы

Для современной науки о языке характерна тенденция к исследованиям, в которых используются данные языков разного грамматического строя, к разработке комплексных проблем смежных и разноструктурных языков. В круг исследуемых вопросов включается рассмотрение внутренней организации языка, его функционирование в речи, соотносимость с экстралингвистической действительностью и прагматическая ориентация языковых единиц и их элементов в процессе взаимодействия и создания различных планов коммуникации.

Государственный деятель и учёный С.Ятимов, говоря о заслугах Лидера нации в вопросах освещения и путях решения проблемы национального языкознания, особо отметил, что «проблемы таджикского языкознания в учении Лидера нации имеют ключевой статус ... Наш родной язык должен исследоваться с двух точек зрения: с точки зрения историко-сравнительного и в философском аспекте отношения к мышлению. Также в теории уважаемого Эмомали Рахмона выводы об историко-культурной сущности таджикского языка для науки имеют особое значение» [228,7].

Один из известных представителей сравнительно-исторического языкознания (компаративистики) Освальд Семереньи отмечает, что «у каждого, кто, кроме своего родного языка, владеет хотя бы одним иностранным языком, всегда есть возможность убедиться, что в обоих языках существуют не только сами собой разумеющиеся различия, но и бросающиеся в глаза определенные сходные элементы» [178, 7]. Справедливость и верность этого высказывания подтверждается сравнением выразительного и содержательного планов лексико-грамматических единиц отдельных пластов грамматического строя двух разноструктурных языков, например, таджикского и узбекского.

Все единицы лексического яруса подчиняются грамматическим законам и правилам отдельных языков. Единицы словарного состава языка, подчиняясь грамматическим правилам и законам, приобретают грамматические зна-

чения. Грамматические значения не существуют вне значений лексического характера.

Грамматические значения характерны для всех групп слов: для системы и знаменательных, и служебных. Однако грамматические значения полных (знаменательных) слов синхронно-синкретично совмещаются с их лексическими значениями, что не характерно для грамматических значений служебных слов. Поэтому знаменательное слово и есть та минимальная единица, в которой имеет место сочетание лексического и грамматического значений. Отличие служебного слова от знаменательного заключается только в характере его значения, т.е. в том, что в нем нет такого сочетания лексического и грамматического значений, которое характерно для знаменательных слов.

Грамматические и лексические значения слова противопоставляются и по их отношению к действительности: лексические значения представляют собой отражение предметов и явлений и целого «куска» материальной действительности, выраженное в строго определенных словоформах и сочетаниях слов, допускаемых закономерностями лексико-семантических и семантических связей. Грамматические значения, которые характерны для служебных слов и словообразующих аффиксов, отражают логико-грамматические отношения и связи между полнозначными словами и сочетаниями слов в их синтагматическом окружении.

Следует отметить, что имеется известное различие во внешних выразителях грамматического и лексического значений (для лексического значения - это только отдельное слово или словосочетание, для грамматического значения - разные средства, в частности отдельное слово). Для решения спорных случаев, т.е. для решения того, является ли значение данного слова грамматическим или лексическим, это различие ничего не дает.

Лексическое значение в противоположность грамматическому может быть любым по своему содержанию. Оно может иметь содержание далеко не только таких конкретных или предметных понятий, как «дом», «стол», «зем-

ля» и т.д. Оно может иметь содержание каких угодно общих и каких угодно отвлеченных понятий.

Переход тех или иных форм полнозначных слов в разряд предлогов и послелогов - связан также и с изменением обычного для этих слов характера их синтаксических связей. Обычным, например, для полнозначных слов, принадлежащих к классу имен существительных, является односторонний характер их синтаксических связей. Потенциально заложенная в семантике этих слов способность к выражению объективности и релятивности становится реальной только при функционировании отдельных их форм в условиях подлинно двусторонних синтаксических связей – в соединении с господствующим словом, с одной стороны, с зависимым именем – с другой.

Таким образом, основными условиями конъюнкционализации, т.е. перехода отдельных форм полнозначных слов в разряд служебных (предлогов, союзов и послелогов) являются: изменение категориального значения данного полнозначного слова в направлении укрепления в нем значений объективности и релятивности в результате развития необычных смысловых и синтаксических его связей с другими словами в предложении; закрепление за данным словом определенного места в порядке слов (обязательная препозиция по отношению к следующему за ним полнозначному слову) и устойчивость сочетания подлежащих слиянию слов.

Изучение процесса образования служебных слов путем конъюнкционализации (перехода полнозначных слов в служебные) актуально, во-первых, в теоретическом плане - работы такого рода могут дать ценный материал для решения ряда лексикологических, семасиологических и грамматических вопросов; во-вторых, решаются вопросы о закономерностях развития слов в зависимости от той части речи, к которой данное слово принадлежит, вопросы о взаимодействии лексических и грамматических значений слова и т.п.; в-третьих, изучение данной темы в синхронно-типологическом аспекте на материалах таджикского и узбекского языков осуществлено нами впервые в отечественном языкознании.

Следует отметить, что относительный характер имеет грамматическое значение знаменательных слов, что не характерно для грамматического значения служебных слов. Это объясняется тем, что относительный характер не имеется у служебных слов, которые образованы конъюнкционализацией полнозначных слов. Все изложенное выше подтверждается нашими наблюдениями, процесса конъюнкционализации знаменательных (полнозначных) слов в служебные на материале таджикского и узбекского языков.

Степень разработанности темы. Вопросы перехода полнозначных слов и их форм в служебные изучались, начиная с 50-х годов XX столетия и до настоящего времени русскими, отечественными и узбекскими исследователями на материалах русского, английского, немецкого и китайского языков в диссертационных работах, монографических трудах и научных статьях.

Использованную нами в данной диссертационной работе литературу условно можно разделить на следующие группы:

1. Работы русских (в том числе советских) ученых-языковедов, которые внесли значительный вклад в разработку важнейших проблем языкознания.

Среди них следует назвать:

1. В.Г. Адмони (2-3-4), работы которого в основном были посвящены общим вопросам теории грамматики, Ю.Д. Апресяна (12), А.С. Бархурдарова (17), Н.А. Баскакова (18), Э. Бенвениста (19-20), М.Я. Блоха (30), Р.А. Будагова (31-32), В.В. Виноградова (37-38-39), В.Г. Гака (44-46), Л.И. Засорина (81), В.А. Звегинцева (82-83-84-85) и др.

2. Исследования отечественных (таджикских) ученых, посвященные проблемам теории и практики языкознания, в том числе и вопросам сопоставительного языкознания. Это монографии Э.С. Абдурахимова (1), М. Акрамова (5), С. Атобуллоевой (15), Н. Бозидова (26), М.Ш. Бухорои (33), Т. Вахобова (35), Ф. Зикрияева (87), Ш. Рустамова (174-175-176-177), А. Халилова (211) и др.

3. Работы узбекских филологов, посвященные проблемам узбекского языка. Среди них труды: А. Бердиалиева (21-22), А.К. Боровкова (29), Ф. Камола (102) Х.Т. Нигматова (143) и др.

4. Научные статьи, опубликованные в сборниках исследуемой проблеме. авторами которых являются: А.К.Боровков (28), В.Г.Гак (45-47-48), И.Н.Ермоленко (77), М.З.Закиев (78-79), И.Исмоилов (93) и др.

5. Диссертации и авторефераты. К ним относятся, в частности, кандидатские диссертации Ю.Г. Скибы «Переход самостоятельных слов в служебные в современном русском языке» (Львов, 1954); А.Н.Каламановой «Переход наречий в служебные части речи: в предлоги, союзы, частицы» (Львов, 1954); О.Ф.Петуховой «Отыменные предлоги в немецком языке» (Ленинград, 1951); Н.М.Пригорювской «Развитие отыменных предлогов в современном английском языке» (М, 1952); Д.И. Рословеца «Употребление предлогов и формальных значимых в современном русском языке» (Москва, 1953); Е.Г.Гулинича «Изменения в употреблении предлогов в современном русском литературном языке» (Киев, 1953); Е.П.Калечиц «Отыменные формы и фразеологические конструкции в роли предлогов» (Москва, 1954); О.П.Ермаковой «Словосочетания, выражающие целевые отношения в современном русском языке» (Москва, 1955) и др.

Таким образом, несмотря на обширное количество имеющейся литературы, в таджикском и узбекском языкознании отсутствует специальная работа по исследуемой нами проблеме (о переходе полнозначных слов в служебные на материалах таджикского и узбекского языков). Эти материалы частично встречаются в учебниках для вузов и в академических работах по таджикскому и узбекскому языку без сопоставительного анализа в синхронно-типологическом аспекте. Это еще больше повышает актуальность и своевременность нашего исследования.

Как известно, таджикский и узбекский языки – представители языков разного грамматического строя, разного генетического происхождения.

Таджикский язык относится к юго-западной группе иранских языков. Носители этого языка проживают, кроме Таджикистана, в Узбекистане, Кыргызстане, Казахстане, а также в Северном Афганистане и отчасти в Иране.

Узбекский язык и его культура сложились в результате слияния разных местных говоров и диалектов, и поэтому он распространен за пределами Республики Узбекистан, а также в Кыргызстане, Таджикистане, Казахстане, Туркменистане, в северной части Афганистана.

Е.Д.Поливанов, выделяя три генетически различных наречия в составе узбекского языка, наметил характерные лингвистические признаки как для каждой из трех групп, так и для входящих в их состав подгрупп говоров [164, 3-4].

В диалектальном отношении современный литературный узбекский язык неоднороден и в подробностях не тождествен ни одному из живых диалектов и говоров.

Типологическое различие таджикского и узбекского языков более прозрачно представляется и при сопоставительном рассмотрении процесса конъюнкционализации полнозначных слов в служебные в этих языках, чем определяется актуальность темы настоящего диссертационного исследования.

Объектом исследования является система преобразованных, т.е. конъюнкционализованных, формально-грамматических единиц (служебных слов) как важный сегмент грамматического строя таджикского и узбекского языков.

Предмет данного исследования - процесс перехода полнозначных слов таджикского и узбекского языков в разряд служебных слов в сопоставляемых языках.

Цель данной работы заключается в изучении закономерностей и способов конъюнкционализации, т.е. перехода отдельных форм полнозначных слов в разряд служебных слов, в основном предлогов (в таджикском языке) и послелогов (в узбекском языке).

В соответствии с обозначенной целью определены следующие **задачи**:

- установить основные закономерности перехода форм отдельных полнозначных слов в разряд служебных;

- определить характер конъюнкционализации слов знаменательных частей речи (какие из знаменательных частей речи более склонны к процессу конъюнкционализации);
- выявить характер конъюнкционализации форм имен существительных в служебные слова (отыменные служебные слова) в таджикском и узбекском языках;
- определить характер конъюнкционализации глагольных лексем в служебные слова в таджикском и узбекском языках;
- показать процесс конъюнкционализации лексических единиц из наречий в служебные слова (отнаречные служебные слова) в таджикском и узбекском языках;
- рассмотреть процесс конъюнкционализации других знаменательных частей речи в служебные слова в таджикском и узбекском языках;
- выявить сходства и различия в процессе конъюнкционализации полнозначных слов в служебные и его лингвистические причины в таджикском и узбекском языках.

Методологические основы и методы диссертационной работы. Общеметодологической основой данного диссертационного исследования является диалектический метод познания явлений. В работе использована комплексная методика: описательный, сравнительно-исторический, синхронно-сопоставительный методы анализа.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые в монографическом плане проводятся анализ и интерпретация процесса образования служебных слов (в основном предлогов, послелогов и союзов) путем конъюнкционализации полнозначных слов в таджикском и узбекском языках в синхронно-сопоставительном аспекте.

Теоретическая значимость диссертации обусловлена разработкой таких общелингвистических проблем, как системность грамматического строя в целом и в области системы служебных слов в частности, группировка слу-

жебных слов таджикского и узбекского языков на производные и производные.

Теоретическая значимость диссертации также заключается в том, что ее результаты могут стать теоретической и методологической базой для новых исследований в области образования производных служебных слов путем конъюнкционализации полнозначных слов в таджикском и узбекском языках. Результаты теоретических обобщений по теме исследования могут служить важной научно-теоретической основой в изучении особенностей образования и функционирования служебных слов в синхронно-сопоставительном аспекте на материале других языков.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в практике преподавания дисциплины (курса) «Сопоставительная грамматика» студентам-филологам вузов, лицеев и колледжей. Кроме того, материалы исследования могут быть использованы при составлении терминологических, толковых, двуязычных и историко-этимологических словарей. Попытка определения лингвистического характера понятия «конъюнкционализация» представляет определенный интерес для специалистов по сопоставительной грамматике.

На защиту выносятся следующие положения:

- в истории лингвистики проблема классификации частей речи всегда занимала центральное место. В проведенном нами исследовании выделены три основные группы в системе частей речи: 1) лексико-грамматическая (лексико-грамматические классы слов); 2) формально-грамматическая (формально-грамматические классы слов); 3) формально-прагматическая (формально-прагматические классы слов). В пределах трех внутренних системы частей речи выделены из 12 традиционных разновидностей;
- в нашей работе термин «конъюнкционализация» употребляется в ином, наиболее широком значении, а именно: перехода в союзные слова не только наречий, но и всех знаменательных слов, и не только в союзы и союзные слова, но и в служебные слова вообще;

- основными условиями конъюнкционализации, т.е. перехода отдельных форм полных слов в разряд служебных (предлогов, послелогов и союзов), являются: а) изменение категориального значения данного полного слова в направлении укрепления в нем значений объективности и релятивности в результате развития необычных смысловых и синтаксических связей с другими словами и предложениями; б) закрепления за данным словом определенного места и порядка слов (обязательная препозиция по отношению к следующему за ним полному слову) и устойчивость сочетания подлежащих слиянию слов.
- поскольку узбекский язык относится к исключительно суффиксальным языкам, в его грамматическом строе функционируют предлоги. Таджикский язык является исключительно префиксальным, поэтому в его грамматическом строе активнее употребляются предлоги;
- естественным считается доминирующий порядок по модели «субъект+объект+глагол» в таджикском языке, и в узбекском языке – доминирующий порядок по модели «субъект+объект+ глагол»;
- в грамматическом строе таджикского и узбекского языков обнаруживаются определенное различие и в отношении характера функционирования формальных элементов. Например, синтаксические отношения подчинительного характера в узбекском языке выражаются с помощью послелогов, а в таджикском – с помощью предлогов;
- сходство грамматического строения таджикского и узбекского языков обнаруживается в плане содержания их грамматического строя, а именно: в качестве формально-грамматических маркеров в обоих языках выступают послелог и послеложное слово (в узбекском языке), слова-предлоги, предложное слово (в таджикском), союзы и союзные слова, в отдельных случаях - частицы;
- в нашем исследовании мы исходим из того, что конъюнкционализация и ее процессы являются одним из основных источников обогащения и расширения количества служебных слов, ибо количество служебных слов в язы-

ке по сравнению с количеством знаменательных весьма ограничено. Число служебных слов, таким образом, увеличивается за счет перехода знаменательных слов в разряд служебных внутри самого языка;

- узбекский и таджикские языки отличаются друг от друга в отношении характера процесса конъюнкционализации наречий, которые в узбекском языке более активны и склонны к процессу конъюнкционализации, чем наречия в таджикском языке. Это объясняется, прежде всего, тем, что по грамматическому строю узбекский и таджикские языки относятся к языкам различных типов.

Степень достоверности и апробация результатов диссертационной работы. Достоверность полученных в процессе исследования результатов обеспечивается достаточным для получения объективных выводов объемом фактического материала из сопоставляемых языков, адекватностью методов анализа, поставленным целям и осмыслением значительного количества научных источников (228 наименований), опорой на признанные положения современной лингвистической науки.

Результаты исследования были представлены автором на ежегодных научно-методических и научно-практических конференциях, на республиканских и международных научных конференциях. В том числе 4 статьи опубликованы в научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Диссертация была обсуждена на кафедре развития устной и письменной речи русского языка (РУПР) факультета русской филологии Государственного образовательного учреждения «Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова» и рекомендована к защите (протокол № 11 от 30.06.2020).

Структура и объём диссертационной работы. Диссертационная работа состоит из введения, трёх глав, состоящих из 10 параграфов, заключения, таблиц, перечня использованных источников и литературы, списка сокращений. Общий объём работы составляет 152 страницы.

ГЛАВА I. ТЕОРИИ КЛАССИФИКАЦИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В СРАВНИВАЕМЫХ ЯЗЫКАХ

1.1. Проблемы классификации частей речи в лингвистике

В истории лингвистики проблема частей речи (ЧР) всегда занимала центральное место. Ученые разных направлений и школ решали её неоднозначно, но все пытались привязать ЧР по преимуществу к какому-то одному ярусу языка и объяснить их типами отражения в языке категорий мышления. Поэтому проблема ЧР и все связанные с ней вопросы являются важнейшими и ныне. Вопросами ЧР занимались и тогда, когда языкознание как наука находилось на начальном этапе своего формирования, т.е. в античной грамматике. Так, например, Аристотель в IV веке до нашей эры выделил три ЧР: имя, глагол и частицы. Под частицами он понимал все служебные слова, а также и местоимения. Основой традиционной классификации ЧР является александрийская школа, которая функционировала на протяжении II века нашей эры. В трудах представителей этой школы: Дионисия Фракийского и Аполлония Дискола – система ЧР состоит из восьми внутренних разновидностей. В неё входят:

1) имя без разделения на существительное и прилагательное; 2) глагол; 3) причастие; 4) артикль; 5) местоимение; 6) предлог; 7) наречие; 8) союз.

Римляне заимствуют эту систему у греков, не включают в неё артикль, поскольку в латинском языке его не было, и добавляют междометие. Позже имена разделяют на три ЧР – имена существительные, имена прилагательные и имена числительные, а причастие включают в число форм ЧР. Этой системой в основном и сейчас пользуются в школьном обучении языку [121, 291].

На основе этой системы ЧР сформировалась основа теории ЧР и в русском языкознании. Так, например, А.М. Пешковский в своём капитальном труде «Русский синтаксис в научном освещении» пишет об основных и смешанных ЧР, в рамках основных ЧР рассматриваются основные грамматические классы (разряды): существительное, прилагательное, глагол и наречие.

Более узкие классы внутри отдельных ЧР, такие как причастия и деепричастия, называются смешанными ЧР [163, 29]. Они рассматриваются то в составе форм глагола, то как переходные, то как особые ЧР. Некоторые исследователи, например академик А.А.Шахматов, в составе ЧР рассматривают и префиксы типа – *пре-*, *наи-* и т.д. и связку, в результате чего получилось четырнадцать ЧР, вместо традиционных десяти ЧР, отражающих влияние античных и западноевропейских грамматик [220, 59].

Академик В.В.Виноградов в своем капитальном труде «Русский язык. Грамматическое учение о слове» систему частей речи современного русского языка представил в следующем виде (см.таблицу№1):

Таблица№1

I.	Части речи (относящиеся к именам)
	1) существительное
	2) прилагательное
	3) числительное
II.	местоимение (в состоянии разложения)
III.	глагол
IV.	наречие
V.	категория состояния

Система частей речи в структуре предложения сочетается с системой частиц речи:

1) частицы в собственном смысле; 2) частицы-связки; 3) предлоги; 4) союзы.

Модальные слова, которые примыкают к частицам речи одной стороной, образуют особый структурно-семантический класс слов [40, 82].

В современных учебных пособиях частицы речи функционирует в его узком значении и противопоставляются союзам и предлогам. Таким образом, общее количество ЧР у В.В.Виноградова получается одиннадцать.

В «Русской грамматике» (1980) речь идёт о десяти ЧР: имя существительное, местоименное-существительное, имя прилагательное, наречие, глагол, предлог, союз, частицы, междометие, перечислено 9, а не 10 частей речи [173, 7].

Некоторые исследователи употребляли термин «неполнозначные слова», который противопоставлен термину «знаменательные слова». Например, Ю.И.Леденовым к полнозначным словам отнесены и модальные слова, междометия и звукоподражания [121, 84-85].

В таджикском языкознании проблемы частей речи всесторонне изучены и посвящены ряд солидных работ со стороны известных учёных, таких как М.Н. Косимова, Н. Маъсуми, Ш. Рустамов, Н. Бозидов, Н.Гарипова, А. Каримов, И. К. Овчинникова, А. О. Гаффаров, А. Халилов, Б.Шарифов, Р. Джурраев, А. Алиев и др. В грамматике современного литературного языка подробно освещены части речи в таджикском языке.

Нужно подчеркнуть, что класс служебных слов – предлоги, союзы, частицы противопоставляется модальным словам, междометиям, а также звукоподражаниям. В предложении модальные слова, междометия и звукоподражания, которые не имеют самостоятельной синтаксической функции, не имеют логического ударения и их проявление зависит от знаменательных слов [78, 84-85].

Разнообразие подобного характера при определении основных групп и разновидностей системы ЧР существует и в тюркологии. Проблемами ЧР занимались ученые-тюркологи и дореволюционного, и послереволюционного периодов. В.В.Радлов является одним из дореволюционных ученых-тюркологов. В его трудах рассматривались и отдельные теоретические вопросы ЧР тюркских языков. Например, впервые ЧР разделены на существительные и прилагательные, которые ранее изучались в рамках единого общего названия «имена».

К ученым-тюркологам послереволюционного периода относятся Е.Д.Поливанов, А.Н.Самойлович, А.К.Боровков и др. В их работах были за-

тронуты и общие вопросы ЧР, на основе которых освещались важные теоретические вопросы ЧР отдельных тюркских языков, появились самостоятельные темы о ЧР в школьных и вузовских учебниках.

Теоретические вопросы ЧР в тюркских языках разрабатывались в основном после 50-х годов прошлого столетия. На их базе были сформулированы основные теоретические планы вузовских грамматик тюркских языков и грамматик, издания которых носят академический характер.

Следует отметить, что при определении ЧР в тюркских языках существенное различие имеется в отношении отдельных кардинальных вопросов ЧР, а также в отношении характера деления на соответствующие внутренние группы общей системы ЧР, о чём свидетельствуют наши наблюдения при ознакомлении с содержанием освещенных в теоретическом плане ЧР татарской, башкирской, уйгурской, киргизской и узбекской грамматике, которые появились после 50-х годов XX века. Большинство из них имеет характер академических изданий. Так, в книге «Современный татарский литературный язык» (М: Наука, 1969) определение самостоятельных и служебных ЧР носит традиционный характер. Особое место в системе ЧР отведено модальным словам, междометию и подражательным словам, которые рассматривались в рамках специальной группы общей системы ЧР татарского языка.

Наиболее характерной и важной является классификация ЧР, предложенная профессором М.З.Закиевым, где система ЧР первоначально делится на три большие группы: 1) существительное, прилагательное, числительное, наречие, глагол, предикативное слово, подражательное слово – при этом слова выражают определенные понятия, из которых слагается мысль; 2) слова, осуществляющие связь между словами (предложениями) в речи; 3) слова, выражающие отношение говорящего к действительности (модальное отношение). Последующая классификация осуществляется внутри трёх этих крупных классов. Затем М.З.Закиев пишет, что «слова, выражающие модальные отношения, можно объединить под общим названием служебные слова, но с обязательным делением их на служебные словосоединительные и слу-

жебные модальные слова. К служебным словосоединительным словам относятся послелого и послеложные слова, союзы и союзные слова; к служебным модальным словам – частицы, модальные слова (постоянные и непостоянные), междометия [79, 88]. В башкирском языке все слова как единицы грамматики сообразно своим категориальным значениям, морфологической изменяемости или неизменяемости и синтаксическим функциям делятся на 12 ЧР: самостоятельными частями речи являются существительные, местоимение, числительное, прилагательное, наречие, глагол, к знаменательным частям речи относятся подражательные слова, модальные слова, междометия, послелого, союзы, частицы. Далее даётся характеристика каждой ЧР отдельно.

Характеризуется сходство между отдельными разновидностями системы ЧР, что чаще всего оно осуществляется между модальными словами и частицами, модальными словами и междометиями, междометиями и подражательными (звукоподражательными и образовательными) словами [71, 95-99].

Есть случаи, когда система ЧР в одном и том же языке имеет разное содержание в отношении их внутренних групп. Так, например, в книге С.Давлетова и С.Кудейбергана «Азырки кыргыз тили, морфология» (Современный киргизский язык, морфология). Система ЧР кыргызского языка состоит из двух основных групп слов – знаменательных и служебных, в которых объединены одиннадцать разновидностей. В данной работе модальные слова не выделяются как самостоятельная ЧР [68, 38-40]. В академическом издании грамматики кыргызского языка система ЧР делится на группы: 1) слова – названия, т.е. знаменательные ЧР; 2) служебные слова; 3) модальные слова; 4) междометия. К группе служебных слов отнесены послелого, служебные имена, союзы и частицы. О характере междометий отмечается их несвязанность с определенными членами, они появляются в речи также, как появляются модальные слова, то есть лишь в коммуникативных целях. В данном издании также отмечается характер заменяемости целей высказывания диалогической речи [55, 113]. Подобная же картина, связанная с класси-

фикацией ЧР, существует и в грамматиках узбекского языка, изданных в разное время разными авторами.

В капитальном труде по современному узбекскому языку (издано под редакцией Ф.Камола 1957 г.) разработаны основные разделы узбекского языка, как фонетика, лексикология, фразеология и морфология. В книге имеется раздел и о ЧР. Знаменательные слова из шести ЧР, служебные слова из трёх ЧР, модальные слова, междометия и мимемы рассматриваются в качестве основных групп общей системы ЧР узбекского языка [102, 305-319].

В грамматике 1975 года ЧР называются лексико-грамматическими категориями слов. Система ЧР делится на пять групп: 1) знаменательные ЧР; 2) служебные ЧР; 3) модальные слова; 4) междометия; 5) подражательные слова [60, 194-200]. В 1980 г. авторским коллективом издаётся «Современный узбекский язык» для студентов филологических факультетов вузов, где система ЧР состоит из трёх групп: 1) слова, имеющие общекатегориальные значения; 2) слова, не имеющие общекатегориальных значений; 3) междометия и подражательные слова. В книге «Узбекский язык в таблицах» А.Нурмонова и Р.Расулова рассматриваются три основные группы системы ЧР: 1) знаменательные слова с общекатегориальным значением; 2) служебные слова без общекатегориальных значений; 3) слова с особыми свойствами. Последняя группа состоит из модальных слов, междометий и подражательных слов [151, 65-68]. Вопросы о ЧР освещались и в отдельных учебных пособиях, которые публиковались после 2000 г. Одним из них является «Современный узбекский литературный язык. Морфология», авторами которого являются Р.Сайфуллаева, Б.Менглиев, Г.Бокиева, М.Абузалова и З.Юнусова. Авторы этого труда утверждают, что всякая классификация должна осуществляться на основе одного, единого принципа, что требуется формальной логикой. Однако при классификации ЧР этот принцип не учитывается, остаётся в стороне. Классификация ЧР осуществляется на основе трёх принципов – семантического, морфологического и синтаксического, что является характерным для традиционной классификации ЧР. Специально подчёркивается, что дан-

ная классификация ЧР осуществлена на основе нового подхода. В книге рассматриваются три группы ЧР: 1) знаменательные слова (глагол, существительное, прилагательное, числительное, наречие, подражательные слова, местоимения); 2) служебные слова (послелог, союзы и частицы); 3) промежуточные слова (слова-предложения). Обнаруживается терминологический разнобой: лексические единицы, классифицирующиеся по ЧР, называются то словами, то лексемами. Неоднозначность наблюдается и при наименовании отдельных понятий внутри определённых ЧР. Не ясно, почему для группы ЧР используется термин «слова-предложения» (сўз-гаплар) [190, 8].

В узбекском языкознании З.С.Исаевым выполнена кандидатская диссертация («Место частицы во взаимоотношениях частей речи в узбекском языке», Фергана, 2005), где правильно отмечается, что существуют неоднозначные определения по многим важным вопросам теории частей речи, такие как определение слова, определение ЧР, определение основных критериев ЧР, характер различия знаменательных и служебных ЧР и т.д. Однако нельзя сказать, что в данной работе перечисленные вопросы нашли своё достаточное решение. В диссертации некоторые аффиксы и аффиксоиды с субъектно-оценочным значением, например, *-хон*, *-жон*, *-бой*, *-бек*, *-ой* и т.д. – считаются частицами [92, 16]. Эти аффиксоиды в отношении своих функционально-семантических планов могут находиться с частицами в одном функционально-семантическом поле, но нельзя их объединить в рамках одной ЧР, в рамках частиц. Аффиксы и аффиксоиды подобного характера являются представителями морфемно-морфологического уровня языка, системы формообразующих аффиксальных морфем. Модальные значения имеют не только эти аффиксоиды, но и аффиксы множественного числа *-лар*, словоизменительные аффиксы принадлежности *-из* // *-миз* и др.: модарамон//онамлар, падараямон//отамлар, падархаямон//отамиз, модархаямон//онамиз и т.д. Поэтому мы считаем неверным объединение отдельных формообразующих аффиксов и частиц в одной функционально-грамматической системе.

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что в изучении ЧР имеется много неясных и нерешенных вопросов, необходимо однозначное разъяснение для решения важных теоретических проблем ЧР не только в отношении какого-нибудь конкретного языкознания, но и в отношении ЧР с точки зрения и общего языкознания.

Совокупность всех традиционных знаменательных ЧР объединена нами в группы, которые называются лексико-грамматическими; в них включаются существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие в таком же порядке. Другие последующие группы называются формально-грамматическими и формально-прагматическими классами слов. Формально-грамматический класс слов состоит в основном из двух видов служебных слов-послелогов и союзов. Модальные слова, подражательные слова, междометия и частицы составляют третью группу системы ЧР, называемую формально-прагматическим классом слов.

Несколько слов о термине «прагматика» и обозначаемого им понятия. Термин *прагматика* образован от греческого слова прагма «дело, поступок; подвиг, обстоятельство» [197, 6]. Прагматика сопутствует языковым единицам, без языковых единиц прагматика не существует. Понятие прагматики свойственно и речи. Коммуникативное назначение языковых единиц в речи определяется прагматикой. Прагматическое содержание единиц уровней языка раскрывается в системах «**единицы языка + говорящий**» и «**единицы языка + слушающий**». Однако этих отношений недостаточно, чтобы полностью достичь его, так как обе указанные системы получают свой настоящий смысл только в контексте более сложного единства [145, 12]. Прагматика является своеобразным аспектом языка, который тесно связан с семантикой, и входит в состав лексического значения. Прагматическое значение является оценочно эмоциональным, стилистико-характеризующим значением. Одной из центральных проблем лингвистической прагматики является изучение эмоционально-оценочного содержания языковых единиц, однако в лингвистике прагматический аспект остается почти неисследованным. Праг-

матическое значение в языке совпадает с эмотивным значением [145, 14]. Поэтому модальные слова, подражательные слова, междометия и частицы объединены нами в один класс слов, называемый формально-прагматическим классом слов.

Каждая группа, как нам кажется, не нуждается в специальном объяснении. Единицы лексико-грамматического класса слов – это совокупность языковых единиц, которые характеризуются наличием в них лексических номинативных значений, и одновременно они относятся к определенным грамматическим классам, т.е. имеют значения и собственно грамматического плана.

ЧР, которые отнесены к формально-грамматическому классу слов, само собой разумеется, лексически опустошены, несамостоятельны и служат для выполнения различных грамматических (синтаксических) отношений, а также для образования аналитических форм слов. Все эти свойства характерны для послелогов и послеложных слов, союзов и союзных слов.

Под термином «формально-грамматические классы (разряды) слов» нами рассматриваются единицы собственно грамматического плана, которые осуществляют связь между словами (предложениями), это касается, в основном, послелогов и послеложных слов, союзов и союзных слов. Однако следует отметить, что послеложные и союзные слова – это не чисто грамматическое явление. Они – результат транспозиции знаменательных ЧР в служебные. Послеложные и союзные слова возникают под давлением явления, которое связано с понятием неизосемичности, что характеризуется полифункциональностью и полисемантичностью отдельных полнозначных слов за счет нейтрализации одного из их основных семантических значений.

Таким образом, в системе ЧР нами выделены три основные группы:

- 1) лексико-грамматическая (лексико-грамматические классы слов);
- 2) формально-грамматическая (формально-грамматические классы слов);
- 3) формально-прагматическая (формально-прагматические классы слов).

В пределах трех внутренних систем ЧР выделены их 12 традиционных разновидностей. Следует отметить, что предлагаемая нами классификация ЧР – это не окончательное, не исчерпывающее решение проблем изучения теоретического аспекта классификации ЧР. Она может дополняться и изменяться другими исследователями при изучении ЧР на материале других языков.

Предлагаемая нами классификация частей речи в таджикском и узбекском языках представляется в следующей таблице (см. таблица №2).

Таблица №2

Части речи		
Лексико-грамматич. классы слов	Формально-грамматич. союзы, союзные слова	Формально-прагматич. классы слов
Существительное	Послелого	Модальные слова
Прилагательное	Послеложные слова	Подражательные слова
Числительное	Союзы	Частицы
Наречие	Союзные слова	Междометия
Местоимение		
Глагол		

Другой важный и неотложный вопрос – это вопрос об унификации мета-языковых планов лингвистических понятий в тюркских языках, что непосредственно касается и терминологического аспекта системы ЧР. Одно и то же лингвистическое понятие в разных тюркских языках выражается с помощью разных терминов. Например, для выражения понятия «существительное» в таджикском языке *исм*, узбекском языке употребляется термин «от»; в кыргызском языке – *зат атооч*; в уйгурском языке – *исим*; для выражения понятия «частица» в таджикском языке *хиссача*, в узбекском языке употребляется термин «юклама»; в кыргызском – *байламти*, а в уйгурском – *уланми*; для выражения понятия «междометие» в таджикском языке *нидо*, в узбекском языке употребляется «ундовлар», в кыргызском – *сырдык соз*, а в уй-

гурском – *имлықлар* и т.д. Ведь узбекский, кыргызский, уйгурский и другие языки являются близкородственными по отношению друг к другу.

1.2. Взаимоотношения служебных частей речи и служебных слов в сопоставляемых языках

В языковой структуре важную роль играет словарный состав, который представляет собой строительный материал языка и служит основным средством при коммуникативном общении людей. Как нам известно, основной единицей словарного состава является слово. Слова, подчиняясь правилам грамматики и соединяясь друг с другом (между собой), в предложении приобретают способность выражать мысли человека, благодаря чему язык становится незаменимым средством общения.

В функционировании слова в предложении важную роль играет его лексическое значение, посредством которого приобретают лингвистический статус его денотаты, определенные вещи, предметы окружающего нас мира и их признаки. Лексическим значением слова также определяется его связь с определенными грамматическими категориями или понятиями логического и лингвистического планов. На основе характера лексических значений слов определяются и выделяются отдельные лексико-грамматические их разряды, которые принято называть частями речи.

При выделении разрядов слов – частей речи – исследователи стараются учитывать всю совокупность семантических, синтаксических и морфемно-морфологических признаков, присущих словам данного языка.

Вопрос о принципах выделения и классификации частей речи относится к числу сложных и трудных вопросов грамматики, вызывающих споры и разногласия среди языковедов. Однако на практике в разных языках продолжают пользоваться в основном традиционной схемой частей речи, укрепившейся в индоевропейских языках со времен Древней Греции и Рима. Таким образом, споры относятся преимущественно к области теоретического толкования (интерпретации) и некоторых отдельных деталей классификации.

Дискуссионный характер выделения частей речи на знаменательные и служебные М. Я.Блох отмечает таким образом: «служебные слова, рассмотренные с функционально-синтаксической точки зрения, особенно явно обнаруживают свою близость к грамматическим аффиксам – показателям различных категориальных значений слов (ср., например, предлоги и падежные формы, модальные глаголы и вспомогательные глаголы). Более того, синтаксическая характеристика для многих служебных слов, как мы отмечали выше, фактически исчерпывает их содержательную сторону: функционально-синтаксическое содержание заполняет весь объём их семантемы. Недаром В.В. Виноградов, противопоставляя классы служебных слов классам знаменательных слов, называл их не «частям речи», а «частицами речи». [30, 104].

В тюркских языках в основном использовалась традиционная схема с частичными изменениями и дополнениями применительно к особенностям отдельных языков. То же самое наблюдалось и в истории изучения узбекского и таджикского языков. В классификации ЧР принято сопоставлять и объединять слова и их разряды в отдельные группы по наиболее общим признакам. В этом плане слова в языке делятся, прежде всего, на слова полнозначные и служебные.

К полнозначным относятся лексические единицы, которые обладают определенным реальным значением, отражающим действительность: *замин // ер*, «земля»; *кор // иш*, «работа»; *об // сув*, «вода»; *кор кардан// ишламоқ*, «работать»; *ҳар кас // ҳар ким*, «каждый»; *ҳеч кас//ҳеч ким*, «никто» и др. Полнозначные слова наиболее многочисленны и составляют основную часть лексического богатства изучаемых нами языков. Такие слова в построении речи играют роль самостоятельных конструктивных единиц и могут выступать как полноправный член предложения. Следует отметить, что подробно характеризовать систему полнозначных слов и останавливаться на каждом отдельно не является задачей настоящего исследования. Основная цель нашей работы – вкратце охарактеризовать систему служебных слов (служебные части речи) и рассмотреть процесс перехода отдельных лексиче-

ских (и грамматических; лексико-грамматических) единиц – системы полнозначных слов в служебные слова.

Служебные слова, такие как аффиксы, являются маркерами определенных грамматических значений. К ним относятся, естественно, и вспомогательные глаголы. Среди них вспомогательные глаголы относятся к чисто грамматическим маркерам, которые выражают в составе аналитических форм глагола те же грамматические значения, которые в составе синтетических форм глагола выражаются флексиями или аффиксальными морфемами. Что же касается модальных и аспектных (фазовых) глаголов, как служебные глаголы в узбекском языке, то они, часто не имея параллелей среди словоизменения или формообразования, выражают соответственно модальность и способы действия.

Е.С.Кубрякова служебные слова отождествляет с морфемами. Говоря о функциональной характеристике морфем, она отмечает, что морфемы бывают служебные и неслужебные, все они являются корневыми. Она пишет, что «понятие корня может быть... использовано при описании структуры слова, независимо от того, является это слово служебным или знаменательным... Корневые морфемы могут представлять собой и служебные, и неслужебные морфемы. Корневые морфемы, в отличие от аффиксов, нередко материально совпадают с основой слова».

К служебным морфемам относятся все аффиксы, кроме этого, служебные слова: артикль, некоторые разряды местоимений, предлоги, союзы и т.п. [115,110-114]. К системе служебных слов относятся формально-грамматические единицы, которые не имеют самостоятельного вещественного значения, отражающего действительность, а выражают лишь ами. В речи они не могут выполнять роль ее отдельной самостоятельной единицы в отношении и связи между полнозначными слов и употребляются только вместе с каким-либо полнозначным словом, дополняя или уточняя его значение: *пеш аз чанг // урушдан аввал* - «до войны»; *ба лаби даръёи Сир// Сирдарё қиргоғи-*

га - «на берегах реки Сырдарьи»; *дар наздикии даръё //дарё яқинида* - «ближе к реке»; *баъд аз мактаб// мактабдан сўнг* - «после школы» и др.

В языке количество служебных слов по сравнению с количеством знаменательных весьма ограничено. Главным образом, увеличение численности служебных слов происходит за счет перехода знаменательных слов в разряд служебных внутри самого языка.

Существенным условием для такого перехода становится сближение лексических и грамматических значений и функций знаменательных слов со значениями и функциями, свойственными служебным словам. Знаменитые языковеды А.А.Потебня, А.А.Шахматов, И.И. Мещанинов и вслед за ними Я.Бауэр, Н.С.Поспелов, Е.Т.Черкасова и др. в своё время определили проявление изменения значений знаменательных слов. Согласно этому, сближение семантики знаменательных слов со значением служебных слов связано с определенным функционально-смысловым разрядом. Так же изменяются существенные синтаксические функции знаменательных слов, соответственно с изменением синтаксического строения предложений.

Служебная функция очень часто связана с переходным употреблением слова, в этом случае слово используется не только в силу собственного значения, но и как знак, связующий два других слова. Связующая функция может оттеснять собственное значение слова и это даёт возможность лексической единице приобрести облик в других семантических планах: служебной, фигуральной, фразеологической. Использование слов в служебной функции свойственно всем языкам. «Все новые и новые категории слов могут переступать границы полноточности, переливаться в разряд служебных слов [114, 107].

Процесс перехода знаменательных слов в категории служебных охватывает все знаменательные части речи. Регулярное и неразрывное обогащение фонда служебных слов иногда приводит к трудности их определения, в частности описания их семантики и синтаксической характеристики. Знаменательным словам характерно приобрести вторичное, производное значение,

обладание нового синтаксического свойства; более того, возникает множество промежуточных ситуаций, тогда слово в языке ещё не имело позиции служебного, несмотря на это в речи выполняет служебные функции. К числу таких слов относятся:

а) большая группа семантически «опустошенных» глаголов–слов;

б) многие случаи использования местоимений в качестве средств выражения анафорических связей в тексте;

в) употребление ряда знаменательных слов в функции вводных и др.

В связи с этим обстоятельством Л.В.Щерба выделяет особый разряд слов под названием «строевые элементы лексики», которые не обладают всеми признаками «подлинно» служебных слов, зачастую выполняют свойственную им синтаксическую роль. Строевые элементы лексики (слова) выступают как служебные. К строевым элементам лексики отнесены все переходные глаголы, «полное» русское прилагательное, которое соответственно родительным падежом, существенно выполняет функции служебного слова [221, 9-3].

Л.В.Щерба особо подчеркивает важность изучения перехода знаменательных слов в служебные и пишет, что «это (изучение) необходимо как в плане теоретическом, так и в плане чисто методическом, так как можно показать, что при изучении иностранных языков знание строевых элементов важнее знания знаменательных... Первые нужны всегда и везде, а встречаемость вторых зависит от интересов изучающего язык, а еще больше – от случая» [221, 29-33].

Слова независимо от любой части речи могут выступать в качестве строевого элемента. Типичным проявлением строевых слов являются личные и указательные местоимения, которые в своем анафорическом употреблении выполняют служебные функции. Например, *Вайро медонистагиаши ҳамин аст: оби бисёр заминро вайрон мекунад. // Унинг билгани шу: кўп сув ерни бузади. (А. Мухтор «Сёстры», 67 с.) // Он знает только то, что много воды разрушает землю.* В данном предложении указательное местоимение «шу»

употреблено в качестве союза между предикативными частями сложноподчиненного предложения с придаточным сказуемым. Оно является многофункциональным элементом:

- а) занимает позицию сказуемого главной части сложноподчиненного предложения;
- б) является анафорическим элементом;
- в) функционирует в качестве подчинительного союза;
- г) является основным семантическим определительным маркером сложного предложения.

Такое употребление местоимения «*шу*» является основным характерным признаком служебных слов типа подчинительного союза.

Ю.А.Левицкий служебные слова делит на: 1) маркеры и 2) коннекторы. Маркеры, в свою очередь, делятся на маркеры классов и на маркеры зависимости (в простом предложении – предлоги; в СПП – подчинительные союзы). Коннекторы имеют две разновидности: специфичные (модальные слова, вводные слова) и сочинительные союзы [120, 113-122]. Система служебных слов отличается от системы полнозначных в отношении изменяемости и неизменяемости их грамматических планов. Поэтому служебные слова составляют систему формально-грамматических единиц под названием «слова неизменяемые». Полнозначные слова в отличие от служебных составляют систему слов, словоизменение которых осуществляется под влиянием склонения (слова именного типа) и спряжения (слова глагольного типа).

Служебные слова в основном играют роль некоторого дополнительного элемента в структуре языка. Часть служебных слов исторически представляет собою отпочкование от основного костяка языка, т.е. имеет именное и глагольное происхождение, изучение которых является основным содержанием данного исследования.

В языке образование служебных слов приводит к стимулированному превращению свободных сочетаний с фразеологическими единицами, и они, по толкованию Р.П.Рогожниковой, являются грамматическими фразеологиз-

мами (*навстречу к; благодаря тому, что; в связи с* и т.п.) [171, 106]. Служебные фразеологизмы В.В.Виноградовым называются «идиоматизмами».

Служебные слова (СС) по классификации проф. М.З.Закиева делятся на словосоединительные и модальные. К первой группе отнесены союзы и союзные слова, послелого и послеложные слова. Отличие союзных и послеложных слов от союзов и послелогов определяется в отношении многофункциональности союзных и послеложных слов: они могут выступать и в союзном, послеложном значении, и в своих исходных значениях знаменательных (полнозначных) частей речи [78,88]. Например, вспомогательное местоимение выступает союзным словом лишь тогда, когда оно теряет свое вопросительное значение и устанавливает определенное отношение между предикативными частями сложно-гипотативного предложения: *Қаерга маъшуқа оёғи тегса, ўша ер ошиқнинг саждагоҳидир.* (Г.Гулям. Сочинение.с.57) *Ба кучое, ки қадами маъшуқа расад, ҳамон ҷой сачдагоҳи ошиқ аст.* // *Куда ступает возлюбленная, там и место исповедания влюбленного.* Эта ситуация характерна для узбекского языка, а в таджикском языке составные предлоги *кучое ки //ҳамон ҷой* не существует. Функционирование полнозначных слов в качестве служебных – это и есть явление конъюнкционализации, чем определяется ее характер в грамматическом строе языка.

Послелого и послеложные слова относятся к словосоединительным средствам языка, что является их основной функцией. Однако они нередко могут выражать только присущее им грамматическое значение, непосредственно не являясь средством связи слов. Например: *Ҳамаи ташвишҳои ман ба хотири ту аст.* (У.Хашимов. «Белая радуга»,- с.92) // *Менинг барча ташвишларим сенинг учун // Все мои хлопоты – ради тебя.* В данном контексте (предложении) послелог «учун» (*барои ту*) выражает значение цели, но не служит непосредственным средством связи между словами, однако такая связь подразумевается. *Кӯшишҳои ман ба хотири ту аст.* // *Менинг интилишларим сен учундир.* // «*Моё старание - ради тебя.*».

Служебные слова не бывают членами предложения. Только постпозитивные служебные слова в узбекском языке могут выступать в составе определенного члена предложения. В таджикском языке участие служебных слов в составе определенного члена предложения имеет иной характер, только препозитивные служебные слова в них могут выступать в составе определенного члена предложения: Например: *Ман бо падарам дар ҳавлии Соктаре танҳо монда будем.* (С.Айни. «Воспоминание», 50с.) // *Мен отам билан Соктардаги уйимизда ёлғиз қолган эдик.* // *Мы вместе с отцом остались одни в доме, который находился в Соктаре. Баъд аз дастгир карда додани Азизбек обрӯю эътибори Юсуфбек ҳоҷи назди қипчоқиён ҳам баланд шуд.* (А.Кадири. «Минувшие дни», 119 с.) // *Азизбекнинг қўллаб-қувватлашидан сўнг Юсуфбек ҳожининг обрӯ-эътибори қипчоқлар олдида янада баланд бўлди.*

Различие между узбекским и таджикским языками наблюдается в том, что для узбекского языка характерно употребление послелогов, синтагматика которых осуществляется постпозитивно; а для таджикского языка - употребление предлогов (пешояндҳо), синтагматика которых осуществляется препозитивно. Кроме этого, служебные слова типа предлога (в таджикском языке) и послелога (в узбекском языке) вместе с полнозначными словами образуют такт, который является одной из частей фразы. Служебные слова (незнаменательные) не имеют своего ударения, поэтому они примыкают спереди и сзади к знаменательному слову, имеющему самостоятельное ударение, образуя с ним один такт [60, 188-189]. Примыкание спереди характеризуется явлением проклизы, что характерно для предлогов, наблюдаемых в таджикском языке.

Примыкание служебных слов к знаменательному сзади – это явление «энклизы» (эпклитика), что характерно для послелогов, которое характерно для узбекского языка.

Служебные слова не имеют собственных специфических морфологических форм, выражающих их грамматические значения.

Служебные слова О.П.Суником оцениваются как частичные, формальные или «пустые» единицы языка, которые обладают какими-то грамматическими значениями. Он отмечает, что «особенность многих СС в том и состоит, что они не являются полнозначными словами, выступающими в функции предложения («слова – предложения») или отдельного члена предложения («словосочетания – предложения»), а служат своеобразными средствами связи знаменательных слов, а также их групп или выступают показателями особых, так называемых аналитических форм некоторых знаменательных слов. И по функции, и по своим грамматическим значениям многие СС в принципе не отличаются от служебных морфем – аффиксов, а также от других грамматических способов, «иногда их даже называют «словами – морфемами» [196, 40]. Высказанное О.П.Суником мнение подтверждается М.Закиевым, который служебные слова татарского языка рассматривает как своеобразные морфемы, функционально сходные с аффиксальными морфемами. Он полагает, что «аффиксальные и служебные морфы (морфемы)» имеют много общего, однако служебные морфы (служебные слова) от аффиксальных отличаются тем, что они не принимают на себя ударения словоформы и многие из них не подчиняются сингармонизму лексически значимой части словоформы». По мнению О.П.Суника, служебные слова находятся вне системы частей речи, они не обладают лингвистическими свойствами частей речи. Он утверждает, что «служебные слова ... обладают только теми или иными грамматическими значениями» [196,20].

Несколько слов о термине «конъюнкционализация». Конъюнкционализация является новым термином в системе лингвистических терминов. В «Словаре лингвистических терминов» (М, 1966. С.208) зафиксирован термин «конъюнктив» в значении сослагательного наклонения. Имеется в нем и термин «конъюнкционализация» с интерпретацией «переход наречия, именной словоформы и т.п. в разряд союзов». С этой точки зрения, конъюнкционализация находится на одном уровне с понятиями «адвербиализация», «вербализация», «субстантивация», «прономинализация» и др., которые обозна-

чают переход лексем из других частей речи в существительные (субстантивация), прилагательные (адъективация), наречие (адвербиализация), глаголы (вербализация), местоимения (проминализация) и т.д.

В нашей работе термин «конъюнкционализация» употреблен в ином, наиболее широком значении – в значении перехода не только наречия в союзы и союзных слов, а перехода слов всех знаменательных частей речи не только в союзы и союзные слова, а в служебные слова вообще. Нужно подчеркнуть, что в последнем издании «Лингвистическая терминология» (таджикское языкознание) термин «конъюнкционализация» не вошел (2).

Процесс конъюнкционализации носит сложный своеобразный характер. В данном процессе форма знаменательного слова сначала выполняет служебную функцию в определенном контексте, а затем может превратиться в неизменяемое слово полностью с известным служебным значением, т.е. образовать новую словарную единицу. Только определенная общность именно таких новых слов может представить совокупность специфических категориальных признаков той или иной СЧР и объединить вокруг себя переходные элементы и этим самым образовать самостоятельный лексико-грамматический разряд слов.

Применяя этот дополнительный критерий среди служебных слов узбекского и таджикского языков, можно найти ряд самостоятельных оформившихся частей речи и групп слов, промежуточных между знаменательными и служебными частями речи, которыми характеризуется лингвистическая природа явления конъюнкционализации.

Процесс конъюнкционализации в науке о языке рассматривался в качестве одной из разновидностей переходных фактов в области частей речи [30, 142]. Результатом данного процесса является то, что «отдельные слова на почве звуковых изменений и изменений значения, происходящих в них самих и в связанных с ними ассоциативно словах, медленно и постепенно переходят из одной категории в другую» [37, 142].

Здесь профессор А.М.Пешковский имел ввиду процесс перехода знаменательных частей речи между собой. Но высказанное им непосредственно относится и к процессу конъюнкционализации. Далее А.М.Пешковский пишет, что «процесс этот вечен в языке, и в тех случаях, когда процесс для данного слова закончен, когда оно уже перешло в новую категорию, мы, конечно, никакой «переходности» не видим. Но когда переход совершается на наших глазах, когда длинный процесс перехода своей серединой занял как раз переживаемую нами эпоху, тогда мы останавливаемся в недоумении над словом и не знаем, к какой части речи его отнести [163, 143].

Высказанное А.М.Пешковским мнение подтверждается фактами субстантивизации и фактами перехода слов из разряда наречий в служебные слова, в основном, в предлоги.

Конъюнкционализацией, т.е. переходом полнозначных слов в служебные, определяется внутренняя закономерность развития языка, где важную роль играют пути и способы образования новых слов, что является недостаточно изученным.

Наименее изучены пути и способы образования новых слов на базе уже имеющихся в языке лексических единиц, в частности образования новых производных предлогов. Лишь во второй половине прошлого века внимание к этой проблеме заметно усилилось, теперь уже можно назвать не только ряд специальных исследований и статей, посвященных изучению процесса образования новых предлогов русского языка, но также и ряд специальных работ, в которых можно найти материалы, относящиеся к данному вопросу [218, 3].

Различение лексем по частям речи связано с классификацией общей системы ЧР.

В классификации общей системы ЧР важную роль играет деление ЧР на знаменательные (самостоятельные) и служебные. И.Ф.Вардуль считает, что знаменательные ЧР типа существительные, глаголы являются строевыми частями речи в отношении служебных ЧР, типа предлоги и частицы. Предло-

жение И.Ф.Вардуля заключается в том, что лексемы, принадлежащие строевым частям речи, называются строевыми; лексемы, принадлежащие служебным ЧР, называются служебными. Это деление является таксономическим: на семантические, несущие сигнификативную информацию, и синсемантические, которые передают лишь индикативную... информацию [34, 23]. Отмечается, что синсемантические (т.е. служебные) лексемы не функционируют вне автосемантических полнозначных лексем. Синсемантические лексемы не способны выразить свое содержание вне сочетания с автосемантическими лексемами. Мнение ученого заключается в том, что «все служебные слова (лексемы) синсемантически» [161, 35].

Служебные слова отдельными лингвистами-тюркологами, например, Н.Е.Петровым, делятся на две группы:

1) постпозитивные служебные слова (служебные глаголы, служебные имена, послелогии и частицы), которые примыкают к какому-нибудь слову в функции определенного члена предложения как их аналитическая форма;

2) свободные служебные слова (союзы и модальные слова), которые в предложении не вступают в обычную грамматическую связь с его членами.

Основной базой служебных слов, как сказано выше, является система знаменательных ЧР. Характерной чертой служебных слов в целом является наличие в их составе многих переходных, функционально-служебных слов. Знаменательное слово при функциональном переходе, т.е. при конъюнкционализации в постпозитивное служебное слово подвергается изменениям и приобретает новые качества:

1) утрачивает вообще лексическое значение;

2) теряет синтаксическую функцию самостоятельного слова;

3) обслуживает непосредственно другое слово, занимая место после него;

4) образует с обслуживаемым словом интонационно-смысловое единство, между компонентами которого невозможна пауза или вставка знаменательного слова;

5) выступает с обслуживаемым словом, отвечая на один вопрос, как один член предложения и словосочетания.

Служебные слова переходят в знаменательные слова или сочетания слов, но обратное превращение СС в знаменательные наблюдается. Однако внутри класса СС бывают чистые переходы (конверсия служебных слов). При этом служебные слова могут переходить в частицы; служебные имена – в послелогои, послеложные слова; союзы и частицы – в союзы.

Система служебных слов в каждом языке, в том числе и в таджикском, и узбекском языках, продолжает расширяться, грамматически совершенствоваться. Об этом свидетельствует система каждого формально-грамматического разряда общей системы служебных частей речи изучаемых нами языков.

В системе СЧР заметное место занимают послелогои, которые следуют после сочетающихся с ними самостоятельных слов – имен существительных, местоимений, субстантивированных частей речи. Управления и примыкания являются способами связи между послелогоами и самостоятельными словами, в нём послелог выступает как управляющее, а знаменательное слово – в роли управляемого: *ба сӯи шаҳр // шаҳарга томон - «к городу»*; *дар дохили шаҳр // шаҳар бўйлаб - «по городу»*; *бо ту // сенинг билан - «с тобой»* и др.

В узбекском языке, как и в других языках, по структуре послелогои делятся на две группы: 1) собственно послелогои, типа – *билан, учун, сари, сайин* и т.д.; 2) послелогои, образованные от различных частей речи, которые являются результатом явления процесса конъюнкционализации.

Поэтому данную группу послелогоов можно называть конъюнкционализированными послелогоами. По генезису конъюнкционализированные послелогои в узбекском языке делятся на:

а) послелогои – изолированные формы имен: *дар ҳаққи // ҳақида; доир ба // тўғрисида; дигар // бошқа //об этом, кроме того;*

б) послелогои – изолированные формы наречий: *дар, баъд// ичра, сўн-гра// внутри, потом, после;*

в) послелогои – изолированные формы глагола: *дида // қараб, назар ба // қараганда, назар ба // кӯра // смотря;*

г) послелогои, образованные путем конверсии: *баъд, пас // кейин, сўнг // после; пеш // олдин //впереди* и др.

Теперь несколько слов о лингвистическом характере союзов и союзных слов, которые занимают такое же важное место, как послелогои и послеложные слова, в системе служебных ЧР. Союзы тоже относятся к неизменяемым ЧР, которые выражают логико-грамматические отношения и связи между однородными словами, словосочетаниями, группами слов, предложениями, фразами в составе простых и сложных предложений, а также сложных синтаксических единств. Таким образом, служебные слова, являясь одним из средств построения речевых произведений, выполняют в строении языка грамматические функции. В качестве единиц языка сущность служебных слов противоречива: в плане выражения не морфема, а относится к слову. Следует отметить функции, которые входят в число грамматических средств языка с такими средствами, как и другие грамматические средства. СС в структуре предложения становится маркерами грамматических отношений между другими – неслужебными, или полнозначными словами, разрядами слов [78, 58-59].

В русском языкознании имеется специальная статья Г.Е.Крейдлина, в которой рассматривается употребление знаменательных русских слов типа *факт, утверждение, вопрос, обстоятельство, условие* в функциях служебных слов. Эти отвлеченные от своих лексических значений существительные отнесены к соотносительным словам, функции которых не отличаются от функций служебных слов [114, 107].

Профессор Л.С.Бархударов справедливо пишет, что количество СС в языке весьма ограничено, в то время как число существительных, прилагательных, глаголов и других знаменательных слов в языке не ограничено и остаётся фиксированным в продолжение весьма длительного времени. С другой стороны, частота употребления СС в речи весьма велика и, что особенно

важно, не зависит от тематики, жанрового или стилистического характера текста [17, 61]. Сказанное Л.С.Бархударовым подтверждается вполне и при частотном употреблении СС узбекского и таджикского языков. Следует отметить, что характер частотности употребления СС имеет однозначность, относятся ли они собственным СС или они являются конъюнкционализованными.

Следует отметить, что в языке нет абсолютной границы между категориями знаменательных (полнозначных) и служебных слов, есть лишь равная степень «служебности» – «знаменательности», то есть большая или меньшая степень преобладания синтаксических функций над лексическим значением.

Выводы по первой главе

Совокупность всех традиционных знаменательных ЧР объединена нами в группы, которые называются лексико-грамматическими; в них охватываются существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие в таком же порядке. Другие, последующие, группы называются формально-грамматическими и формально-прагматическими классами слов. Формально-грамматический класс слов состоит в основном из двух служебных слов-послелогов и союзов. Модальные слова, подражательные слова, междометия и частицы составляют третью группу системы ЧР, называемую формально-прагматическим классом слов.

Под термином «формально-грамматические классы (разряды) слов» нами рассматриваются единицы собственно грамматического плана, которые осуществляют связь между словами (предложениями). Это касается в основном послелогов и послеложных слов, союзов и союзных слов. Однако следует отметить, что послеложные и союзные слова – это не чисто грамматическое явление. Они – результат транспозиции знаменательных ЧР в служебные.

Основная цель нашей работы – вкратце охарактеризовать систему служебных слов (служебные части речи) и рассмотреть процесс перехода от-

дельных лексических (и грамматических; лексико-грамматических) единиц – системы полнозначных слов в служебные.

Процесс перехода знаменательных слов в категории служебных охватывает все знаменательные части речи. Регулярное и неразрывное обогащение фонда служебных слов иногда приводит к трудности их определения, в частности описания их семантики и синтаксической характеристики. Знаменательным словам характерно приобрести вторичное, производное значение, обладание новым синтаксическим свойством, другое – сферу употребления; более того возникает множество промежуточных ситуаций, тогда слово в языке ещё не имело позиции служебного, несмотря на это в речи выполняет служебные функции.

Служебные слова не бывают членами предложения. Только постпозитивные служебные слова в узбекском языке могут выступать в составе определенного члена предложения. В таджикском языке участие служебных слов в составе определенного члена предложения имеет иной характер, только препозитивные служебные слова в них могут выступать в составе определенного члена предложения

Конъюнкционализация является новым термином в системе лингвистических терминов. В нашей работе термин «конъюнкционализация» употреблен в ином, наиболее широком значении – в значении перехода не только наречия в союзы и союзных слов, а перехода слов всех знаменательных частей речи не только в союзы и союзные слова, а в служебные слова вообще. (Нужно подчеркнуть, что в последнем издании «Лингвистическая терминология» (таджикском языкознании) не вошел термин «конъюнкционализация»).

Система служебных слов в каждом языке, в том числе и в таджикском, и узбекском языках, продолжает расширяться, грамматически совершенствоваться. Об этом свидетельствует система каждого формально-грамматического разряда общей системы служебных частей речи изучаемых нами языков.

ГЛАВА II. ПРОЦЕСС КОНЪЮНКЦИОНАЛИЗАЦИИ В ТАДЖИКСКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

2.1. Функционально-семантические взаимоотношения предлогов и послелогов, предложных и послеложных слов

Н.И.Фельдман в своей работе предлагает объединить «предлог» с «послелогом» в рамках одной части речи как две разновидности единой служебной части речи. Он пишет, что «... всякая характеристика предлога может быть отнесена к послелогу, а всякая характеристика послелога должна согласоваться с определением предлога». В лингвистической литературе общепризнанно, что предлог – это служебная часть речи, служащая для выражения синтаксических отношений между именами и глаголами, а также между именами и именами. Это определение, естественно, характерно и для послелога» [203, 250-251].

Г.Пауль правильно отмечает, что предлоги и союзы возникают из самостоятельных слов, и их превращение в служебные слова всегда является следствием какого-то сдвига в членении предложения. Этот сдвиг должен быть окончательным. Ведь окказионально связующими элементами могут быть самые различные предложения. Лишь после того, как употребление слова в функции связующего элемента стало более или менее регулярным, это слово можно рассматривать как предлог или союз. Но для этого еще надо, чтобы его конструктивные особенности обособлялись от тех конструктивных особенностей, которыми оно обладало в качестве самостоятельного слова [160, 436].

Наличие в языке предлога или послелога зависит от того, является ли язык суффиксальным или префиксальным. Дж. Гринберг в одной из своих работ – «Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов», отмечает, что «если язык исключительно суффиксальный, то это язык с послелогоми; если язык исключительно префиксальный, то это язык с предлогами» [64, 144]. Отсюда ясно, что узбекский язык относится к исключительно суффиксальным языкам, поэтому в его

грамматическом строе функционируют послелогои. А таджикский язык является исключительно префиксальным, поэтому в грамматическом его строе активно употребляются предлоги.

Дж. Гринберг пишет, что предлоги доминируют над послелогоами, порядок SV (субъект+глагол) доминирует над порядком VS (глагол+субъект), кроме того, предлоги гармонируют с порядком VS (глагол+субъект) и не гармонируют с порядком SV (субъект+глагол), тогда как послелогои гармонируют с порядком SV (субъект+глагол), и не гармонируют с порядком VS (глагол+субъект) [64, 144].

Предлоги и послелогои являются маркерами грамматических значений определенных категорий, в свою очередь, их значения отличаются от значений лексического характера.

Надо учесть, что грамматические значения возникают на почве лексических значений. Они (грамматические значения) – завершающий результат абстрагирования лексических значений. Кроме этого, грамматическое значение не существует без лексического.

Языки отличаются друг от друга не только тем, какие значения они выбирают в качестве грамматических, но и тем, как они предпочитают их выражать. Вместе с тем можно заметить, что при всем разнообразии «грамматических способов», характерном для языков различных типов ..., в них обнаруживается принципиальное сходство, связанное с самой природой грамматических значений. Это сходство состоит в наличии общей закономерности, которую можно было бы назвать тенденцией к специфической ковариантности между содержанием и выражением [13, 21].

Мнение, высказанное выше, вполне подтверждается грамматическими особенностями узбекского и таджикского языков. В грамматическом строе этих языков обнаруживается определенное различие в отношении характера функционирования формальных элементов, посредством которых выражаются определенные значения грамматического плана (план выражения). Так, например, синтаксические отношения подчинительного характера в узбек-

ском языке выражаются с помощью послелогов, а в таджикском – с помощью предлогов, чем определяется различие между грамматическим строем узбекского и таджикского языков. Послелог и послеложные (конъюнкционализованные) слова, предлог и предложные (конъюнкционализованные) слова в отношении друг к другу являются ковариантными (эквивалентными) средствами языка, которые относятся к планам выражения отдельных грамматических значений, точнее грамматического подчинения.

Сходство в грамматических строениях узбекского и таджикского языков обнаруживается в планах содержания их грамматических строев.

Однозначное функционирование как сочинительных, так и подчинительных отношений характерно и для узбекского, и для таджикского языков, в качестве формально-грамматических маркеров которых в обоих языках выступают послелог и послеложные слова (в узбекском языке), слова-предлоги предложные слова (в таджикском), союзы и союзные слова, в отдельных случаях частицы, чем определяется сходство между грамматическими строениями узбекского и таджикского языков.

Сходство между грамматическим строем узбекского и таджикского языков наблюдается в однозначном функционировании V предлогов и послелогов. Об этом пишет и И.И.Мещанинов: «...по своей основной синтаксической функции предлог в точности соответствует послелогу. И тот, и другой служат показателями синтаксических отношений». В свою очередь, он отмечает и различие между предлогами и послелогам: оно заключается в том, что последние (т.е. послелог) проявляют большую тенденцию к формальному объединению с именем, чем первые (т.е. предлог) [134, 35-36]. Это находит свое объяснение в чисто внешних особенностях языкового строя сопоставительно изучаемых нами языков.

Следует отметить, что имеется сходство и при возникновении послелогов и предлогов. Послелог, как и предлог, восходит в своём прошлом к отдельным значимым лексическим единицам, к словам. Равным образом не подлежит сомнению, что ряд послелогов также как и значительная часть

предлогов, переходит в служебные морфологические показатели, где наблюдается сходство между ними.

Они в этом случае сначала теряют значимость полноценного слова и становятся служебными частицами, а затем утрачивают свою самостоятельность синтаксического показателя и прикрепляются к соответствующим полноценным словам, получая содержание у грамматического форманта [134, 36].

По грамматической концепции Ф.Ф.Фортунатова, служебные слова типа предлоги, союзы, связки, усилительные слова (т.е. частицы), слова – отрицания, вопросительные слова, вводные слова и т.п. объединены в один класс слов, называемый частичными словами, и которые противопоставлены полным словам как слова знаменательные [205, 20]. Характерная черта частичных слов – это неспособность быть членами предложения, по Фортунатову, частями предложения. Отмечается, что семантика частичных слов не может функционировать вне значений полнозначных, знаменательных слов.

Значение и предлогов, и послелогов, а также и союзов – значение абстрактное, т.е. грамматическое. Абстрактное, т.е. грамматическое, значение этих языковых средств образовано на почве конкретных лексических единиц. Абстрактные (грамматические) значения – это вторичные значения по отношению к значениям лексико-номинативного характера, и они не сразу возникли в языке. Это объясняется тем, что различные грамматические форманты (предлоги, послелогов и союзы) постепенно развивались от лексически индивидуальных значений к общим грамматическим категориям. Грамматическое значение того или иного послелогов, предлога или союза, часто восходя к лексически самостоятельным словам, освещает тем самым путь исторического возникновения абстрактных и служебных категорий в грамматике [31, 23].

В таджикском и узбекском языках почти однозначно трактуются модальные слова, частицы и междометия. Это объясняется тем, что единицы этих категорий в отношении лингвистической их природы не отличаются друг от друга. Модальные слова, частицы и междометия узбекского и та-

таджикского языков отличаются друг от друга лишь в отношении перцептивно-фонетической оформленности и в отношении количественного различия.

Таджикский и узбекский языки отличаются друг от друга в отношении наличия предлогов в одном из них и наличия послелогов – в другом. Однако и предлоги, и послелогов являются служебными частями речи, и те и другие функционируют однозначно. И предлоги, и послелогов выражают синтаксические отношения между самостоятельными словами, взаимосвязь которых в предложении осуществляется в речи посредством предлогов и послелогов. Синтаксические отношения, которые выражаются между полнозначными словами посредством предлогов и послелогов, а также предложных слов, являются грамматическими значениями, абстрагированными от лексических значений предлогов, послелогов, а также предложных и послеложных слов. И в этом отношении отсутствует различие грамматического значения между предлогами и послелогоми.

Основное различие между предлогами и послелогоми, а также их аналогами наблюдается лишь в том, что послелогов и послеложные слова могут употребляться с определенными падежными формами, а также в том, что они управляют именными словами в определенной падежной форме. Предлоги и предложные слова в таджикском языке не употребляются с определенной падежной формой и не управляют именными словами в определенной падежной форме. Это объясняется тем, что в таджикском языке отсутствуют категории падежа и их формально-грамматические маркеры, как это наблюдается в узбекском языке.

Еще одно различие между предлогами (и их аналогами) в таджикском и послелогоми (и их аналогами) в узбекском языках обнаруживается в отношении синтаксических конструкций, которые образуются посредством предлогов (и их аналогов) и послелогов (и их аналогов). При помощи предлогов и их аналогов образуются конструкции, компоненты которых представляются словами, которые обозначают предметы и предметы, предметы и их признаки, предметы и действия-состояния. При помощи послелогов и их аналогов

образуются конструкции, компоненты которых представляются словами, обозначающими только предметы и действия – состояния кого-либо, чего-либо. Отсюда можно заметить то, что синтагматические возможности предлогов и предложных слов шире, чем синтагматическая возможность послелогов и послеложных слов *бо додараи омад//укаси билан келди, // пришёл с младшим братом; баъд аз нисфирӯзи вохӯрданд //тушликдан кейин учраиди //встретились после обеда.*

Предлоги и предложные слова отличаются от послелогов и послеложных слов и в отношении морфемно-морфологического состава. В таджикском языке предлоги делятся на первообразные и непервообразные (или производные и непроизводные), как это наблюдается в русском языке. Первообразные (непроизводные) предлоги во многих случаях совпадают с исконными предлогами. Непервообразные (производные) предлоги совпадают с конъюнкционализированными служебными словами.

По характеру отношения непервообразных (производных) предлогов к разделу языкознания существуют разные точки зрения. Они рассматривались то объектом морфологии, то объектом словообразования.

В последнее время в русском языкознании производные предлоги рассматриваются как предмет словообразования. Такой точки зрения придерживается Г.И.Милославский. По его мнению, производные глаголы должны характеризоваться как дериваты, образованные лексико-синтаксическим способом словообразования. Он подчеркивает, что «само понятие предлог определяется как служебная часть речи, которая выражает различные подчиненные отношения существительного к другим словам в словосочетании и предложении. Следовательно, у них нет окончаний и вопрос о морфемной структуре предлогов должен был бы быть предметом словообразования, однако и он по традиции рассматривается в морфологии [136, 233].

Производные (непервообразные) предлоги являются предметом морфологии и в таджикском языкознании.

Сказанное по поводу отношения непервообразных предлогов к словообразованию характерно и для непервообразных послелогов узбекского языка, которые по традиции рассматриваются как предмет морфологии.

Как известно, непервообразные (производные) предлоги и послелоги являются результатом процесса конъюнкционализации, которая относится к конверсии. Конверсия характеризуется как «безаффиксный способ словообразования, при котором единственным средством выражения деривационных отношений является преобразование грамматических признаков (части речевого значения и словоизменительной парадигмы) производного слова по сравнению с омонимичным ему производящим словом» [201, 15]. Непервообразные (производные) предлоги в основном возникают при переходе знаменательных (полнозначных) слов в служебные слова. Об этом свидетельствовал в свое время и академик А.А.Шахматов. Он отмечает, что в русском языке предлоги выражаются словами, являющимися по происхождению наречиями: наречие, сочетавшись с именем, может адъективироваться. А сочетаясь с косвенным падежом существительного, наречие переходит в предлог [220, 32].

И.Ф.Вардуль различает служебные и строевые части речи. К служебным частям речи он относит предлоги и частицы, к строевым частям речи – существительные и глаголы. Он употребляет термин «лексемы» для обозначения единиц и знаменательных, и служебных частей речи. И.Ф.Вардуль пишет, что лексемы, принадлежащие к строевым частям речи, называются строевыми, лексемы, принадлежащие к служебным частям речи – служебными. Это деление является тектоническим, не семантическим. С семантической точки зрения лексемы делятся на автосемантические, несущие сигнификативную информацию (наряду с формативной), и синсемантические, которые передают лишь индикативную (или формативную) информацию. По И.Ф.Вардулю, все служебные лексемы синсемантичны. Но не все строевые – автосемантичны. Существуют строевые синсемантические лексемы, которые

обычно называют вспомогательными. К строевым синсемантическим лексемам отнесены вспомогательные глаголы (напр., англ. to be). [34, 27].

Вслед за И.Ф.Вардулем можно прийти к выводу о том, что конъюнкционализованные служебные слова узбекского и таджикского языков относятся к синсемантическим единицам, у которых ослаблена функция, выражающая (несущая) сигнификативную информацию.

2.2. Предлог – один из основных разновидностей формально-грамматических средств таджикского и узбекского языков

Термин «предлог» – словообразовательная калька с греческого языка *probeis* значения «класть», «ставить перед чем-то» – впервые появилась в статье «О восьми частях слова». Выделение предлога в качестве самостоятельной части речи является заслугой александрийских грамматиков [10, 11], которые объединили в понятии «предлог» собственно предлоги и приставки. Ср., например, определение Дионисия Фракийского: «Предлог есть часть речи, стоящая перед всеми частями речи и в составе слова, и в составе предложения» [10, 13]. Русская грамматическая мысль усвоила именно такое понимание предлога: «Предлог есть часть слова несклоняема, предлагаема всеми слова частями в сложении и сочинении». Это определение в «Адельфотиса» [173, 48]. Определение Л.Зизания: «Предлог есть часть слова несклоняема, перед иными слова частями полагаема».

Современное определение термина «предлог» отличается от понимания его в XIV-XVIII вв. В славянских грамматиках, вплоть до «Российской грамматики», объём грамматического понятия «предлог» оставался в рамках античного, и под предлогом понимались как предлоги, так и приставки. Еще не были осмыслены функции приставки, ее отличие от предлогов, но в некоторых грамматиках (Л.Зизания и, особенно, М.Ломоносова) очень тонко выявлены особенности употребления приставок [125, 11-12].

Таким образом, предлог – это служебная часть речи, оформляющая подчинение одного знаменательного слова другому в словоизменении или в

предложении и тем самым выражающая отношение друг к другу тех предметов и действий, состояний, признаков, которые этими словами называются [173, 66].

Отличие предлогов от полнозначных слов состоит не в отсутствии у них лексических значений, а во внутреннем их своеобразии, находящем свое выражение, прежде всего в том, что эти значения находятся в качественно иных соотношениях со значениями грамматическими.

Внутреннее своеобразие лексических значений предлогов состоит в том, что они, в отличие от таких же значений полнозначных слов, «не наполнены «вещным» содержанием» [77, 46]. Естественно, поэтому номинативная функция предлогам не присуща» [77, 46]. Между тем существует мнение, что предлог дает специфическое наименование отношению и таким образом выделяет его как особую субстанцию. В действительности же предлоги не являются наименованиями тех или иных логико-смысловых отношений – они служат лишь указанием на такого рода отношения между словами [98, 53].

Предлоги, как и союзы, выделяются в особую часть речи по их синтаксической функции (выражение отношений между словами или предложениями), но, несомненно, что в содержании этой функции есть в то же время и значение этих слов. Так, предлог – это предлог, очевидно, потому, что то или иное отношение – содержание его значения, но выражать это отношение между словами есть в то же время его синтаксическая функция. Содержание значения предлога, как и всякое понятие, можно было бы, правда, разложить на некоторое количество понятий, из которых каждое последующее было бы менее общим, чем предыдущее. Так, в сочетании «книга лежит на» выражено:

- 1) отношение вообще;
- 2) отношение между двумя предметами.

Также, содержание значения предлога «на столе» можно было бы разложить на:

- 3) пространственное отношение между двумя предметами;

4) отношение между двумя предметами, из которых первый лежит на поверхности второго и т.д. [194, 67].

В «Русской грамматике» (1980 г.) предлоги по своей формальной организации делятся на первообразные и непервообразные. Первообразные предлоги не связаны живыми словообразовательными отношениями с какими-либо знаменательными словами.

Непервообразные предлоги – это предлоги, имеющие живые словообразовательные отношения и лексико-семантические связи со знаменательными словами – существительными, наречиями и глаголами (деепричастиями).

Непервообразные предлоги гораздо более многочисленны, причем каждый такой предлог соединяется только с одним каким-нибудь падежом. Все непервообразные предлоги делятся на предлоги отыменные, наречные и отглагольные [173, 71].

В современных языках класс предлогов активно пополняется за счет обогащения путем «опредложивания» отдельных форм таких знаменательных слов, которые выражают отношение лексических значений, что свидетельствует о развитии и обогащении системы абстрактных значений.

Поэтому состав производных предлогов в языке непрерывно изменяется, в процессе исторического развития языка возникают новые производные предлоги, генетически связанные с определенными формами полнозначных слов, принадлежащих к классу имен существительных (отыменные предлоги), к классу глаголов (отглагольные предлоги), к классу наречий (отнаречные предлоги). Все они называются определёнными - конъюнкциализованными предлогами.

Основа определёживания отдельных форм полнозначных слов – эта утрата ими категориального значения соответствующего класса слов в результате развития в них категориального значения связующих слов – значения *lit* релятивности. Лексические же значения этих полнозначных слов в процессе определёживания не утрачиваются, а лишь подвергаются сложному процессу качественного их преобразования в направлении усиления заложенной в их

семантике способности к выражению релятивности. Этим и определяется своеобразие лексических значений предлогов: лексические значения служебных слов, в отличие от лексических значений соответствующих полнозначных слов, к которым восходят их компоненты, особого качества: они содержат в себе обобщенное указание на отношение между словами [218, 12].

Предлог лишен способности номинации; он не называет передаваемого им отношения, он только указывает на него. На этом основании М.И.Стеблин-Каменский рассматривает предлоги как единицы, лишённые лексического значения. Против этого мнения возражают А.И.Смирницкий и Б.А.Ильиш, указывая на то, что каждый предлог передаёт не просто отношение, а какое-то определенное отношение. Эта дифференциация отношений рассматривается как лексическое значение предлога. Вместе с тем нельзя забывать, что предлоги – служебная часть речи, не способная к функционированию в качестве члена предложения именно потому, что не называют ничего, что они не способны к номинации. Дифференциация отношений, передаваемая ими, является, скорее всего, дифференциацией грамматической. Представляется, что любое отношение, передаваемое предлогом, есть отношение грамматическое.

Лексические значения предлогов разнообразны, и зависят от значений соединяемых ими полнозначных слов. Эти значения могут иметь более общий, и более частный характер. Общими являются лексические значения, которые присущи всем предлогам, составляющим однородную смыслофункциональную группу... Частные же («индивидуальные») лексические значения предлогов – это те значения, которыми данный предлог отличается от других предлогов той же самой функционально-смысловой группы, т.е. значения, дифференцирующие различные оттенки одного и того же общего лексического значения.

Значения этого типа являются как бы «внутренней формой», обуславливающей употребление того или иного предлога для выражения разных нюан-

сов наиболее общих смысловых отношений между словами (пространственных, временных, причинных и т.п.) [218, 11].

Существенные отличия между предлогами и полнозначными словами состоит в соотношении их лексических и грамматических значений: у полнозначных слов лексические значения являются центром смысловой структуры слова, у предлогов же явно преобладают значения грамматические. Характером этих соотношений, в свою очередь, определяется и степень приближения тех или иных форм полнозначных слов к «собственно» предлогам: «в зависимости от яркости (или ослабленности) собственно лексического значения предлога оно (грамматическое значение) может или как бы заклоняться лексическим значением или, наоборот, выступать на первый план [218, 14].

Известно, что в частях речи протекают глубокие процессы постепенного отмирания старого качества и накопления нового, в результате чего становится возможным переход слова из одной части речи в другую.

Сущность перехода отдельных форм полнозначных слов в разряд предлогов состоит в том, что они утрачивают грамматические признаки соответствующей части речи ... и приобретают грамматические признаки, присущие словам, принадлежащим к разряду предлогов.

Предлоги принадлежат к разряду неизменяемых неполнозначных слов. Основным признаком этих слов является категориальное значение отношения (релятивности). Естественно поэтому, что исходной предпосылкой перехода в разряд предлогов, общей для всех классов тех полнозначных слов, формы которых вовлекаются в этот процесс, является развитие в них элемента релятивности [218, 15-16].

Языковеды утверждают, что предлоги так же, как и послелогов, исторически происходили из слов знаменательных частей речи и функционируют в языке как вспомогательные слова.

По морфологической структуре предлоги образуют две основные группы: 1) непрямые («первичные») предлоги; 2) производные предлоги,

большая часть которых возникла на почве таджикско-персидского языка. (Алиев А., Гарипова Н.Д., Гаффаров А.О., Джураев Р., Каримов А.).

Интересно отметить, что если в таджикском языке образование новых предлогов идет путем соединения имени с первообразным предлогом, как это наблюдается в русском языке (в целях, на путях и др.), то в узбекском языке наблюдается несколько иное явление. Число узбекских послелогов увеличивается потому, что они очень ограничены в возможности многозначности своим конкретным лексическим содержанием. Кроме того, образование новых послелогов идет не путем присоединения к уже имеющимся послелогам соответствующего имени (как в русском языке – по линии), а путём употребления имени, призванного выразить послеложное отношение в каком-либо падеже.

По нашим наблюдениям, при сравнении узбекских послелогов и служебных имен с таджикскими предлогами интересно отметить следующее: первообразные (первичные) таджикские предлоги находят себе соответствие в узбекском языке в виде послелогов и служебных имен главным образом тогда, когда предлоги имеют абстрактное значение. Они, как указывает В.В.Виноградов, «становятся простыми грамматическими знаками объектных отношений». [37, 75].

Дж.Гринберг предлагает 45 грамматических универсалий, в которых отражается характер языков с послелогам. В универсалии №2 отмечается, что «в языках с предлогами генитив (определяемое) почти всегда следует за управляющим существительным, а в языках с послелогам он почти всегда предшествует ему [64, 143]. Содержание этой универсалии вполне подтверждается на материале таджикского и узбекского языков.

При передаче формы родительного падежа в таджикском языке словоформа существительного всегда следует за управляющим существительным (*китоби бародарам // укамнинг китоби* – «книга брата»; *хонаи ман // менинг уйим* – «мой дом» и др.), а в узбекском языке словоформа существительного в родительном падеже, как правило, предшествует управляющему существи-

тельному (*мактабнинг боги //боги мактаб – «школьный сад», укамнинг қалами // қалами бародарам – «карандаш моего младшего брата»* и др.).

Дж.Гринберг еще отмечает, что «для языков с предлогами характерен доминирующий порядок по модели «*глагол+субъект+ объект*», для языков с послелогоми характерен нормальный порядок по модели «*субъект+объект+глагол*». Эти определения составляют основное содержание универсалий № 3 и 4 Дж. Гринберга [64, 146].

Таким образом, нормальным считается доминирующий порядок по модели «*субъект+объект+глагол*» в таджикском языке, и в узбекском языке нормальным считается доминирующий порядок по модели «*субъект+объект+глагол*». *Одина Арбоб Камолдан қўрқувда эди. (С.Айни) // Одина аз Арбоб Камол тарсу ваҳм бурд // Одина испугался Арбоб Камола.*

В таджикском языке количество предлогов больше, чем количество послелогов.

Предлоги таджикского языка по характеру морфемно-морфологического состава (по определению «Грамматики современного таджикского языка» с.55) бывают:

1) собственно простые предлоги (*аз //дан//от, ба //га//к, бар//га//к, бо//билан// с, дар //унда// в нём, то//то//до; бе//бе,сиз// без; ҷуз//ўзида// в себе*);

2) собственно составные предлоги (*то ба //гача//до, ҷуз//ўзида// в себе, аз//дан//от, ба ҷуз//ўзида // в себе*);

3) простые именные-изафетные предлоги (*пеши//олдида// при (в нём), назди//олд, яқини// вблизи, рӯи //да, дан/ от, к, гайри //ўзга, бошқа//кроме...);*

4) составные именные-изафетные предлоги (*ба пеши//олдига// к нему, аз пеши //олдидан //от него, дар назди //олдида // в нём, аз рӯи //дан//от..., аз гайри //дан бошқа// кроме, дар бораи //ҳақида //об этом, дар ҳаққи//ҳақида// об этом...);*

5) повторные составно-изафетные предлоги (*лаб-лаби, пеш-пеш, рӯ-рӯи, тағ-тағи*);

б) составно-неизафетные предлоги (*неш аз, баъд аз, нас аз, гайр аз, берун аз, назар ба, нисбат ба, доир, роҷеъ ба, багайр аз* и др. [49, 286-287]. Среди них предлоги 3-, 4-, 5 и 6-го пунктов характеризуются как конъюнкционализированные от знаменательных слов в служебные слова.

Так, например, именные-изафетные предлоги образованы от существительных, поэтому они могут принимать к себе словоизменительные аффиксы существительного и выражают его грамматические особенности. Именные-изафетные предлоги представляются двумя моделями:

1) **PrN [(предлог + имена) + показатель изафета + Nsubs (существительное)]**: *неши мактаб//мактабнинг олди// возле школы;*

2) **Pr+PrN [(определённые имена) + показатель изафета + Nsubs (существительное)]**: *дар неши мактаб//мактабнинг олдида// у школы.*

Именные составные предлоги представляют собою своеобразные конструкции, которые реализуются по модели трех разновидностей:

а) **V adj + Pr (причастная форма глагола + собственно предлог)**: *бахшида ба// га багишлаб// посвящать;*

б) **N subs + Pr (имена сущ. + собственно предлог)**: *нисбат ба// га нисбатан// к отношению, назар ба //нисбатан// по отношению, оид ба //ҳақида //о нём, гайр аз//боиқа//кроме;*

в) **A dv + Pr (наречие + собственно предлог)**: *неш аз //дан олдин// с начала, баъд аз //сўнг, кейин// после, нас аз//кейин, сўнг//после, берун аз//дан ташқари//кроме и др.*

В отдельных случаях предлоги *баъд аз, неш аз, нас аз* употребляются дистантно, это характеризуется тем, что между двумя компонентами этих предлогов могут употребляться полнозначные слова, которые имеют синтаксическое отношение с другими полнозначными словами посредством этих предлогов: *аз дарс неш //дарсдан олдин// в начале (занятия), аз кор нас//шидан кейин//после работы, аз қанг неш//урушдан олдин// до войны.*

Предлог *зайр аз* имеет вариант *ба зайр аз*, в котором собственно предлог употребляется дважды: и препозитивно в отношении полнозначных слов (*ба*), и постпозитивно в отношении полнозначных слов (*аз*) [57, 287].

В составе этих предлогов имеются слова, которые относятся к знаменательным частям речи. Эти предлоги образованы от полнозначных слов, превращенных в служебные. Правильно отмечает проф. Ш.Рустамов, что не всякие имена существительные могут превращаться в предлоги. Превращение осуществляется тогда, если существительное прекращает выражать предметное значение. При переходе существительного в предлог лексическое значение слова не изменяется, оно сохраняется, изменяется лишь его грамматическое значение. Значение предметности – это не есть значение лексического плана. При употреблении имен в функции предлогов лексическое значение слов утрачивается. Это характеризуется тем, что в данном случае лексическое значение предметности заменяется грамматическими значениями слов [175, 33].

Количество именных-изафетных предлогов в таджикском языке больше, чем количество собственно простых (их 9: *аз, ба, дар, бар, то, бо, бе, чуз, барои*); собственно составных (*то ба, ба чуз, чуз аз*), повторно-изафетных (*қадқади, лаб-лаби, рӯй-рӯй, таг-таги, дарун-даруни* и др.) и именно- составных (*пеш аз, баъд аз, нас аз, зайр аз, нисбат ба, оид ба, назар ба, берун аз, бахшида ба*) предлогов.

Именные-изафетные предлоги реализуются актуализацией их определенных моделей. По характеру продуктивности модели именных-изафетных предлогов таджикского языка имеют три разновидности:

- а) продуктивные модели ИИП (именные-изафетные предлогов);
- б) малопродуктивные модели ИИП;
- в) непродуктивные модели ИИП.

Продуктивные модели ИИП состоят из трех компонентов. Компоненты модели ИИП представляются:

1) **Рг (дар) + N subs + показатель изафета**. По данной модели реализуются ИИП следующего типа: *дар пеши, дар ҳузури, дар назди // дар наздики, дар пушти, дар қафои, дар ақибӣ, дар пайи, дар паси, дар болои, дар зерӣ, дар рӯйи, дар сари, дар миёни, дар даруни, дар беруни, дар паҳлуи, дар гирди, дар тарафи, дар ҷониби, дар давоми, дар зарфи, дар муддати, дар айёми, дар ҳангоми, дар фасли, дар давраи, дар неқой, дар арафаи, дар бадали, дар шаъни, дар васфи, дар байни, дар қатори, дар роҳи, дар бораи, дар хусуси, дар бобати, дар ҳаққи, дар муносиби, дар баробари* и т.д. (По утверждению профессора А. Мирзоева, предлог **дар** при образовании глагольно-изафетных предлогов является продуктивным, и составляет 50 % этих групп предлогов [137, 82];

2) **Рг (ба) + N subs + показатель изафета**. По данной модели реализованы ИИП: *ба пеши, ба ҳузури, ба назди // ба наздики, ба болои, ба рӯи, ба сари, ба даруни, ба паҳлуи, ба гирди, ба тарафи, ба сӯйи, ба ҷониби, ба давоми, ба муқобили, ба зидди, ба хилофи, ба бадали, ба ивази, ба шарофати, ба монанди, ба мисли, ба мисоли, ба пушти, ба роҳи, ба ҷойи, ба туфайли, ба замми* и др.;

3) **Рг (аз) + N subs + показатель изафета**. По данной модели образовались ИИП следующего характера: *аз пеши, аз назди // наздики, аз пушти, аз паси, аз болои, аз рӯйи, аз зерӣ, аз сари, аз байни, аз миёни, аз даруни, аз рӯйи, аз беруни, аз паҳлуи, аз тарафи, аз ҷониби, аз боиси, аз ҷихати, аз ваҷҳи, аз туфайли* и т.д.

Малопродуктивные модели ИИП тоже состоят из трех компонентов – Рг, N subs и показатель изафета.

Рг (бар) + N subs + показатель изафета. По данной модели образованы следующие ИИП: *бар болои, бар рӯйи, бар зерӣ, бар сари, бар муқобили, бар хилофи*.

Непродуктивной моделью именно-изафетных предлогов в таджикском языке является модель **Рг (бо) + N subs+показатель (маркер) изафета**, при

актуализации которой реализуются следующие ИИП: *бо мурури, бо ҳамроҳии, бо мақсади, бо роҳи*.

(Pг – обозначает «предлог»; Nsubs - имя существительное).

В таджикском языке встречаются предлоги *аз рӯ ба рӯи, дар рӯ ба рӯ*, состав которых отличается от состава вышеперечисленных именных-изафетных предлогов. Они образованы по модели **Pг (аз) + N subs + Pг (ба) + N subs + показатель изафета** (*аз рӯ ба рӯи*) и **Pг (дар) + N subs + Pг (ба) + N subs** (*дар рӯ ба рӯ*). Однако эти предлоги в книге “Забони ҳозираи тоҷик. Лексикология. Фонетика ва морфология” (“Современный литературный таджикский язык. Лексикология. Фонетика и морфология”) рассмотрены в составе именные-изафетных предлогов [188, 97]. Нам представляется, по морфемно-морфологическому составу эти предлоги состоят из предлогов: *аз...*, *ба; дар...*, *ба* и из слов – редупликатов.

В таджикском языке отмечаются и повторно-изафетные предлоги (пешояндаҳои номии изофии такрор). Эти предлоги реализуются в речи с помощью их определённых моделей. Моделями повторных изафетных предлогов являются:

а) N subs + N subs + показатель изафета (и): *қад-қади; лаб-лаби, рӯи-рӯи. тағ- тағи, дарун -даруни и др;*

б) N subs + N subs + показатель изафета (и): *гирд-гирди, пеш-пешии, сар-сарии, и др.*

У повторно-изафетных предлогов сохраняются лексические значения полнозначных слов, в составе которых они употребляются. Синтаксические отношения повторно-изафетных предлогов с другими полнозначными словами выражаются посредством показателя - изафета. Значение повторно-изафетных предлогов – это не значение и функция полнозначного слова, которое находится в составе предлога, а значение целого предлога, который образован путем редупликации полнозначных слов. Лексическим значениям полнозначных слов, которые являются компонентами повторно-изафетных предлогов сопутствуют пространственные отношения, характеризующиеся

собственно грамматическими значениями повторно-изафетного предлога в целом.

В таджикском языке повторно-изафетные предлоги при помощи имени существительных *қад, лаб, рӯй, сар, пеш, таг, дарун, гирди*, присоединяются с изафетным союзом, в результате приобретают следующие формы: *қад-қади, лаб-лаби, рӯй- рӯи, таг-таги, дарун-даруни*. [57, 303-304].

Предлоги *қад-қади, лаб-лаби* передают значение, в котором движение направляется к предмету или месту. Например, *Агар мо ҳоло аз паҳлӯи мурдаҳо гузашта, таг-таги деворҳои баланд гузашта равем, ба дарвозаи Самарқанд мерасем. (А. Кодири. «Минувшие дни», с.73. // Агар биз мурдалар ёнидан, баланд деворлар таг-тагидан ӯтиб олсак, Самарқанд дарвозасига етамиз.*

2.3. Послелогов в таджикском и узбекском языках

Послелогов в таджикском языке в сравнении с предлогами мало. Они употребляются в двух разновидностях:

1) собственно послелогов, значения которых сугубо грамматикализованы, их лексические значения утрачены до нуля: – *ро*;

2) именные послелогов (пасояндҳои номӣ), которые употребляются и в номинативном, и в грамматическом значениях: *пеш, пас, қабл, муқаддам, баъд, замон, катӣ, боз, (Баъд аз ба пой хестани додарони ман, гӯсфандамро фурухта барои худам ва додарҳоям як қатор курта -лозимӣ ва либосҳои зимистонӣ гирифта дӯзондам. (С.Айни. "Воспомнания", 171 с.) //Акаларим согайгандан сӯнг қӯйларимни сотиб, ўзим учун ва акаларимга бир қатор қӯйлак-иштон ва қишлик кийимлар сотиб олиб, тикдирдим // После выздоровления моих братьев, продав овец, для себя и братьев купил рубашки, штаны, зимнюю одежду и дал шить их портному.*

В таджикском языкознании этой теме посвящен ряд работ Джураева Р, Овчинникова И.К. В узбекском языке послелог *-ро* не имеет аналога (эквивалента), который носит характер послелогов, функционально-грамматическое

употребление таджикского послелого *-ро* соответствует падежной форме винительного падежа (-ни) в узбекском языке [57, 304]. То есть, функция и значение таджикского послелого *-ро* в узбекском языке совпадает со словами в форме винительного (иногда родительного) падежа: *Гулрӯ кӯзаро гирифта, ба ҳавли даромад // Гулрӯ кӯзани олиб, ховлига кирди// Гулру держа в руках кувшин зашла в дом. (кӯзаро – кӯзани); Писаратон моро масхара карданд (С.Улугзода) // Ўғлингиз бизни масхара қилди (моро – бизни) // Ваш сын дразнит меня.*

Послелог *катӣ* является синонимом предлога *бо*, употребляется в разговорном стиле в художественной литературе [57, 306]. Функция и значение данного послелого в узбекском языке передаётся с помощью собственно послелого *билан* («с»). Все функции и значения этих служебных слов в таджикском и узбекском языках почти совпадают:

а) выражается совместность, соучастие, сопровождение при осуществлении действия: *Ман бародарам катӣ омадам. (С.Айни. "Старая школа", 64 с.) // Мен акам билан келдим // Я пришел с братом;*

б) пространственное значение: *Роҳи лаби сой катӣ меравам // Сои лабидаги йӯл билан кетаман // Пойду по дороге вдоль ручейка;*

в) выражается действие, которое совершается сразу же после другого действия и в зависимости от него: *Чи, Муқим сиҳат шуда ба маҷлис омаданаи кати аксарият даст мебардошт-ми? (Дж.Икромӣ) // Нима, Муқим согайиб маҷлисга келиши билан ҳамма қӯл кӯтардимиз?*

Послелог *барин* // *ӯхшаиш*. Функция и значение данного послелого в узбекском языке передаётся с помощью отглагольного послелого *ӯхшаиш* (инфинитивная форма глагольной лексемы *ӯхшамоқ*), собственно послелогов *каби*, *сингари* «как», «словно», «подобно»: *Ман шумо барин багайрат шуданро мехоҳам (С.Айни «Старая школа». -с.56) // Мен сизга ӯхшаиш (сиз каби, сиз сингари) гайратли бўлишни хоҳлайман // Я хочу стать как вы, энергичным.*

Как видно, послелог *барин* и его узбекские эквиваленты *ўхшаб* (*каби, сингари*), употребляясь в вышеуказанном предложении, выражают отношение сравнения, сопоставления, уподобления по качеству.

Послелог *боз/буён, бери*. Функция и значение таджикского послелога *боз* совпадает с функцией и значением узбекских послелогов *буён, бери* «с тех пор», которыми выражается отрезок времени, с которого начинается действие или после которого продолжается определенное действие: *Ман як ҳафта боз аз дарстайёркунӣ маҳрум мондам (С.Айни) // Мен бир ҳафтадан буён (бери) дарс тайёрлашдан маҳрум бўлдим // Уже неделя прошла как я лишился готовить уроки.*

2.4. Союзы и частицы в таджикском и узбекском языках

Союзы – это одна из основных разновидностей формально-грамматических классов слов. С помощью союзов выражаются отношения между функциональными частями (компонентами) простого и сложного предложений, а также и между отдельными предложениями сложного синтаксического целого (макротекста или дискурса).

В таджикском языкознании проблеме частиц посвящено отдельное монографическое исследование Н. Бозидова «Пайвандакҳои дар забони адабии ҳозираи тоҷик» (Союзы в современном таджикском литературном языке»). Он по синтаксической функции разделяет союзы на две группы: 1. Сочинительные союзы. 2. Подчинительные союзы. Среди союзов таджикского языка *-ва* и *-ки* являются много употребительными и полифункциональными [26,12].

Словом, союз используется для связи словоформ в простом предложении и частей сложного предложения. Союзы принято делить на производные и производные. Производные союзы, в свою очередь, могут быть простые и составные. Составные союзы, на первый взгляд, выступают как словосочетания, части которых похожи на самостоятельные лексемы. Однако дан-

ные языковые единицы не обладают релевантными признаками словосочетаний. Выделяются составные союзы, части которых совершенно различны.

О происхождении союзов Г.Пауль пишет, что они возникают из самостоятельных слов. Так, например, «сочинительные союзы (немецкого языка) развиваются в большинстве случаев из наречий союзного характера...» [160, 137].

Союзы и их аналоги функционируют и в таджикском языке.

По морфемно-морфологическому составу союзы таджикского языка имеют три разновидности:

1) простые союзы (*ва//ва//и, ҳам// ҳам// и, чун//шунингдек// подобие, то//то//до, аммо// аммо, лекин// лекин, вале// вале, зеро// зеро, агар// агар;*

2) сложные союзы (*чунки// чунки//потому что, азбаски//сабабли//потому, агарчи // гарчи, вагарна, агарда//если, набошад // бул-маса и др.*

3) сложносоставные союзы, некоторые из которых являются конъюнкционализированными из самостоятельных слов.

Простые союзы таджикского языка совпадают с непроизводными союзами в русском языке, а последние два – с производными союзами.

В составе сложносоставных союзов употребляются самостоятельные слова: существительные, местоимения и наречия, им сопутствуют предлоги и союзы.

Нас интересуют союзы, которые называются сложносоставными, потому что при их образовании принимают участие и полнозначные слова.

Модели сложносоставных союзов в таджикском языке, в которых имеются полнозначные слова, представляются в следующем:

1) **Предлог+ P+N+Con:** *дар ҳолате, ки дар вақте (вақте ки), ба дара-чае ки, ба тарзе ки, ба андозае ки* и др.;

2) **Pr+Nom+Con:** *барои он ки, барои ин ки, бе он ки, бе ин ки;*

3) **Non+Con:** *ҳамин ки;*

4) **N+Con:** *ҳангоме ки;*

- 5) **Pr+Adv+Con:** *гарчанд ки;*
- 6) **Pr+N+Nom+Con:** *бо вучуди он ки;*
- 7) **Con+N+Nom+Con:** *ва ҳол он ки;*
- 8) **Adv+Pr+Nom+Con:** *пас аз он ки, пеш аз он ки, баъд аз он ки.*

Как видно из характера состава моделей сложносоставных союзов таджикского языка, в составе некоторых из них употреблены два самостоятельных слова разных частей речи (6, 7, 8: *бо вучуди он ки, ва ҳол он ки, пас аз он ки, пеш аз он ки, баъд аз он ки*), а в составе некоторых – и предлог, и союз (2, 5, 6, 7, 8).

Разной является продуктивность реализации моделей сложносоставных союзов в таджикском языке. Так, например, малопродуктивной является модель 3-, 4-, 5-, 6-, и 7-го пунктов (*ҳамин ки, ҳангоме ки, гарчанде ки, бо вучуди он ки, ва ҳол он ки*), наиболее продуктивными являются модели пунктов 1-, 2-, 8.

В таджикском языке наличествуют составные языковые единицы типа: *бинобар ин, бинобар он, бинобар ҳамин, аз сабаби ин, бо вучуди он, бо вучуди ин*, функционирование которых похоже на функционирование союзов и *союзных* слов. Проф. Ш.Рустамовым отрицается функционирование этих единиц как союзов. Он утверждает, что эти единицы в предложении занимают позицию обстоятельства причины, а не союза. Однако они логически соединяют предыдущее предложение с последующим. Между предыдущими и последующими предложениями выражается причинно-следственное отношение, маркером которого выступают лексико-грамматические единицы вышперечисленного характера. Причинно-следственное отношение между двумя предложениями осуществляется при помощи лексико-грамматических единиц, которые напоминают союзы. Во многих случаях между двумя такими предложениями употребляются и соответствующие присоединительные союзы, и такие, которые отрицают союзный характер языковых единиц типа *бинобар ин, бинобар ҳамин* и т.д. [175, 28-29]. Ш.Рустамов подтверждает свою мысль предложением, (*Ҳама ба кор баромаданд, бинобар ҳамин ҳам*

кассе ба назди шумо наомад. (Дж. Икромӣ), Хамма ишга чикди ва шунинг учун хам сизнинг олдингизга ҳеч ким келмади. // Все вышли на работу, поэтому к вам никто не приходил.) в котором союз *ва* функционирует как маркер соединительной связи между двумя частями сложного предложения, а *бинобар ҳамин//шунинг учун //поэтому* занимает позицию обстоятельства причины в составе второй части сложного предложения [177,13].

В таджикском языкознании А.Халиловым вопросы частиц изучены в отдельном монографическом плане [211]. По его утверждению, в узбекском языке большинство частиц, как *-ми, -чи, -а(я), -у (-ю), -да, охир, ҳатто, ҳаттоки, наҳот ки* и другие, с точки зрения состава и функции, значительно близки и соответствуют частицам таджикского языка [211,15]. В таджикском языке определенное количество частиц имеет характер конъюнкциональности от самостоятельных слов, к ним относятся формально-прагматические единицы *рафту* (от глагола *рафтан*), *охир* (существительное), *хуб* (прилагательное) и др.

Конъюнкционализованные частицы по происхождению бывают:

- а) существительными: *илоҳи (илоҳим), охир, майлаш, хайр;*
- б) прилагательными: *хӯб, хӯш, нағз, хӯш, дуруст, рост, рост;*
- в) местоимениями: *чи; ана, мана, канӣ, ҳамин, ҳамон, инак;*
- г) отглагольными: *мон (монед < мондан), биё // биёед (от биомадан), мабодо, рафту // раваду (от рафтан), бигузур // бигзор // бигзаред (от би гузаитан), оре, гӯё (от гуфтан);*
- д) отнаречными: *фақат, ҳатто, боз, бешубҳа, хатман.*

В коллективной работе «Забони адабии ҳозираи тоҷик» («Современный литературный таджикский язык») речь идет и о модальных словах типа *албатта, эҳтимол, даркор*, у которых в определенной мере сохранено лексическое их значение, что не характерно для частиц [188, 419-420]. А также в данной работе специально рассмотрены частицы модально-прагматические (хиссачаҳои модалӣ-иродавӣ) типа *кани, биёд // бед // биё, мон (монед), бигу-*

зор // биззоред. Отмечается, что эти частицы имеют генетическую связь с глаголами.

Выводы ко второй главе

В грамматическом строе этих языков обнаруживается определенное различие в отношении характера функционирования формальных элементов, посредством которых выражаются определенные значения грамматического плана (план выражения). Так, например, синтаксические отношения подчинительного характера в узбекском языке выражаются с помощью послелогов, а в таджикском – с помощью предлогов, чем определяется различие между грамматическими строями узбекского и таджикского языков. Послелог и послеложные (конъюнкционализованные) слова, предлог и предложные (конъюнкционализованные) слова в отношении друг к другу являются ковариантными (эквивалентными) средствами языка.

В таджикском и узбекском языках почти однозначно трактуются модальные слова, частицы и междометия. Это объясняется тем, что единицы этих категорий в отношении лингвистической их природы не отличаются друг от друга. Модальные слова, частицы и междометия узбекского и таджикского языков отличаются друг от друга лишь в отношении перцептивно-фонетической оформленности и в отношении количественного различия.

Таджикский и узбекский языки отличаются друг от друга в отношении наличия предлогов, и наличия послелогов – в другом. Однако и предлоги, и послелог являются служебными частями речи, и те и другие функционируют однозначно. И предлоги, и послелог выражают синтаксические отношения между самостоятельными словами, взаимосвязь которых в предложении осуществляется в речи посредством предлогов и послелогов.

В составе предлогов имеются слова, которые относятся к знаменательным частям речи. Эти предлоги образованы от полнозначных слов, превращенных в служебные.

ГЛАВА III. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЪЮНКЦИОНАЛИЗАЦИИ В ТАДЖИКСКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

3.1. Конъюнкционализованные имена существительные в таджикском и узбекском языках

В результате конъюнкционализации слов именных частей речи образуются служебные слова, функционирование которых однозначно с функционированием послелогов. Конъюнкционализованные слова именных частей речи не имеют самостоятельного предметного значения.

Грамматикализация, т.е. конъюнкционализация имен существительных может произойти только в форме пространственных (дательного, исходного, орудийного) падежей.

Переход самостоятельного существительного в служебное слово зависит от степени его лексической абстракции, от ослабления или потери словом материальной семантики. Поэтому, если существительное, предшествующее служебному имени, означает абстрактное пространственное понятие, невещественный предмет, то служебное имя в форме пространственных падежей может выполнять чисто грамматическую функцию и, приобретая признаки неизменяемого слова, становится послелогом, что свидетельствует о полной конъюнкционализации имени в служебное слово.

Конъюнкционализованные имена в своем новом, грамматикализованном употреблении выражают синтаксические отношения подчинения совместно с аффиксом пространственных падежей. Они совместно с предшествующим им именем выступают как обстоятельства места. При этом сочетание «имя + конъюнкционализованное имя» всегда выступает как один член словосочетания.

В современном узбекском языке имеется более 40 конъюнкционализованных имен. По семантическим признакам их можно разделить на следующие группы:

1) Конъюнкционализованные имена, обозначающие верх, верхнюю поверхность или верхнюю сторону предмета-объекта (*уст // боло //на, над, выше, с*);

2) Конъюнкционализованные имена, обозначающие низ, нижнюю часть или нижнюю сторону предмета-объекта (*таг //таг //под, в, у, мимо, из-под, за, ниже*);

3) Конъюнкционализованные имена, обозначающие перед, переднюю часть или переднюю сторону предмета-объекта (*олд // пеш //перед, впереди, қарши // бар зидди //напротив, мимо, около, спереди*);

4) Конъюнкционализованные имена, обозначающие заднюю часть или заднюю сторону предмета-объекта (*орқа// дар пушти // позади, за, из-за, вслед, за, сзади*);

5) Конъюнкционализованные имена, обозначающие бок, боковую часть или боковую сторону предмета-объекта (*ён//бар // у, около, мимо, вдоль*);

6) Конъюнкционализованные имена, обозначающие место вблизи предмета-объекта (*яқинида // дар назди //у, около, близ, вокруг, подле, вблизи*);

7) Конъюнкционализованные имена, обозначающие конец и удаленную точку предмета-объекта (*орқасида //дар пушт // после, за*);

8) Конъюнкционализованные имена, обозначающие внутреннюю часть, середину и промежуток между предметами-объектами (*ич //дар дарун /дохил //внутри, внутри, в, изнутри, из, по, посреди, среди, между, через, сквозь*).

Конъюнкционализованные имена и в своём собственно грамматическом употреблении сохраняют основные формальные черты существительных. Они как в именном употреблении, так и в служебном значении не теряют характерных черт имени существительного. Вот почему отнесение конъюнкционализованных имен к категории послелого проф. Н.К.Дмитриев считал «явной ошибкой: послелого – неизменяемая часть речи, управляющая падежами и соответствующая русским предлогам, служебные имена (т.е. конъюнкционализованные имена) имеют типологическое значение: это существительные по форме (т.е. изменяемые) и послелого по значению» [71, 184-185].

Конъюнкционализация имен существительных может произойти обычно в форме пространственных (дательного, исходного, орудийного) падежей.

Н.Е.Петров о происхождении конъюнкционализованных имен якутского языка пишет, что «абсолютное большинство служебных имен (т.е. конъюнкционализованных) произошло от названий частей тела человека путём метафоры, переносного употребления их в отношении к другим предметам». Мнение Н.Е.Петрова полностью подтверждается конъюнкционализованными от имени служебными словами узбекского языка.

Образования конъюнкционализованных слов – послелогов, предлогов, а также использование анатомических терминов для обозначения частей предметов и локально осмысленных понятий представляет общезыковое явление. Это связано с тем, что анатомические термины послужили ближайшим эквивалентом, аналогией для названий частей, сторон окружающих человека предметов. В древности человек научился сопоставлять предметы окружающего со своим телом и его элементами. Это послужило фактором изучения соотношений частей своего тела для осознания временных и пространственных отношений и категорий общественной структуры и коммуникаций окружающего мира [161, 41-45].

Служебные слова имеют функциональную общность, что относит их к системе грамматических средств языка и сближает с морфемами, порядком слов, интонацией и прочими грамматическими средствами. Поэтому основная функция служебных слов – это функция синтаксическая. Функция синтаксическая свойственна и конъюнкционализованным словам, отчужденным и отстраненным от своих прежних словарно-номинативных значений.

Конъюнкционализация и ее процессы являются одними из основных источников обогащения и расширения совокупности служебных слов, ибо количество знаменательных слов в языке по сравнению с количеством служебных неограниченно. Таким образом, объём служебных слов увеличивается благодаря конъюнкюлизации знаменательных слов в разряд служебных внутри самого языка. Так, например, А. Юлдашев отмечает, что «Добрая по-

ловина послелогов образована в тюркских языках от знаменательных слов без изменения их облика в результате изоляции и лексикализации отдельных их форм» [224, 58-59].

Облигаторным стимулом, условием подобного перехода становится сближение лексических и грамматических значений и функций знаменательных слов со значениями и функциями, свойственными служебным словам. По концепциям А.А.Потебня, И.И.Мещанинова, А.А.Шахматова, и вслед за ними – Е.Т.Черкасова Я.Бауэра, Н.С.Поспелова др., осуществление изменения значений знаменательных слов проявляются таким образом: возникает отождествление значения знаменательных слов с семантикой служебных слов определенной функционально-смысловой группы слов; меняются существенные синтаксические функции знаменательных слов, что связано с изменением синтаксического строения предложений с этими словами.

В современном узбекском языке группой слов. конъюнкционализованных от имени, являются служебные имена.

Конъюнкционализованные от имени служебные слова входят в определенную группу слов, которые иерархично переходят от знаменательных слов к послелогам. При этом чётко проявляется процесс грамматикализации слов, которые частично или полностью утрачивают лексическое значение, но их связь с именами существительными сохраняется на определённом уровне.

По грамматическим функциям конъюнкционализованные от имени слова близки к послелогам, но различаются от них как семантикой, так и рядом морфологических характеристик. Морфологическими признаками конъюнкционализованных от имени слов – структурно-семантическим классом слов являются следующие:

1) изменяясь по линии трёх пространственных падежей (дательного, местного и исходного), имеют сокращенную парадигму склонения;

2) имея изафетную связь с именами существительными или местоимениями в форме родительного падежа, принимают аффикс принадлежности любого лица и числа при отсутствии местоимения – определения и таким

образом совмещают в себе и служебную, и знаменательную функции: *дар назди мо//олдимизда* - «перед нами». Соответственно, по своей морфологической структуре любое служебное имя представляет собой сочетание трёх компонентов: корень + аффикс принадлежности + аффикс падежа: *Дар назди хона//уйнинг олд-и-да* – «дар пеши хона//перед домом»; *дар болои дарахт//дарахтнинг уч-и-да* – «дар болои дарахт//на верхушке дерева». *Дар дохили хона//уйнинг ич-и-га* – «дар дохили хона//внутри дома».

В отличие от послелогов конъюнкционализованные от имени слова (служебные имена) выступают в качестве своеобразной основы для падежной формы, при этом они не влияют на семантику падежа, а, наоборот, изменяют семантику под его воздействием. Функции падежной формы полностью зависят от управляющего слова (чаще всего глагола), и служебное имя имеет позиции как управляемый член словосочетания. Таким образом, направление к предмету отражается формой дательного падежа (в узбекском языке) *дар назди хона//уйнинг олдида // ба хона* – «к дому»), местонахождение – рядом *дар назди хона//уйнинг олдида* - «перед домом», исход, удаление – исходного падежа *аз дохили хона//уйнинг ичидан* - «из дома».

Обоюдная связь конъюнкционализованных от имени слов с существительными заключается в том, что они полностью не теряют своей лексической семантики и проявляются в других падежных формах в качестве знаменательных слов: *дохили хона//уй ичи* - «внутри дома», *таги дарахт//дарахт таги // дар зери дарахт* – «под деревом».

Грамматикализация конъюнкционализованных от имени слов отражает, кроме пространственных значений, и некоторые абстрактные отношения, не связанные с их существенной семантикой: *бо паси баъзе камбудихо // айрим камчиликлар орқасидан* - «из-за некоторых недостатков»; *бо сабаби муаммоҳои қиддӣ // баъзи жиддий камчиликлар орқасида* - «из-за серьёзных недостатков».

Многие конъюнкционализованные от имени слова настолько утрачивают свою самостоятельность, что никогда не выражаются без аффикса при-

надлежаности и соответствующей падежной формы: *пеши//олд (и)*, *дохили//ич(и)*, *назди//ост(и)* и др. Некоторые имеют, помимо служебного, совершенно самостоятельное и независимое лексическое значение, в котором они широко используются в другой падежной форме и без аффиксов принадлежности: *руй//бет*; *боло//бети* - «поверхность»; *руй//юз* - «лицо», *сар//бош* - «голова», *зер//таг* - «дно» и т.д.

Служебные имена, которые употребляются в формах дательного, исходного и местно-временного падежей от существительных типа *пеши//олд* - «*пеш//перёд*, *тарафи пеш//передняя сторона*, *қисм//часть*», *байни//ора* - «*промежуток*», *қафо//орқа//орт* - «*тарафи қафо//задняя сторона*, *қисм//часть*», *поён//ост* - «*тарафи поён*, *қисм//часть*», *боло//уст* - «*боло//верх*, *тарафи болой//верхняя сторона*, *қисм//часть*», *дохил//ич* - «*қисми тарафи дохилӣ//внутри, внутренняя сторона, часть*», представляются с суффиксом принадлежности 3-2 лица единственного числа в позиции замыкающего компонента изафета.

В литературе формы названных падежей отнесены к послелогам условно, выделяя их среди послелогов в особую группу под неопределённым названием «послелог-имена», «имена-послелог», «послеложно-именные слова». (Гордлевский В.В. *Грамматика турецкого языка*. М., 1928. [53,73-80]; (Кононов А.Н. *Грамм. современного лит. узб. языка*. -М.; Л., 1960.- 314 с.); [110, с.69]; (Хаджилаев Х.И. *Послелог*. Черкасск, 1963. 69 с.) [210].

Н.К.Дмитриев рассматривает их отдельно под названием «служебные имена» в качестве специальной группы служебных слов, обладающих промежуточной позицией между именами существительными и собственно послелогам [72, 114-133]. Он утверждает, что служебные имена, сохраняя форму самостоятельных слов, уже утратили свое материальное смысловое содержание и выражают разного рода грамматические отношения, т.е. используются в служебном значении».

В лингвистической литературе служебные имена определяются как лексические единицы, имеющие вместе со служебным свое главное значение

имен существительных и выражающие конкретные, как правило, пространственные значения, а также значения времени.

Все служебные имена принципиально не отличаются от имен существительных вообще, от названий пространства и времени в особенности. Служебное имя, занимая замыкающую позицию в атрибутивном словосочетании, выступает как полноправный его компонент, т.е. как член предложения, чего лишено собственно служебное слово. Грамматически оно является определяемым словом, т.е. ведущим компонентом конструкции, логически-смысловым центром всей конструкции, актуальной ее частью.

Однако служебные имена невозможно отождествлять с послелогом и другими собственно служебными словами ни по их лексическому значению, ни по категориальным свойствам, ни по структуре, ни по синтаксическим функциям. Они не могут быть омонимами по отношению к знаменательным словам, от которых они образованы, как это себе представляют некоторые исследователи [89, .17].

Некоторые конъюнкционализованные лексические единицы полностью перешли в число собственных послелогов. Так, «бир» (в узбекском языке) ныне рассматривается как собственно послелог *билан //кати*, который является результатом конъюнкционализации производного от числительного глагола *бир+ла+(н)*.

Послелог *билан//кати* в узбекском языке имеет два основных значения:

а) значение совместимости, сопроводительности, т.е. номитативности (*Бу ҳақда мутахассислар билан гаплашдик // Дар ин хусус бо мутахассисон сўҳбат намудем* - «Об этом беседовали со специалистами»); б) инструментальное, т.е. значение орудия, при помощи которого совершается действие (*Ерни кетмон билан чопишди // Заминро бо каланд кишт намуд* - «Копал землю кетменём»).

А.А.Коклянова пишет, что «эти два значения послелога «билан» определяются семантикой сочетающегося с ним слова. Если послелог «билан» управляет словом, обозначающим людей и характеризующимся категорией

лица, то он имеет сопроводительное значение. Если же данный послелог управляет словом, обозначающим любые предметы, кроме людей, то он имеет инструментальное значение [109, 90]. Обратите внимание на примеры, которые приведены выше.

Профессор Н.А.Баскаков употребляет термин «грамматикализация», что функционально-семантически совпадает с нашим термином «конъюнкционализация». Он утверждает, что источником генезиса всех аффиксов является полнозначное слово. Состав словосочетаний превращается в слово, где аффикс или второй их компонент (слово) представляет собой грамматикализованную лексическую единицу, т.е. конъюнкционализированный элемент. По Н.А.Баскакову, аффикс – это последний, завершающий этап процесса конъюнкционализации, т.е. грамматикализации [18, 90].

В тюркских языках процессы конъюнкционализации (грамматикализации) самостоятельных слов тесно связаны с словообразованием агглютинации [18, 90].

Конъюнкционализация происходит таким образом: сначала процесс замены знаменательного слова на служебное, а потом – в аффикс происходит в различного рода словосочетаниях, которые сначала представляли собой аналитическую форму, а затем – сложное слово, в котором грамматикализованное знаменательное слово выступало уже в качестве аффикса, часто фонетически видоизмененного и сокращенного.

Лингвистические процессы грамматикализации свободных словосочетаний, а в некоторых случаях – предложений, характеризуются иерархичностью: от словосочетания с полновесным знаменательным значением к словосочетанию со знаменательным, но отвлеченным постпозиционным компонентом, далее – к словосочетанию знаменательного слова со служебным словом, имеющим в другом употреблении свое знаменательное значение, затем – к аналитической грамматической форме, где постпозиционный элемент, сохраняя лексическую самостоятельность служебного элемента, теряет уже в полной мере знаменательное реальное значение и, наконец, – к синтетиче-

ской грамматической форме, где постпозиционный отвлеченный компонент превращается в морфему – аффикс с определенным грамматическим значением [18, 69]. В тюркских языках все процессы грамматикализации являются живыми процессами [18, 70].

Проф. Х.Г.Нигматов конъюнкционализованные единицы называет служебно-знаменательными словами и к ним относит именные послелого (послелого – имена), вспомогательные глаголы, союзные слова. Все лексико-грамматические единицы языка разделены им на знаменательные слова, знаменательно-служебные слова, собственно-служебные слова и морфемы. Об отношении служебных слов к словам или морфемам он пишет, что «Вопрос о принадлежности служебных слов к словам или морфемам не может быть решен однозначно, так как между служебными словами, функционально приближенными к морфемам, и знаменательными словами находятся многочисленные «словесные» служебные слова – вспомогательные глаголы, послелого-имена, послелого-наречия, наречия-частицы, союзные слова и др. «Словесность» вспомогательных глаголов и послелогов-имен не подлежит сомнению, так как в служебной функции они сохраняют все виды словоизменения, свойственные именам и глаголам, что функционально относит их к служебным частям речи. Поэтому при определении природы служебных слов необходимо учитывать особенности служебно-знаменательных слов, которые могут быть приравнены к морфемам» [143, 21]. Далее он отмечает, что «среди каждой служебной части речи выделяется особая категория служебно-знаменательных слов, выступающих связующим звеном между знаменательными и служебными частями речи, благодаря чему обеспечивается непрерывность языковой системы и осуществляются системные связи между разнородными явлениями. Поэтому при изучении знаменательных и служебных частей речи допустимо выделение третьей группы слов – служебно-знаменательных, выступающих в оппозиции знаменательных и служебных слов включенным третьим, в которых полярности сходятся, снимаются противопоставления обеих групп» [143, 22]. Приведем ряд примеров:

Ташқари//берун. Номинативно-самостоятельное значение данного слова *ташқари // тарафи намуди беруна* – «внешняя сторона, внешность, находящаяся снаружи». «Ташқари» в конъюнкционализованной функции употребляется в формах дательного, местного и исходного падежей (*ташқарисида // дар берун*)

Значение место, предмет, лицо, на внешнюю сторону которого направлено действие, выражается в форме дательного падежа (ташқарига). *У уйнинг ташқарисига чиқди // Вай аз хона ба берун баромад // У уйнинг ташқарисига чиқди.* Но данное узбекское слово *ташқари // берун* аналога в таджикском языке не имеет.

В форме местного падежа обозначает место, предмет, лицо, за которым происходит действие. *Дар беруни бино бедҳои дароз аз шамол меҷунбад // Катта бинонинг ташқарисида узун тераклар шовиллайди* – «Снаружи большого дома шушали высокие тополя» (У. Хошимов. «Золотая радуга» -с.32)

Конъюнклизационные слова в форме исходного падежа (ташқарисидан) обозначают предмет, место, с наружной стороны которого происходит, распространяется действие.

В этой же форме выражается предмет, явление, сверху которого совершается действие.

Ташқари//берун в конъюнкционализованной функции принимает аффиксы принадлежности.

Атроф//атроф. Номинативно-самостоятельное значение данного слова – «вокруг». Слово «атроф» заимствовано в узбекский язык из арабского. В конъюнкционализованной функции слово «атроф» употребляется в формах дательного (указывает на предмет, место, лицо, на окружение которого направлено действие); локального (выражает предмет, место, явление, вокруг которого что-либо находится или происходит действие); исходного (представляет окружение места, предмета, лица, с которого начинается или на которое распространяется действие) падежей.

Ўрта //миёна. Слово «ўрта» в номинативном, самостоятельном, значении обозначает «расстояние между двумя лицами или предметами». При этом конъюнкционализованная функция выражается в формах притяжательности и в формах дательного падежа (обозначает предмет, место, в центр, в середину которого направлено действие), локального (обозначает центр места, середину предмета, где совершается действие или что-то находится), исходного (выражает предмет, место, из середины которого или из центра которого исходит, начинается действие) падежей.

Ора// байн – тоже является конъюнкционализованной единицей. В номинативно-самостоятельном значении оно выражает «свободное слово в формах дательного и исходного падежей с аффиксами принадлежности, осуществляется конъюнкционализованная функция данной единицы. Слова «байн//ора» без аффиксов принадлежности является знаменательным словом.

Действие между предметами, лицами, явлениями выражается в форме дательного падежа (орасига).

Осуществление действия между предметами, лицами, местами выражается в форме местного падежа (дар байн/орасида).

В форме исходного падежа (*аз байн/орасидан*) это слово указывает, что действие начинается, исходит из середины, промежутка между предметами.

Одно из широко употребительных конъюнкционализованных от существительного слов – это *ост//зер* со значением «нижняя сторона чего-либо». Принадлежность без аффиксов не употребляется. Конъюнкционализованная единица *ост // зер* применяется в формах дательного, местного и исходного падежей. *Остига//ба зери* – в дательном падеже обозначает, что действие направлено под какой-то предмет или происходит непосредственно перед ним: *Мезбон меҳмонларнинг оёқ остига поёндоз солди //Мизбон ба зери пойи меҳмонон пойандоз густурд.*

Остида // дар зери в местном падеже выражает место под предметом, перед ним или напротив него, где протекает, совершается действие или кто-нибудь, что-нибудь находится. *Куёв қаттиқ қарсақлар остида ... келиннинг*

ёнига бориб ўтирди // Домод дар зери қарсақҳои сахт ба паҳлуи арус рафта нишаст.

В некоторых случаях конъюнкционализованное слово *остида// дар зери* может обозначать и более отвлеченное отношение, указывая на условие или образ совершения действия: *(Гулнор) ота-она сиқиғи остида балки ... кўник-кандир (Ойбек)// (Гулнор) балки аз сабаби маҷбур карданаиш ... розӣ шуда бошад.*

В форме исходного падежа (остидан) конъюнкционализованное слово *ост// дар зери* употребляется в пространственном значении, указывая, что исходный пункт действия находится под предметом, в нижней его части или перед ним. В данной функции «остидан //аз зери» синонимично с конъюнкционализованными словами *аз зери//тагидан, аз дохили//ичидан: Ҳожи йулакдаги ойимга ер остидан куз қирини ташлади. (А.Кодири «Минувшие дни» -.49) //Ҳоҷӣ ба ҳамсараи аз поён нигоҳ кард.*

Таг//таг. Знаменательное, номинативное, значение слова «*таг//зер*» совпадает со значением «дно, основание» в русском языке. Служебное значение данного слова сопровождается с формами дательного, местного и исходного падежей.

В дательном падеже (*тагига // дар зери*) указывает направление к нижней части предмета, под предмет: *Столнинг тагига нимадир суқилди.*

В местном падеже (*тагида // дар зери*) указывает на место у основания под предметом, какого-либо предмета, на котором совершается действие: *Ў сув тагида ниманидир узоқ қидирди // Вай дар зери об чизеро чувтуҷӯ мекард.*

Тена//боло. Конъюнкционализованное от существительного слово «*тена*» в служебной функции является синонимом конъюнкционализованного тоже от существительного слова – *уст//боло*. Самостоятельное, номинативное значение данного слова – это «вершина», которая выше поверхности земли. Употребляется со словами (именами) в формах дательного, местного и исходного падежей. *Самолёт дарахтлар тенасидан учиб ўтди// Самолёт аз*

*болои дарахтон парвоз карда рафт - «Самолёт пролетал над деревьями»; Ў
уйининг тепасига яқинлашганда, кўзи тинди// Вай ҳангоми ба болои хона
наздик шудан ба чаши аён шуд; Самолёт бизнинг тепамиздан учиб ўтди//
Самолёт аз болои мо парвозкунон гузашта рафт - «Самолёт пролетал над
нами».*

Процессу конъюнкционализации поддается и существительное «**бет**», номинативное (самостоятельное, полнозначное) его значение – «лицевая, наружная сторона, лицо». Кроме самостоятельного использования, «бет//боло» в конъюнкционализованном значении употребляется в формах дательного, местного и исходного падежей. В дательном падеже выражается действие, направленное на лицевую, наружную сторону предмета: *Сув бети-га қалқийтганига нарса кўринди // Ҳангоми ба рўйи об баромадан чизе ба назар расид*, в местном падеже (*бетида // дар рўйи*). Так же обозначает место нахождения или место совершения действия на поверхности чего-либо: *Чумоли оқ қозғоз бетида у ёқдан-бу ёққа югурарди // Мўрча дар рўйи қогази сафед аз ин тараф ба он тараф медавид*.

В исходном падеже (*аз тарафи // бетидан*) указывает на наружную, лицевую сторону чего-нибудь, откуда совершается действие, или поверхность, через все пространство которой это действие проходит: *Ў қоя бетидан учиб тушди // Вай аз кўҳноя ба поён парид*.

Ич//дохил, дарун в номинативно-самостоятельном значении обозначает «нутри, внутренняя часть, внутренняя сторона». В конъюнкционализованной функции «ич//дарун» употребляется с аффиксами принадлежности. Осуществляется в форме дательного (обозначает предмет, место, во внутрь которых направлено действие или внутри которых что-то находится) и исходного (обозначает предмет, место, из которого исходит, начинается действие) падежей.

Конъюнкционализованное от имени слово **уст//боло** «поверхность, верх, верхняя часть какого-либо предмета». Принадлежности без аффикса не употребляется. Исторически предположительно восходит к существительно-

му уст «лицо, поверхность + древний лично-притяжательный аффикс *-ын* (*уз+ын<узун//дароз*).

В узбекском языке в значении «лицо какого-либо предмета» употребляется лексема «юз», в которой впереди слова вставлен согласный- *й*: *уз<йуз*. В послеложной функции употребляется слово без начального согласного - *й*: *уз>ус*. После присоединения современного аффикса принадлежности в слове произошли изменения: выпадение узкого гласного и звуковой переход *и<т*: *усун- у<усти*.

Конъюнкционализованное слово «*боло//уст*» употребляется в формах дательного, местного и исходного падежей. *Боло//уст* в форме дательного падежа выражает направление к верхней части или поверхности предмета: *Полвон синчалакни қутича устига қуйди (А. Каххор. "Синица".с.23)//Полвон синчалакро ба боли қутича монд*.

В некоторых случаях в качестве первого члена предложения выступает имя существительное со значением лица, то *устига//ба болои* обозначает направление к лицу и при этом утрачивает значение поверхности: *Ў хотининг устига яна хотин олди // Вай ба болои занаи боз зани дигар гирифт*.

Абстрагируясь полностью от лексического значения, слово *устига* может обозначать отношение добавления к чему-либо: *Тўй устига тўй бошиланди // Ба болои тўй боз тўй сар шуд*.

Конъюнкционализованное слово *аз болоиш//устидан* в местном падеже обозначает местонахождение или место совершения действия на поверхности или в верхней части предмета: *Шовқин-сурон орасида қўрғон беги от устида қўрғоннинг у бошидан бу бошига чопарди (А.Кодири) // Беги қўрғон дар байни издиҳоми сергавго ба болои асп нишааста аз ин тараф ба ин тараф мерафт*. В этой же форме может выражаться условие или состояние, при которых совершается действие: *Мансур отаси билан ер устида жанжаллашди//Мансур бо падараш аз пушти замин чанчол кард*.

Эти единицы в исходном падеже (*устидан//аз болоиш*) обозначают, что это действие происходит на поверхности или в верхней части какого-либо

предмета: *Шаҳар устидан турналар учиб ўтди // Аз болои шаҳр турнаҳо парвоз карда гузаитанд.*

В некоторых случаях по значению форма исходного падежа близка к местному и выражает верхнюю часть какого-либо предмета, пространства, на котором, охватывая его целиком, происходит действие: *Ётишим билан, менинг устимдан шув этиб нимадир ўтиб кетди // Ҳангоми хоб рафтан аз болои ман шуввос зада чизе гузаита рафт* – «Я только прилёг и услышал, как со свистом что-то пролетело надо мной».

Слово *аз болояш/устидан*, утрачивая полностью связь с лексическим значением, обозначает, что действие направлено на конкретное лицо, причём действие совершается этим лицом помимо его воли: *Опаси укасининг устидан ариза ёзибди // Анааш аз болои укоюш ариза навиштааст // «Сестра написала жалобу на младшего брата».*

Ён //бар, тараф в номинативном употреблении обозначает «сторона, бок». В этих случаях служебной функции связь с понятием боковой стороны не утрачивается.

Конъюнкционализованное употребление *ён //бар, тараф* сопровождается в формах дательного, местного и исходного падежей. В форме дательного падежа (*ёнига //ба бар, ба тараф*) выражает место совершения действия вблизи какого-либо предмета, лица или места, к которому это действие направлено: *Гулнора ба бари чавон омада нишаст // Гулнора йигитнинг ёнига келиб ўтирди (Ойбек. «Священная кровь».-74)* – «Гулнора села возле парня».

Ёнида//дар бараиш в форме местного падежа обозначает место, лицо, предмет, возле которого совершается действие, что-то происходит, находится: *Қизалоқ онасининг ёнида ўтирарди. (У.Хашимов. «Белая радуга». -с.67) // Духтарак дар бари модараш менишаст - «Девчонка сидела возле матери».*

«**Ёнидан// аз бараиш** в форме исходного падежа выражает место, предмет, лицо, вблизи которого совершается действие, или место от которого оно начинается: *Йигит ёнидан ўтган велосипедли кишини сезмай қолди (С.Ахмад*

«Избранные произведения. В 3 томах. Том 3.-с.63) // Чавон аз бараши гузаштани шахси велосипедронро нафаҳмида монд. - «Парень не заметил, как возле него проехал велосипедист».

Қарши// зид. Самостоятельное значение данного слова – «против, напротив».

Конъюнкционализованные слова *қарши // зид* в служебном значении принимают аффикс принадлежности и употребляются в формах дательного (указывает на лицо или предмет, против которого направлено действие), исходного (лицо или предмет, напротив которого начинает совершаться действие) местного (лицо или предмет, напротив которого совершается действие или что-то находится) падежей.

Канор //бӯй. Данное слово в самостоятельном значении обозначает «берег, обочина». Конъюнкционализованная его функция осуществляется с аффиксами принадлежности в формах дательного, местного и исходного падежей.

Орқа //қафо. Слово *орқа//қафо, оқиб* в самостоятельно-денотативном значении обозначает «спина, тыл, задняя сторона». Служебная функция данного слова осуществляется в формах дательного, местного и исходного падежей. *Орқа* синонимично со словом *орти*, но употребление последнего наиболее пассивно.

Орқасига //ба қафо в форме дательного падежа указывает на предмет, на тыльную, заднюю сторону которого или на который направлено действие: *У уйнинг орқасига ўтди // Ў ба тарафи қафои хона гузашт - «Он прошел в заднюю часть двора».*

В форме местного падежа (*орқасида//дар қафо*) обозначает место, предмет, лицо на тыльной стороне которого совершается действие. *Бу воқеа дарахт орқасида рӯй берди. (С.Ахмад. Избранные произведения в трех томах. Том 3.-с.32) // Ин воқеа аз қафои дарахт рӯй дод – «Этот случай произошел за деревом».*

Абстрагируясь от конкретного пространственного значения, *орқасида// аз қафои* конъюнкционализованное имя может выражать причинные отношения: *Бу жанжал вазифанинг орқасидан юзага келган эди//Ин қанқол аз қафои вазифа ба миён омадааст. Этом скандал произошел из-за данного задания.*

В форме исходного падежа (*орқасидан//аз қафои*) конъюнкционализованное имя *орқасидан* указывает на лицо или предмет, из которого исходит действие: *Чол йўл бошлаган йигитнинг орқасидан кетди. (С.Ахмад. Избранные произведения в 3 томах. Том 3-с.132.) // Мўйсафед аз қафои қавони ба роҳ баромада рафт – «Старик пошел вслед за молодым человеком».* В этой форме оно может обозначает лица, предметы, явления, за которыми следуют другие.

И.И.Мещанинов считает, что каждая падежная форма послеложных слов является самостоятельным служебным словом. Об этом он пишет: «... в тюркских языках послелогои управляют определенным падежом и сами могут, изменяясь по падежам, образовывать новые послелогои с новым значением. По существу, здесь нет склонения послелогоа. Каждая его падежная форма представляет собою самостоятельный послелог. Они занимают в синтаксическом построении место служебной частицы (т.е. служебного слова) с самостоятельным значением [134, 87]. Так, в казахском языке послелог «аст» «под» в форме дательного падежа (*астына*) обозначает направление, а в форме местного падежа (*астында*) обозначает местонахождение. Здесь мы наблюдаем не склонение послелогоа «аст» «под», а уже два различных послелогоа с двумя различными синтаксическими значениями.

3.2. Конъюнкционализация глаголов в таджикском и узбекском языках

В грамматической системе происходят некоторые изменения, которые содействуют совершенствованию и обогащению языка. Изменения в языке выражаются соответственно изменениям характера взаимодействия лексики и грамматики. В языкознании эти процессы называются транспозицией, или

конверсией, на уровне частей речи. Эти лингвистические явления характерны и для системы глагольных лексем, т.е. они возникают и в системе глагольных лексем. В данной ситуации самостоятельные слова, вернее, лексически полные глаголы могут утрачивать своё словарное значение, превращаясь в простые связки, или частично сохранять лексическое значение, выступая во вспомогательной роли. При этом также выявляется соотношение лексики и грамматики, чем и определяется один из путей совершенствования и развития языка.

Переходность глагола во вспомогательные слова – одно из основных направлений явления конъюнкционализации, которая относится к явлению конверсии (или транспозиции) в качестве одной из её разновидностей.

Таким образом, конъюнкционализация – это процесс перехода полнозначных слов в служебные слова.

В.Г.Гак о характере процесса перехода слов из одной части речи в другую указывает, что «ослабление собственного значения слова, переход знаменательного слова в служебное, приобретение строевых служебных функций у слов происходит постоянно, следуя через ряд этапов. Первым этапом можно считать такое положение, когда слово семантически избыточно, когда оно употреблено не для того, чтобы обозначить то или иное понятие, а с конструктивными целями. Далее в таком слове собственное значение может все более опустошаться, его семантическая нагрузка в предложении становится подобной семантической нагрузке служебного слова или морфемы. И, наконец, об окончательном выветривании собственного значения у слова и превращении его в служебный элемент свидетельствует его употребление, противоречащее его основному значению [45, 28].

Таким образом, при конъюнкционализации глаголы приобретают свойства служебных слов, превращаются во вспомогательные элементы языка [207, 46].

Н.К.Дмитриев полагает, что служебные глаголы, сохраняя внешний облик отдельного слова, не имеют своего материального смыслового содержа-

ния и не могут быть осмыслены вне контекста [72, 49], т.е. вне сочетания со знаменательными глаголами, значение которых они уточняют.

Функционирование конъюнкционализованных глаголов сходно с функционированием аффиксов при формообразовании. Нужно подчеркнуть, что между функционированием конъюнкционализованных глаголов и аффиксов формообразования имеется различие, которое характеризуется тем, что при помощи конъюнкционализованных, т.е. вспомогательных, глаголов образуются аналитические формы слов. А при помощи аффиксов формообразования – синтетические формы слов. Конъюнкционализованные глаголы функционируют в качестве выразителей -маркеров действия с разнообразными семантическими оттенками.

Некоторые ученые не признают служебного характера глагола. Например, французский лингвист Э.Бенвенист самостоятельные слова называет автономными (словами), и служебные – синномными, он отрицает мнение Марти, который к группе синсемантических (синномных) слов включает и вспомогательные глаголы. По идее Э.Бенвениста, вспомогательные глаголы относятся к автономным, «потому что глаголы ... прямо принадлежат строю предложений» [20, 134]. Однако глаголы в служебной функции – это результат конъюнкционализации, то есть одно из закономерностей языка.

В процессе конъюнкционализации глаголов образуются конъюнкционализованные глаголы, которые в тюркологии именовались «вспомогательные глаголы» и «служебные глаголы».

Конъюнкционализованные глаголы характеризуются тем, что они в одних случаях сохраняют основное лексическое значение, а в других – теряют его и выражают лишь грамматическое значение другого, основного глагола [190, 41]. Для преобладающего большинства этих глаголов наиболее характерно служебное употребление. Служебный характер значения в известной мере проявляется даже у связок, которые свое вещественное значение теряют лишь частично. Они, оформляя именное сказуемое, приближаются к аффиксу

лица, присоединенному к именному предикату и «функционально глаголизирующему» его [209, 32].

В узбекском языке количество вспомогательных глаголов определяется разными авторами по-разному. Профессор А. Гулямов считает, что их 23: *ол//гир, бер//деҳ, сол//андоз, қўй//мон, кел//биё, кет//рав, бор//рав, кел//биё, туш//фаро, чиқ//баро, бошла//оғоз кун, ўтир//нишин, юр//гард, тур//бихез, ёт //хоб кун, юбор//фиристон, ташла//парто, кў//бин, бўл//шав, ёт //хоб кун, ўл//мур, битир//тамом кун, ўт//гузар* [67, 56].

Профессор А. Ходжиев в своей монографии «Вспомогательные глаголы в узбекском языке» перечисляет 27 служебных глаголов узбекского языка и называет их вспомогательными глаголами, а не служебными. Автор данного труда старается различать понятия терминов «вспомогательные глаголы» и «служебные глаголы». Под термином «вспомогательные глаголы» рассматривается разновидность глаголов, которые, присоединяясь к основным глаголам, обозначают разные значения грамматического (а иногда модально-лексического) характера. К глаголам подобного характера отнесены *сар кун//бошла, хоб кун//ёт, хез//тур, роҳ рав//юр, шин//ўтир, рав//бор, биё//кел, шав//бўл, тамом кун//бит (битир), баро//чиқ, гузар//ўт, гир//ол, деҳ//бер, бирав//кет, фиристон//юбор, парто//ташла, андоз//сол, фаро//туш, бин//кур, нигар//қара, пой//боқ, дон//бил, навис//ёз гард//юр, бирав//бор, биё//кел, шав//бўл, гузар//ўт, гир//ол, бидеҳ//бер, бимон//қол, мон//қўй, рав//кет, фиристон//юбор, парто//ташла, андоз//сол, фаро//туш, бин//кур, бубин//қара, пой//боқ, дон//бил, навис//ёз*. Служебные глаголы, которые, присоединяясь к словам именных частей речи, образуют сложные глаголы или функционируют как предикативные связки, не считаются вспомогательными глаголами и не являются объектом исследования проф. А. Ходжиева. Он пишет, что наблюдается возможность перехода отдельных полнозначных глаголов в служебные, т.е. вспомогательные. Некоторые глагольные лексемы могут употребляться в качестве и полнозначного, и вспомогательного глагола.

Глагольные лексемы подобного характера являются не вспомогательными глаголами, а служебными. Таким образом, в работах проф. А.Ходжиева вспомогательные глаголы отличаются от служебных. Служебные глаголы отнесены к категории служебных слов [207, 8-10]. Утверждается, что вспомогательные глаголы в функциональном отношении сближаются с аффиксами формообразования, что характерно для категории служебных слов. Сходство между вспомогательными (служебными) глаголами и служебными словами обнаруживается также в их функциональном употреблении.

Вспомогательными глаголами в основном выражаются грамматические значения, что является причиной для рассмотрения их как слова, конъюнкционализированные от глаголов.

В своем первичном материальном значении служебные глаголы употребляются как обычные глаголы – выражают действие или состояние, могут быть самостоятельными членами предложения. Они могут также сохранять свое самостоятельное значение, сочетаясь с различными деепричастиями и другими глагольными формами.

Степень грамматикализованного употребления у разных служебных глаголов различна: одни глаголы выступают преимущественно в служебном значении, другие одинаково активно употребляются и в служебном, и в обычном значениях, третьи имеют лишь эпизодическое служебное употребление. Кроме того, имеются служебные глаголы, окончательно отошедшие от основной массы глаголов и употребляющиеся только в служебном значении. Их можно назвать собственно служебными глаголами. Однако они не могут составлять словарного ядра, носителя категориального значения служебных глаголов как оформившейся служебной части речи [208, 41-42].

В структурном отношении служебные глаголы представляют собой простые слова. По синтаксическим признакам СГ отличаются от знаменательных лишь тем, что они в грамматикализованном виде самостоятельно не употребляются и не могут быть членами предложения, а выступают совместно с предшествующим им словом в качестве любого члена предложения.

Служебные глаголы все еще не развились до уровня отдельной служебной части речи, а остаются переходной группой между знаменательными и служебными словами. Они – особая группа служебных слов, ещё не достигшая в своем развитии уровня самостоятельной служебной части речи, но подлежащая включению в класс служебных слов.

Служебные глаголы по значению можно разделить на следующие группы:

- 1) словообразующие СГ;
- 2) связки;
- 3) видообразующие;
- 4) функционально-модальные СГ.

К словообразующим относятся СГ, выполняющие своим грамматическим значением функции глаголообразующих аффиксов. Они образуют глаголы от звукоподражательных и образных слов, от деепричастий и наречий деепричастного происхождения, а также от именных форм.

К связкам относятся служебные глаголы, которые в предложении придают именным формам значение глагольного сказуемого.

К группе видообразующих относятся наиболее типичные и активные глаголы: *бор//рав* «*уходи*», *тур//ист* «*стой*», *юр//гард* «*иди*», *биё//кел* «*прийти*»; *туш//фаро* «*падать сверху*», *ур//зан* «*ударять*»; *торт//каш* «*тяни*», *от//андоз* «*вложи*», *қол//мон* «*оставь*», *кел//биё* «*приди*», *кир//даро* «*войди*», *чиқ//баро* «*выйди*»; *ол//гир* «*бери*», *бер//деҳ* «*дай*», *бошла//сар кун* «*начни*» и др.

Видообразующие глаголы сочетаются с соединительным (ка-а) и слиткам деепричастиями. При этом они утрачивают конкретное лексическое значение и семантически сливаются с деепричастием, превращаясь в грамматический показатель вида. По видовому значению их можно разделить на следующие основные группы:

а) СГ, обозначающие начало действия (*бор//рав*, *бўл//шав*, *тур//хез*, *кел//биё*);

б) СГ, обозначающие длительность (продолжительность, постоянство) действия (*ич//нӯш, юр//гард, ўтир//шин*);

в) СГ, обозначающие законченность и завершенность действия (*от//андоз, қол//мон, бер//деҳ, ол//гир*);

г) СГ, обозначающие кратковременность и быстроту действия (*туш//фаро, ур//зан, торт//каш*) и т.д.

К группе модальных СГ относятся глаголы с модальным и модально-временным значением.

Всякая форма глагола занимает в предложении позицию определенного члена предложения. Так, например, финитная форма глагола занимает позицию сказуемого, а в отдельных случаях она равняется и предложению в целом.

Нас интересуют не синтаксические функции форм глаголов, каждая из которых приспособлена к функциям позиций определенных членов предложения, а интересует нас то, что определенная форма глагола не всегда выполняет ту функцию члена предложения, которая свойственна ей. Отклонение глагольных форм от свойственных им функций в предложении происходит под влиянием явления неизосемичности.

При изосемическом употреблении не осуществляется отклонение глагольных форм (вообще словесных форм и других частей речи) от свойственных им функций в предложении.

Понятие изосемичности введено в науку Г.А.Золотовой. Изосемичность противостоит понятию неизосемичности. Понятия изосемичности в системе глаголов взаимосвязаны с акциональными и неакциональными явлениями глагольных лексем. Множество глаголов служат для выражения действия, процесса, и семантике их соответствуют морфологические и синтаксические признаки глаголов. Эти глаголы являются акциональными тем, что в них наблюдается равновесие семантического, морфологического и синтаксического признаков. Употребление глаголов подобного характера всегда изосемично, и они не подвергаются переходу в другие части речи. Но существуют

и глаголы, которые обозначают не действие, не процесс, а различного рода отношения между предметами, чем определяется характер неакциональных глаголов. Таким образом, в акциональных глаголах наблюдается соотносительная симметрия между семантическим, морфологическим и синтаксическим планом, а в неакциональных – смешение, нарушение и не соотносительная асимметрия между этими их планами. Отсюда следует вывод о том, что частичная утрата и нарушение соответствия между содержательными, морфологическими и синтаксическими их признаками превращает акциональные глаголы в неакциональные глаголы, в отдельных случаях данный процесс завершается переходом глаголов в другие части речи.

Неизосемичное употребление неакциональных глаголов – это одна из разновидностей конъюнкционализации, в результате чего появляются конъюнкционализованные послелогои и конъюнкционализованные модальные слова [88, 36].

В узбекском языке глаголы типа *борди-ю, равед, ки//боринг-ки, гўё//демак, дида//кўра, кашида//тортиб (торт), хуллас//қолаверса, монедчи//қуйсанг(из)чи, гуфтанӣ барин//айтмоқчи (айт), гўем//айтайлик; биё//кел//биёед//келинг, тамом-тамом//бўлди-бўлди, зер кун-//бости-бости (бос); бориб//рафта//бориб-бориб(бор)//рафта-рафта, саросема нашав//шошма, бин//қара* и др. ныне функционируют как конъюнкционализованные служебные слова.

Борди-ю//рафту. Данный глагол в номинативно-денотативном значении имеет грамматическое значение формы глагола прошедшего времени единственного числа, элемент *-ю* функционирует в качестве маркера сочинительной связи, в данной форме глагол *бормоқ (борди-ю)* может служить в качестве одного из компонентов конструкций однородных сказуемых в простом предложении или функционирует в качестве сказуемого предшествующих предикативных единиц сложносочиненного предложения: *Анвар рафту, наомад // Анвар борди-ю, келмади – «Анвар ушел, но не вернулся».*

Глагольная форма *борди-ю//раваду* может употребляться в неноминативном (не -денотативном) значении, приобретая статус лексического знака с модальным значением. Глагольная форма *борди-ю* в функции знака с модальным значением теряет собственное номинативное и грамматическое значение, которые ей свойственны: *Борди-ю мен боролмаганимда, воқеанинг қандай бўлишини тасаввур қила оласизми? (А. Каххор. «Синица».-с.37) // Агар ман нарафтагиманда раваду, воқеаро чї тавр тасаввур мекардед? – «Если бы я не пошел, представляете, как обернулось бы событие?».*

В отдельных случаях глагол *борди-ю* употребляется в форме *боринг-ки* с усилительным условным значением. *Боринг-ки, иш сиз ўйлагандек амалга // «Раведки, кор шумо фикр кардагї барин ба амал табиқ гардад»* с модальными значениями приобретает характер служебного слова и является конъюнкционализированным союзом и конъюнкционализированным модальным словом.

Демак (демоқ) //демак // гуфтан мумкин ки. Это архаический вариант инфинитивной формы глагола *де-* (гуфтан//демоқ). *Демак*, являясь конъюнкционализованной единицей, функционирует в узбекском языке как вводное слово: *Гуфтан мумкин, ки ҳама корҳоямон ибратнок аст // Демак, барча ишларимиз ибратли. (С.Ахмад. Избранные произведения в 3 томах. с.-94) - «Значит, все наши работы поучительны».*

Кўра//дида (деепричастная форма глагола *кўр*: *кўр+а*). Данный элемент употребляется в составе вводной конструкции и функционирует в ней в качестве послелого, управляет субстантивированными глаголами с направительным падежом, синонимичен с конъюнкционализированным от глагола послелогом *қараганда//дида* и частицей *-чи*. *Бино ба гуфти // айтишларига кўра // айтишларига қараганда // айтишларича.*

3.3. Конъюнкционализация глаголов движения в сравниваемых языках

Проявление процесса конъюнкционализации характерно и для отдельных лексем глаголов движения, при помощи которых выражаются разнообразные способы совершения действия.

Результатом конъюнкционализации глаголов является образование служебных глаголов, которые, сохраняя внешний облик отдельного самостоятельного слова (глагола), не имеют прежнего словарного (денотативного) содержания и не могут быть осмыслены вне сочетания со знаменательным глаголом, значение которого они уточняют. Значение основного глагола осложняется за счет некоторых семантико-прагматических оттенков – разнообразных способов осуществления действия или выражения состояния.

В узбекском языке для выражения разнообразных способов совершения действия принимаются сочетания конъюнкционализированных (вспомогательных) глаголов с формой деепричастия на *-б*, основного глагола или с формой деепричастия на *-а -й*. Эти сочетания с одним и тем же вспомогательным глаголом приобретают различные семантики совершения действия: например *-б бер//деҳ* («бер» давать) выражает результативное действие, совершающееся в интересах другого лица, но сочетание *-а бер* – означает течение или развитие совершения действия: *ёзиб бер//навишта деҳ* – «напиши»; *-ёза бер//навиштан гир* – «продолжай писать, подписывать»; *сўзлаб бер//ҳикоя кун* – «расскажи; поведай»; *сўзлай бер//ҳикоя карда деҳ* – «рассказывай». К сожалению, не все вспомогательные глаголы могут сочетаться с обеими формами деепричастий, некоторые входят в сочетание только с одной определенной формой деепричастия. В узбекском языке подобный характер имеется у некоторых глаголов движения. Следует отметить, что в узбекском языке не все глаголы движения могут употребляться в функции конъюнкционализированных служебных глаголов. Процесс конъюнкционализации возникает при функционировании глаголов движения типа *бормоқ//равтан* (идти), *келмоқ//омадан* (приходить), *кетмоқ//равтан* (уходить, уезжать),

чиқмоқ//баромадан (выходить, отправляться), ўтмоқ//гузаштан (проходить, миновать, переходить), юрмоқ// роҳ равтан (ходить, идти), которые выполняют функции служебных слов. Конъюнкционализованные глаголы движения в процессе такого употребления функционально приравняются к аффиксам формообразования. Рассмотрим функционально-семантический потенциал некоторых конъюнкционализованных глаголов движения в узбекском языке. Например, глаголы бор//рав (идти, ходить) входят в состав формантов -а // -й бор, -б бор//рав.

а) глагольные лексемы -а // -й бор//рав указывают постоянное развитие действия в определенном направлении пространства: яқинлаша бор//наздиқ шавад, рав «приближаться», ўтиб бор//гузашта рав «проходить»;

б) глагольные лексемы -б, бор – выражает поступательное и вместе с тем продолжающееся действие в определенном пространственном, временном направлении: кўриб бор // дида рав; ошиб бор// зиёд шуда рав – «увеличиваться, возрастать»; югуриб бор // давида рав - «побежать»; ёзиб бор // навишта рав - «записывать»;

Конъюнкционализованным глаголом движения «бор» и характер сочетания приведенных аналитических глаголов показывает, что данная глагольная лексема в функции вспомогательного слова присоединяется к глаголам со семантикой движения и активного действия.

Конъюнкционализованная лексема кет//биррав - «уходить, уезжать» в функции конъюнкционализованного элемента входит в состав формантов -а // -й кет, -б кет //биррав.

Глагольная лексема **кет//биррав** в составе форманта -а // -й кет//биррав обозначает начало действия и его интенсивное развитие без видимого завершения: югура кет// давида рав - «беги»; мақтай кет // таъриф карда рав «начать хвалить»; элементы форманта -б кет обычно указывают на исчерпанность действия, сопровождающегося интенсивностью, внезапностью проявления; с глаголами действия в сторону от действующего лица; терлаб кетмоқ // арақ карда рафтан - «вспотеть»; сирганиб кет // гецида рав - «со-

скользнуть»; *узилиб кетди // канда шуда рафт* - «порвался; ювиб кет// шуста рафт» - «смыло» и т.д.

Конъюнкционализованная лексема **туш//фаро** «спускаться, падать» в конъюнкционализованном виде обычно входит в элементы форманта -б *туш//баромадан* и отражает с ограниченным кругом глаголов завершенность действия, иногда с сохранением пространственной ориентации: «сверху вниз»: *агдарилиб тушмоқ // чарх зада фаромадан* - «спускаться кружась; учиб тушмоқ // парида фаромадан» - «слететь», *сакраб тушмоқ // чаҳида (хез зада) фаромадан* - «спрыгнуть»; *етаклаб тушмоқ // кашола карда фаровардан* - «свести»; *осилиб тушмоқ // овезон шуда фаромадан*: лексема **фу-ро//туш** в функции вспомогательного слова и в составе форманта -а *туш* (ола туш//гирифта фаромадан «принеси -на»), но это в некоторых случаях.

Лексические единицы **чиқмоқ//баромадан**. Послелог *оқ* «выходить, (отправляться)» в конъюнкционализованной функции используется в основном в элементах форманта -б *чиқ//баро* (отражает завершенность действия во всем его объеме: *ўқиб чиқмоқ // хонда баромадан* - «прочитать» *кўчириб чиқмоқ // кўчонда баромадан* - «полностью переписать»), *ўйлаб чиқмоқ // фикр карда баромадан* - «продумать»; *ўрмалаб чиқмоқ // хазида (часпида) баромадан* - «вползти, вскарабкаться», *қайнаб чиқмоқ // чўшида баромадан* - «вскипеть», *текшириб чиқмоқ // таҳқиқ карда баромадан* - «исследовать». В грамматической функции вспомогательное слово *чиқ//баро* встречается и в составе формантов -а *чиқ*; *ола чиқмоқ//гирифта баромадан* - «принести».

Конъюнкционализованная лексическая единица **юрмоқ//гаштан** «ходить, идти» в элементах форманта -б *юр//гард* естественно выступает в сочетаниях с глаголами, обозначающими действия одушевленных предметов и очень часто предающими их пространственное перемещение: *учиб юрмоқ // парида гатан* - «летать», *ахтариб юрмоқ // кофта гаштан* - «разыскивать»; *кўнгли гаи бўлиб юрмоқ* - «ходить расстроенным», *зерикиб юрмоқ // зиқ шуда гаштан* - «грустить».

В узбекском языке глагольная лексема *юрмоқ/гаштан* не употребляется для образования специальных форм времени.

В качестве грамматического маркера вида, отрешённый от исходного значения глагола *юр//гард*, формант *-б юр* (по А.А.Юлдашеву: элемент) употребляется главным образом в имперфективных глаголах, выражающих определенное занятие, предполагающее длительный и многократный процесс. В частности, *ўқиб юрмоқ // хонда гаштан* - «заниматься учёбой», *ишлаб юрмоқ // кор карда гаштан* - «заниматься работой», *ўйнаб юрмоқ // бозӣ карда гаштан* - «прогуливать». Этот формант выражается и в отрицательном аспекте глаголов активного действия: *чиқиб юрмоқ // баромада гаштан* «не входит», *кириб юрма // даромада нагард* - «не заходи, не стоит заходить», *бориб юрма // рафта нагард* - «не ходи, не стоит ходить». В этой ситуации детерминирующим в содержании *-б юр* является семантика процессуальности, но вместе с тем выявляется именно при имперфективных глаголах, и номинативное значение компонента *-юр*.

В других компонентах, как формант *-б юр // гард* – выполняет всего лишь словообразовательную функцию и выявляется по двум продуктивным моделям:

а) употребленных в перфективном значении, от глаголов совершенного вида, а также от нейтральных в видовом отношении глаголов, на основе форманта *гард // -б юр* образуются сложные глаголы с общим видовым значением типичности: *кириб юради // даромада мегард* – «он имеет обыкновение заходить»;

б) от других основ с помощью элемента *-б юр // гард* – образуется как единичное явление: *ишлаб юради // кор карда мегардад* - «он работает».

Нужно подчеркнуть, что при выявлении полнозначного глагола – *юр//гард* в конъюнкционализованном элементе теряется значение направленности действия: *Ў мактаб томонга юрди // Вай ба тарафи мактаб рафт* - «Он идет по направлению к школе». *Ў ишлаб юрибди // Ў кор карда гаштаст* - «Он работает».

Переходная лексема *гузаштан//ўтмоқ* («проходить, миновать, переходить») выполняет конъюнкционализованную функцию и входит в состав форманта *гузар //-б ўт*.

Еще одна характеристика заключается в том, что интенсивность действия замедляется в своем развитии и выявляется некоторое время как само по себе, в контексте иногда возникают оттенки сопутствования другому действию и продвижения через что-либо: *дида баромадан // кўриб ўтмоқ* - «просматривать; рассматривать»; *ёғиб ўтмоқ // борида гузаштан* - «пройти» (о дожде), *қайд этиб ўтмоқ* - «отметить» // *қайд карда гузаштан; эслатиб ўтмоқ // ба хотир оварда гузаштан* - «упомянуть»; *босиб ўтмоқ // зер карда гузаштан* - «наступить, миновать что-либо»; *таъкидлаб ўтмоқ // таъкид карда гузаштан//таъкидлаб ўтмоқ* - «подчеркнуть, обратить внимание» и др.

Конъюнкционализация глаголов тесно связано с явлением глагольного вида.

Глагольный вид – это одна из наиболее сложных категорий грамматики, относящаяся к специальной сфере языкознания – аспектологии.

В тюркологии имеется ряд исследований, которые рассматривают актуальные вопросы видов глаголов тюркских языков. Следует подчеркнуть, что всестороннее, доскональное рассмотрение глагольных видов в тюркских языках, а именно в узбекском, не является основной задачей нашей работы. Мы ограничились лишь ознакомлением с процессом конъюнкционализации глаголов движения узбекского языка, где они, имея характер служебных слов, функционально равняются с формообразующими аффиксами.

В многочисленных тюркологических работах находит отражение троякий подход к проблеме вида в тюркских языках. Некоторые лингвисты считают, что в указанном понимании в этих языках вида нет, но есть отдельные формы, которые выражают разные оттенки действия, иногда сходные с видовыми значениями русского глагола. Наконец, третьи допускают наличие категории вида в тюркских языках, но в силу специфики последних эта катего-

рия проявляет себя в них совершенно особо по сравнению с другими, в том числе и славянскими языками.

В самом деле, глагольный вид для тюркских языков не является самостоятельной грамматической категорией, как это характерно для грамматики русского языка.

В таджикском языкознании этому вопросу посвящен отдельный труд профессора П. Джамшедова «Семантика видов в русском, таджикском и английском языках». Он приходит к заключению, что поле аспектуальности каждого из языков сравнимо с полем аспектуальности других языков лишь в определенном отношении. В других же отношениях между ними крайне мало общего. В данном случае речь может идти не только о категориальных видовых значениях, способах действия и глагольных характеров, но и о самом составе акциональных значений, характерных для каждого языка. В сопоставлении было бы особенно целесообразно наряду с таджикским языком ввести другие языки, исторические судьбы которых с ним тесно связаны: прежде всего, речь должна бы идти о языках персидском, арабском и узбекском. [69, 152].

Характер неграмматической категории глагольного вида в тюркских языках отмечает и Б.А.Серебрянниковым. Он пишет: «Видов в тюркских языках нет. Сочетания деепричастий с вспомогательными глаголами хотя и обладают видовым значением, но не образуют категории грамматического вида, поскольку завершенность или длительность действия в них всегда осложнена дополнительным оттенком. Глаголы, сочетающиеся с различными вспомогательными глаголами, можно было бы назвать видовыми классами, но не видами» [179,23-26].

Некоторые специалисты по отдельным тюркским языкам, например, Г.Г.Мусабаев, С.А.Амонжолов, С.К.Кенесбаев утверждают, что в тюркских языках отсутствует самостоятельная грамматическая категория глагольного вида. Тюркологи А.И.Хариков, И.Е.Маматов, Н.А.Баскаков отмечают, что

глагольный вид в тюркских языках имеет характер самостоятельной грамматической категории.

Академик А.К.Кононов в своём капитальном труде «Грамматика современного литературного узбекского языка» обосновывает дополнительные оттенки глагольного значения [110,63]. В монографии профессора А.Ходжиева о вспомогательных глаголах узбекского языка был исследован характер протекания действия с оттенками мгновенности, динамичности, длительности и т.д.

В нём вспомогательные глаголы узбекского языка по их значениям и функциям определяются таким образом:

- 1) вспомогательные глаголы, которые обозначают характеристику процесса действия;
- 2) вспомогательные глаголы, которые выражают модальные значения;
- 3) вспомогательные глаголы, соответствующие обозначению направления действия.

Далее, эти группы вспомогательных глаголов состоят из соответствующих внутренних подгрупп. Так, например, вспомогательные глаголы первой группы имеют следующие внутренние подгруппы, в которых имеются и глаголы движения:

- 1) глаголы, в которых основано отражение начальной фазы действия (*кел // биё, кет // бирав*);
- 2) вспомогательные глаголы, обозначающие фазу при выполнении действия (*юр // роҳ рав, кел // биё, бор // рав*);
- 3) вспомогательные глаголы приближения к фазе выполнения действия (*қол // бимон, ёз // навис*);
- 4) глаголы, отражающие фазы окончательного завершения действия (*бўл // шав, бит // бут, битир // бутун кун, чиқ // баро, ёт // ёт, ўт // гузар, ол // гир, қуй // мон, кет // бирав, юбор//фиристон, ташла //парто, сол //андоз, фаро // туш*);

5) глаголы, отражающие интенсивную (высокую) фазу действия (*кет // бирав, юбор // фиристон, ташла // парто, ўт // гузар*);

б) глаголы, обозначающие неокончательно завершённую (ненормальной) фазу действия глагола - обстоятельства;

7) глаголы, обозначающие фазу возникновения действия и состояния (*ол // гир, кел // биё, қўй // мон*);

8) вспомогательные глаголы, обозначающие одноразовые действия (*ол // гир, қўй // мон*);

9) вспомогательные мгновенные действия (*кет // бирав, юбор // фиристон, туш // фаро*).

Следует отметить, что в вышеуказанных семантических подгруппах вспомогательных глаголов имеются и глаголы движения, на каждом из которых остановимся отдельно. Так, например, глаголы движения – *кел (идти, приходи)*, *кет (уходи, уезжай)* относятся к вспомогательным глаголам со значением характеристики процесса совершения действия

Вышеуказанный ученый в специальном монографическом исследовании о вспомогательных глаголах узбекского языка приходит к выводу о том, что эти глаголы сложны по всем особенностям грамматического и семантического аспектов [209, 18].

Конъюнкционализованные глаголы движения в семантическом аспекте выделяются в следующие группы:

а) конъюнкционализованные вспомогательные глаголы, имеющие характеристику процесса действия;

б) конъюнкционализованные вспомогательные глаголы с модальными значениями;

в) вспомогательные конъюнкционализованные глаголы, обозначающие направление действия.

Конъюнкционализованные глаголы движения по значению характеризуются по всем указанным выше семантическим разновидностям. Например, глаголы *кет//рав «уходи», кел//биё «приходи», юр//раҳ рав, бор//рав,*

чиқ//баро, туш//фаро отнесены к конъюнкционализированным глаголам, обозначающим характеристику процесса действия.

По утверждению проф. А.Хаджиева, для узбекского языка характерно отсутствие вспомогательных глаголов, самостоятельные эквиваленты которого окончательно, полностью превращены в вспомогательный глагол. В функции служебных «вспомогательных» слов употребляются некоторые полнзначные глаголы, среди которых имеются и отдельные глаголы движения, например: *раҳ рав // юр (моқ)* - «ходить, идти»; *баро // чиқ (моқ)* - «выйти, выходить», *рафтан // бор (моқ)* - «идти, приехать», *рафтан//кет (моқ)* - «уходить, уезжать», *туш // фаро (моқ)* - «спускаться» и т.д. [209, 19].

По концепции М.З.Закиева, служебные и вспомогательные глаголы рассмотрены в качестве служебных морфем и по семантике выделены следующие группы; словообразовательные, словосоединительные и модальные [79, 21]. С этой точки зрения, глаголы движения, употребляющиеся в функции вспомогательных глаголов, по их функционально-семантическим особенностям можно рассматривать в двух аспектах:

а) глаголы движения в функции вспомогательных слов словообразовательного характера:

б) глаголы движения в функции вспомогательных слов модального характера [79, 21].

Глаголы движения в функции вспомогательных слов словосоединительного характера в узбекском языке не имеются. Но при словосложении из частей, входящих в сложное слово, возможно считать грамматикализовавшимися лишь те, которые полностью утратили свое словарное значение и превратились в служебные, которые равняются с грамматическими показателями: *ютиб юбормоқ* - «он проглотил», *ўқиб чикди* - «он прочитал». В этих сложных формах вторые их элементы являются уже хотя и не полностью конъюнкционализированными, т.е. грамматикализованными, так как у них ослаблено до нуля их основное номинативное значение.

Надо учесть то, что конъюнкционализованный, т.е. вспомогательный, глагол выполняет свою служебную формально-грамматическую функцию лишь в сочетании с определенным формативом предыдущего глагола, поэтому то значение, которое возникает в данном сочетании, неверно приписывать только одному конъюнкционализованному – вспомогательному глаголу [79, 22].

Конъюнкционализованные глаголы функционируют в основном в качестве грамматических (формальных) маркеров аналитических форм глаголов.

Формы глагола занимают в грамматической системе самое различное положение: одни представляют собой лишь стилистический вариант какой-то другой регулярной формы, другие – стилистически нейтральны и являются самостоятельной величиной в системе форм, третьи – не являются равноправными и имеют собственное положительное содержание в зависимости от содержания противопоставленной формы. Одни входят в число коррелятивных категорий, другие являются равноправными, обладающими своим собственным положительным содержанием.

Следует отметить, что сама категория глагола в целом – сложное явление грамматического строя. Еще более сложным является процесс конъюнкционализации глаголов, в результате чего слова с номинативно-денотативными значениями превращаются в слова, лишенные номинативно-денотативных значений и функционирующие в качестве аффиксов формообразования.

Послелог *қараб*, *қараганда*, *қарамай*, *қарамасдан* конъюнкционализованы от равных деепричастных форм глагола *қарамоқ* «смотреть». Хотя эти послелогии являются производными от одного и того же корня глагола «қарамоқ» («смотреть»), всё же они имеют разные значения. Так, например, послелог *қараб* употребляется в пространственном значении (... *Шаҳарга қараб жўнамоқ*, - «отправиться в город»).

Конъюнкционализованный послелог *қараганда* (*қара+ганда*) имеет значения сравнения, сопоставления (*Унинг бўйи акасиникига қараганда новчароқ*), управляет именными словами в направительном падеже.

Конъюнкционализованные послелоги *қарамай*, *қарамасдан* образованы от отрицательной формы глагола *қарамоқ* («смотреть»), чем они грамматически отличаются от предыдущих конъюнкционализованных послелогов *қараб*, *қараганда*.

Послелоги *қарамай*, *қарамасдан* являются стилистическими вариантами одного и того же послелога, поэтому они совершенно адекватны по значению, но один из них – *қарамай* – более употребителен» [109, 198].

В разговорной речи употребляется форма *қара* (*қаранг*) в позиции вводного слова.

Кўра//назар ба – тоже конъюнкционализованное от глагола служебное слово. Оно являлось деепричастием на *-а*: *кўр+а*. *Кўра* в функции служебного слова употребляется в следующих случаях:

а) является одним из компонентов вводных словосочетаний. В данной функции *кўра* управляет инфинитивом на *-и* (*иш*) в направительном падеже: ... *айтишларига кўра //назар ба гуфти онҳо* - «...по их словам»;

б) функционирует в качестве подчинительного союза в сложноподчиненном предложении с придаточным сравнения, где управляет причастной формой глагола в исходном падеже. В функции подчинительного союза *кўра* входит в состав форманта «-гандан *кўра*», чем оформляется сказуемое придаточной части сложного предложения: *Эшонни тўгаракка раҳбар қилгандан кўра, колхоздан ҳайдаган маъқулроқ*. (А.Каххор “Синица” с.-27) // *Назар ба роҳбар кардани Эшон, аз колхоз рондани он беҳтар аст. Чем назначить Ишана руководителем кружка, лучше его уволить из колхоза*.

По поводу характера конъюнкционализованного от глагола служебного слова *кўра* М.Наримонова отмечает, что «*кўра*», когда не употребляется в функции самостоятельного глагола, носит характер послелога» [141, 28]. (*Нариманова Н. Феъл шаклларининг қўлланишидаги бир хусусияти ҳақида*

// *Ўзбек тилишунослиги масалалари. Илмий мақолалар тўплами. Тошкент, 2006. С.28).*

Тортиб//сар карда – конъюнкционализованный от глагола послелог. *Тортиб* восходит к деепричастной форме на *-иб* глагола *торт (моқ)*. Он управляет словоформой с исходным падежом: *Йигилишида чол-у кампирлардан тортиб ёш болаларгача бор.*(*А.Каххар “Синица” с.-34*) // *Дар маҷлис аз чолу кампирҳо сар карда то бачаҳои ҷавон иштирокдоранд - «На собрании присутствовали все, от стариков до молодёжи».*

Элемент *тортиб//сар кардан* в функции послелога употребляется в конструкции, в которой он является одним из основных ее конструктивных маркеров, без которого конструкция не может существовать (*N дан ... тортиб N гача*).

Қўйингки//монед. Эта форма глагола в конъюнкционализованном виде употребляется как модальное слово, занимает в предложении позицию вводного слова. Форма *қўйингки* в функционально-семантическом плане синонимична с модальными словами *борингки* (тоже от глагола) и *хуллас*. Морфемный состав формы *қўйингки* состоит из *қўй* (корень слова), *-инг* (показатель лица мн. числа глагольного спряжения) и *ки* (подчинительный союз). Форма *қўйингки* в речи иногда сопровождается элементом *асти (реже – энди)*. *Педсоветда Баратов бечорани шунақаям мулзам қилдики, асти қўяверинг // Дар шўрои педагогӣ бечораи Баратовро чунон мулзам карданд, ки асло монед-дия - «На педсовете бедного Баратова так критиковали, что лучше не спрашивать».*

Қўйингки как модальное слово имеет значение «ограничение чего-нибудь, кого-нибудь».

Қайта//баргаишта. Эта лексико-грамматическая форма связана с деепричастной формой на *-а* глагола *қайтмоқ («вернуться»)*: *қайт-а* употребляется в функции частицы, конъюнкционализованной от глагола, которая имеет значение «повтор, повторное».

Ўта//расо. Конъюнкционализованное от глагола служебное слово *ўта* в качестве полнозначного глагола является деепричастной его формой на *-а*, основой данной формы является корень глагола *ўтмоқ*: *ўт-а//гузашта*. Переход глагольной формы *ўта* в служебное слово осуществлен через наречие: сначала *ўта* функционировало как наречие со значением степени. Функционирование деепричастной формы глагола *ўтмоқ//гузаштан* в качестве служебного слова является второй ступенью его перехода в другую часть речи. Значит, глагол (*ўт-а*) – наречие – служебное слово (частица). М.Наримонова приводит пример: «*ўта инжиқ (бола), ўта камтарин*» (Наримонова М. Указанная работа. С.29). Однако примеры, которые автором приводятся, свидетельствуют о том, что *ўта* употреблено в качестве усилительной частицы, а не наречия. В конструкциях: *ўта инжиқ бола // расо баччаи инчиқ* - «мальчик слишком капризный», *ўта камтарин // расо хоксор* - «слишком скромный», *ўта* обозначает усиленное качество лица. Таким образом, в современном узбекском литературном языке деепричастная форма глагола на *-а* является конъюнкционализованной от глагола частицей со значением усиления. **Ўта//расо** как служебное слово в функционально-семантическом плане синонимично с частицей *жууда//расо*: *жууда катта, ўта катта // расо калон* - «слишком большой».

Қолаверса//монад. Данное слово в служебной функции представляется как модальное слово и употребляется в основном в предложении в позиции вводной конструкции. В функции вводного слова *қолаверса* лишено своего номинативного (вещественного) значения, за счет чего осложняется содержательно-коммуникативное строение предложения.

В разговорной узбекской речи обнаруживаются варианты данной формы в виде *менга қолса // ба ман монад, сенга қолса // ба вай монад, унга қолса (уларга қолса) ба мо монад* и др., которые функционируют в качестве прагматических единиц, с определённым значением коммуникативного строения предложения.

Айтмоқчи//ба гуфти – конъюнкционализованное от глагола служебное слово относится к основе полнозначного глагола «*айтмоқ//гуфтан*» «сказать». Форма *айтмоқчи//ба гуфти* является деепричастием цели на *-моқчи*, а также глагольной формой со значением намерения. В речи актуализируются формы *айтайлик*, *айтсангиз*, *айтганча* и др., которые являются функционально-семантическими вариантами служебного слова *айтмоқчи*. Все эти формы в качестве служебных слов функционируют в предложении как вводные слова.

Келинг (кел)//биёед. В качестве конъюнкционализованного служебного слова *кел* (*келинг//биё*, *келингки//биёед*) как модальное слово занимает в предложении позицию вводных слов: *Келинг, ўтган ишларни эслатманг. Кел, гапни бошқа томонга бур. Биёед, гапҳои гузаштаро ба хотир наоред. Биё гапро ба дигар тараф бар.*

Вводные и модальные слова по своей семантике и функции очень близки к служебным словам. Модальные слова в предложении обычно играют роль вводных членов, функция же вводных членов в предложении заключается, главным образом, в выражении связи предложения с предыдущим и выражает присоединительное отношение. Это значение присуще всем вводным словам. Предложение, содержащее вводное слово, всегда ощущается как «привязанное» к чему-то предыдущему, поэтому ни одно предложение с вводным словом нельзя поставить на первое место.

Бўйлаб. Деепричастная форма глагола с показателем **-б** является производным от именной основы **бўй** словом, морфемный состав которого представляется **бўй** (корень), **-ла** (глаголообразующий аффикс) и **-б** (аффикс деепричастия). Ныне деепричастная форма глагола **бўйлаб** функционирует как послелог в пространственном и временном значениях. Конъюнкционализованный от глагола послелог «**бўйлаб**» в первом случае указывает, что действие распространяется на все указанное пространство, а во втором случае – что действие охватывает весь указанный отрезок времени. Он, очевидно, соответствует русским предлогам «*на протяжении, в продолжение*». В данном

значении *бӯйлаб* синонимичен с предлогам *бӯйи*, который является конъюнкционализированным от существительного в притяжательной форме III лица: *бӯй+и*. Ср. *бӯй*: *бӯйим*, *бӯйинг*, *бӯйи*. Слово *бӯй* в притяжательной форме I и II лица не конъюнкционализировано и не превращено в послелог.

Послелог *нигоҳ карда* // *қараб*, *қараганда*, *нигоҳ накарда* // *қарамай*, *қарамасдан* // *нигоҳ накарда* конъюнкционализированы от равных деепричастных форм глагола *қарамоқ* «смотреть». Хотя эти послелогии являются производными от одного и того же корня глагола «қарамоқ» «смотреть», они имеют разные значения. Так, например, послелог *қараб*, употребляется в пространственном значении (... *Шаҳарга қараб жўнамоқ* //... *Ба тарафи шаҳр нигоҳ карда рафт* - «отправиться в город»).

Конъюнкционализированный послелог *қараганда* (*қара+ганда*) имеет значение сравнения, сопоставления (*Ўнинг бӯйи акасиникига қараганда новчароқ* // *Қади вай назар ба қади ақояш баландтар аст*), управляет именными словами в направительном падеже.

Конъюнкционализированные послелогии *қарамай* // *нигоҳ накарда*, *қарамасдан* // *нигоҳ накарда* образованы от отрицательной формы глагола *қарамоқ* // *нигоҳ кардан* («смотреть»), чем они грамматически отличаются от предыдущих конъюнкционализированных послелогов *қараб*, *қараганда*.

Послелогии *қарамай*, *қарамасдан* // *нигоҳ накарда* являются стилистическими вариантами одного и того же послелога, поэтому они совершенно адекватны по значению, но один из них – *қарамай* // *нигоҳ накарда* – более употребителен.

В таджикском языке союзы выделяются на две большие группы: 1) соединительные союзы; 2) подчинительные союзы. К соединительным союзам относятся: *ва*, *у*, (*ю*, *ву*), *ҳам*, *на... на*, *чи... чи*, *аммо*, *лекин*, *ва лекин*, *балки*, *ё*, *ёки*, *ё ин ки*, *ё ин ки*, *гоҳ ... гоҳ*, *хоҳ ... хоҳ*. Среди них союзы *ва*, *и*, *ки* являются часто употребляемыми и многофункциональными. К подчинительным союзам относятся: пояснительные –ки, союзы времени, места, по-

ложение действия, количественные, сравнительные, причинные, целевые, условные, противительные, объектные и др. [26, 45-89].

Узбекский язык богат служебными словами, конъюнкционализованными от знаменательных слов, которые функционируют в качестве союзов и соединяют функциональные компоненты сложного предложения. Конъюнкционализованный характер отдельных лексических единиц в узбекском языке отмечается Г.А.Абдурахмоновым, М.А.Аскаровой, А.Бердиалиевым.

Г.А.Абдурахмонов специально останавливается на союзной функции глагольных слов *бўлса, эса*.

Бўлса//бошад употребляется между компонентами сложных предложений, которые выражают события, осуществленные одновременно или последовательно [22, 82]. При образовании сложноподчиненных предложений велика роль конъюнкционализованного от глагола слова – *деб*, при помощи которого присоединяются предикативные компоненты сложноподчиненных предложений с придаточными цели (*Ўзбек иморати баланд бўлсин деб, келди Россиянинг қарагайлари* (А.Пўлат) // *Иморати ўзбек бояд баланд шавад гуфта, омад дарахтҳои тўси Россия*), дополнения (*Айтмадимми, ёмгир ёгади деб // Нагуфтам-мӣ, борон меборад, гуфта*).

Многофункциональный (полисемантический) характер союзного слова *деб* отмечается и проф. М.А.Аскаровой. Она утверждает, что союзное слово *деб*, кроме вышеуказанных сложноподчиненных предложений, употребляется при образовании и сложноподчиненных предложений с придаточными причины (*...гўзалларимиз дуруст экан деб, оз бўлмаса гафлатда қолай дедим* (Саид Аҳмад) // *...зебоҳоямон дуруст гуфта, камтар монд, ки ба гафлат намонам гуфтам*). Кроме того, М.А.Аскаровой рассматриваются и другие функционально-семантические особенности союзного слова *деб*, которые обнаруживаются при образовании простых предложений, а также конструкций с чужой речью. К этим функционально-семантическим особенностям союзного слова *деб* проф. А.Бердиалиевым добавлена и другая функционально-семантическая особенность союзного слова – соединительная его

функция компонентов сложноподчиненного предложения с придаточным наречия: *Яшаяпти отамиз деб, жар солибди болалар* (М.Бобоев) // *Падаромон зиндагї карда истодааст гуфта, бачаҳо шуру магал бардоштан* [21, 79].

Проф. А.Бердиалиев употребляет термины субстантив (субстантив 1, субстантив 2), адъектив (адъектив 1, адъектив 2), адвербы, нумеративы, прономинал (прономинал1, прономинал2), которые называет конъюкционализированными от местоимений служебными словами разного функционально-семантического характера. Так, например, термин субстантив1 обозначает лицо; субстантив2 – предмет; адъектив – обозначает признак и качество, свойственное лицам; адъектив2 – признак и качество, свойственное понятию с предметным значением. Термином **адвербальный** называются парные местоимения типа *қаерда//дар кучо – шу ерда//дар инчо, қачонки//кай – шу вақтда//ҳозир, қай даражада//дар кадом дар кадом дараҷа – шу даражада//ба ин дараҷа* и т.д. с общим значением качества и свойства, действия, состояния. Термин нумератив употребляется для обозначения меры, степени, но в качестве маркеров выступают парные местоимения типа *қанча//чї қадар – шунча//ҳамин қадар, чї қадар – қанчалар//ҳамин қадар//шунчалар* и др. К числу выразителей координативной связи также отнесены прономинализованные от существительных слова *одам, киши//шахс, инсон, кимса, нарса//чиз, ер//замин, жой//макон, томон//тараф, тараф//сўйи* и т.д., среди которых одни обозначают лица, а некоторые – предметы. Пронаминализованные слова со значением лица относятся к числу прономинал 1, а со значением предмета – к числу прономинал 2. (Бу шунчалар ажиб бир қўшиқ эдики, умрбод едида қолган. (У.Хошимов «Белая радуга» с.-47) // Ин суруде ҳеле нажиб буд, ки ба хотираш сабт гардида буд. // Это была такая вдохновляющая песня, что он запомнил ее на всю жизнь. [21, 43].

В работах проф. А.Бердиалиева по синтаксису узбекского языка рассматриваются словарные единицы типа *ҳамин қадар//шу қадар, ҳамин//шуниси, ҳамин чиз//шу нарса, доир ба ин//шу ҳақда, ҳамин*

тавр//шунинг билан, ҳамин хел//шундай, ҳамин//шунақа, як хел//бир хил, ба ҳамин дараҷа//шу даражада, ягам//бирам, як чандто//бир қанча и др., которые являются ядром союзных сочетаний (*ҳамин қадар ки//шу қадар...ки, ҳамин ки//шуниси...ки, ҳамин чиз ки//шу нарса...ки, доир ба ин ки// шу ҳақда...ки, бо ҳамин//шуниси...билан, чунон ки//шундай...ки, чунин ки//шунақа...ки, як хел ки//бир хил...ки, ҳар ки//ҳар...ки, баъзе аз он ки//баъзиси...ки, чунон ки//чунон...ки, ба ин дараҷа ки//шу даражада...ки, ҳамин қадар ки//шунчалик...ки, ягам ки//бирам...ки, ҳар қадар ки//ҳар қанча...ки* и др.), которые соединяют предикативные части сложноподчиненных предложений. [21, 44].

В составе союзных сочетаний употребляется и указательное местоимение *шу* в форме родительного падежа *шунинг учун//барои ҳамин*. В составе союзного сочетания такого типа имеется послелог *барои//учун*, иногда прилагательное *сабабли//барои ҳамин*, существительное *дар натиҷа //оқибатда, натиҷасида*, при помощи которых образуются сложноподчиненные предложения с придаточными причины: *Бўлим мудури бошини орқага ташлаб ўтирар, шунинг учун ингичка бўйни узун кўринарди* (У.Хашимов, “Белая радуга”.с. 56) // *Мудури шуъба сарашро ба қафо партофта мешинад, аз ҳамин сабаб гардани майдаякаш дароз менамояд*.

Конъюнкционализованные от существительного служебные слова типа *замон//замонда, заҳоти, чоғи, пайт, вақт, давр, йил, кун* и др. употребляются и в функции союза. В союзной функции эти слова представляют собой компоненты союзных сочетаний, в качестве другого компонента которых функционируют как показатели (маркеры) прошедшего времени причастия (-ган: -ган куни, -ган замон//замоно, -ган заҳоти, -ган чоғи, -ган дамда, -ган пайт-да).

Следует вывод о том, что конъюнкционализованные от существительного служебные слова носят полифункциональный характер. Полифункциональный характер этих единиц объясняется тем, что они в качестве послелогов употребляются в составе простого предложения, в котором обеспечивают

синтагматическую сочетаемость именных слов с глаголами; в качестве союзов они употребляются в составе сложноподчиненных предложений, являясь маркерами подчинительной связи между предикативными частями.

Таким образом, пополнение союзного фонда системы сложного предложения узбекского языка происходит за счет знаменательных слов определенной семантики, которые во многих случаях имеют пространственные и временные значения.

Служебные слова имеют функциональную общность, вследствие чего они принадлежат системе грамматических средств языка и сближаются с морфемами, порядком слов, интонацией и прочими грамматическими средствами [78, 58-59]. Поэтому основная функция служебных слов – это функция синтаксическая. Функция синтаксическая свойственна и конъюнкционализированным словам, отчужденным и отстраненным от своих прежних словарно-номинативных значений.

Конъюнкционализация и ее процессы являются одним из основных источников обогащения и расширения численности служебных слов, ибо в языке количество служебных слов по сравнению с количеством знаменательных весьма ограничены. Таким образом, численность служебных слов увеличивается за счет перехода знаменательных слов в разряд служебных внутри самого языка. Так, например, «добрая половина послелогов образована в тюркских языках от знаменательных слов без изменения их облика в результате изоляции и лексикализации отдельных их форм».

Облигаторным стимулом конъюнкционализации становится сближение грамматических и лексических значений и функций знаменательных слов со значениями и функциями характерных служебным словам. По утверждениям А.А.Потебня, А.А.Шахматова, И.И.Мещанинова и, вслед за ними, Я.Бауэра, Н.С.Поспелова, Е.Т.Черкасовой и др., изменение значений знаменательных слов осуществляется следующим образом. Сначала проявляется сближение семантики знаменательных слов со значением служебных слов определенного функционально-смыслового разряда. Затем меняются существенные син-

таксические функции знаменательных слов, что связано с изменением грамматической структуры с этими словами.

Послелогои во многих языках, в том числе и в узбекском, по генезису делятся на производные и непроизводные. Непроизводные послелогои характеризуются как собственно послелогои, которые совершенно утратили связь с источником своего происхождения. К ним относятся: *учун, каби, сингари, қадар, билан, бери, буён, бўйича, бўйлаб, бўйи, орқали, қадар*. Следует отметить, что среди этих послелогов *билан, бери, буён, бўйича, бўйлаб, орқали* являются конъюнкционализованными полностью (об этом речь пойдет ниже).

Процесс конъюнкционализации полнозначных слов тюркских языков в послелогои – явление, которое имеет свою глубоко древнюю историю.

В капитальном труде акад. А.А.Кононова «Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII-IX век)» рассматривалось функционирование послелогов типа бирла (<деепр. -бир+ла+н «сообща», «вместе»), *qodi//укоди* (< деепр. на и от глагола *қод* – «класть»), *saji-saju//сайи* (<деепр.-на-йи от глаг. *са* – «считать») *tapa//тана* (<деепр. на -а от гл. *тап* «служить», *тап* «находить»), *mer//тег* (*тег<ten,~den*, «количество», «мера», «одинаковый», «равный», «подобный»), *uza//уза* (<деепр. на -а от гл. *уз-* «расти», «увеличиваться»), *орқа//ўнгра* (*ок* – «перед»), *ичра* (*ич* «внутренность»+ *-ра* – аффикс дательного-направительного падежа), *ичида* (*ич* – «внутренность»); которые управляются основным (и винительным) падежом.

По мнению А.Н.Кононова, все послелогои тюркских языков VII-IX вв. являются производными (изолированными) [111, 200-203].

Конъюнкционализованные от полнозначных слов послелогои обнаруживаются и в тюркоязычных письменных памятниках XI-XII вв., об этом свидетельствуют наблюдения и профессора Х.Г.Нигматова [143, 19].

Производные послелогои являются конъюнкционализованными служебными словами от самостоятельных частей речи. Они бывают:

а) отглагольные послелогои *сар карда//бошлаб, нигоҳ карда//караб, қараганда, нигоҳ накарда//қарамай, дида//кура, мувофиқ//яраш*);

б) наречные послелогои (*пеш//илгари, аввал, пеш//олдин, сонї//кейин, баъд//сўнг*);

в) отыменные послелогои (*дигар//бошқа, берун//ташқари, тараф//томон, аввал//бурун, зид //қарши*).

Производные послелогои могут употребляться не только как послелогои, но и как слова с самостоятельным вещественно-номинативным значением. Так, например, слово *орқа//қафо* – (исходное, словарное значение – «зад, задняя сторона») употребляется в трёх разных значениях:

1) в своем исконном значении: *уйнинг орқаси // қафои хона* - «за домом»;

2) в значении «вслед за кем, чем»; *машина орқасидан бормоқ // аз қафои мошина рафтан* - «идти вслед за машиной»;

3) в значении «за кем, чем»: *Каримнинг орқасидан келди // аз қафои Карим омад* - «Он пришел за Каримом».

В первом значении *орқа//қафо* как существительное остаётся самим собой. Во втором значении оно в отношении движущихся предметов (и лиц) абстрагируется, но не теряет связи с первым своим значением и в меру этого значения охраняет свойства имени существительного. В третьем же своем значении это слово лишено и связи с первыми двумя значениями, и категориального значения существительного, и номинативной функции. Здесь в позиции его можно, конечно, считать своеобразным послелогом цели, сохраняющим формальные признаки существительного.

По их значениям и морфологическим особенностям послелогои ... можно разделить на две резко различающихся группы: а) падежные послелогои и б) определительные послелогои.

Падежные послелогои имеют своим единственным назначением выражать или уточнять падежные значения знаменательных слов. В связи с этим они не имеют парадигмы склонения. Часть из них представляют собой беспадежные формы. Другая часть имеет форму косвенных падежей. Однако падежные формы этих послелогов утратили свои первоначальные значения,

выключились из парадигмы склонения и расцениваются говорящими, как изолированные, несклоняемые формы.

Определительные послелогов уточняют значения связанных с ними знаменательных слов в смысле охвата последними совокупности обозначаемых ими явлений действительности. Кроме того, большинство из них одновременно выражают падежные значения знаменательных слов.

В работе А.А.Кокляновой «Послелогов и служебные имена в узбекском языке» определения послелогов и служебных слов различаются. Послелог определяется как лексико-грамматическая категория, характеризующаяся морфологической неизменяемостью и служащая для выражения синтаксической зависимости слов в предложении, называемой управлением; а служебные имена – как лексико-грамматическая категория, характеризующаяся морфологической изменяемостью по линии трёх пространственных падежей, изафетной связью непосредственно с предшествующим словом и служащая для выражения синтаксической зависимости слов в предложении, называемой управлением. «Однако, - пишет она, - нужно учитывать различную роль в управлении послелогов и служебных имен: послелогов сами управляют, служебные же имена вместе со словом, соединенным с ним по способу изафета, создают управляемый комплекс, падеж которого определяется управляющим словом (главным образом глаголом)» [109, 189-190].

Состав послелогов узбекского языка очень богат и разнообразен. По генетико-морфологическим особенностям их можно разделить на две основные группы:

- а) неконъюнкционализованные послелогов;
- б) конъюнкционализованные послелогов.

Неконъюнкционализованные послелогов – это послелогов собственного характера (собственно послелогов). Сюда относятся те послелогов, которые окончательно изолированы от других частей речи и выделяются в специальные разряды, составляя их основное словарное ядро как служебные слова.

Конъюнкционализованные послелогои на основе генетико-морфологических признаков бывают:

1) конъюнкционализованные от наречия послелогои. Сюда относятся те послелогои, которые образовались от наречий, но ныне от них еще не вполне изолированы и употребляются в функции послелога и наречия: *аввал, нисбатан, бери, сўнг, баъд//кейин, пеш//олдин, пештар//илгари* и др.

2) конъюнкционализованные от прилагательных послелогои. Сюда относятся те послелогои, которые образованы от прилагательных: *дигар//бошқа, зид//қарши, ба гайр аз//ташқари*.

3) конъюнкционализованные от глаголов послелогои. Сюда относятся те послелогои, которые совмещают в себе функции послелога и деепричастия: *дида//кўра, дида//қараб, назар ба//қараганда, сар карда//тортиб* и др.

4) конъюнкционализованные от имени послелогои. Сюда относятся те послелогои, которые все еще совмещают функции послелогов и именных форм или формально совпадают с формами имен: *тараф//томон, пеш//олд, паҳлў//ён, поён//таг, боло//ост, қафо//орқа, миёна//ўрта, байн//ора, боло//уст, рў ба рў//юза, доир ба//тўғрисида, дар бораи//ҳақида, дар хусуси//хусусида, дар сояи//соясида, зидди//қаршисида, ба ҷойи//ўрнида, дар беруни//учида, дар дохили//ичида* и др.

3.4. Отнаречные конъюнкционализованные служебные слова в таджикском и узбекском языках

В системе частей речи, в языках индоевропейской семьи, в том числе и в таджикском, функционируют так называемые предложные наречия. Предложные наречия способны в зависимости от контекста выступать то в качестве служебной части речи – предлога (пешоянд), то в качестве знаменательной – наречия.

На существование категории предложных наречий указывали в своих работах М.В.Ломоносов, Ф.И.Буслаев, А.Х.Востоков, В.В.Виноградов, Е.Т.Черкасова, М.Ф.Лукин, Н.А.Каламов, В.М.Глухих, И.Н.Ермоленко и др.

Е.Т.Черкасова считает необходимым различать предложные наречия, то есть наречия, способные выполнять предложные функции, и наречные предлоги, то есть «белые» наречия, выступающие только в качестве предлогов. [217, 58]. Высказанное Е.Т.Черкасовой по поводу деления наречий, вполне характерно и для наречий таджикского языка. Предложные наречия некоторыми русоведами, например, М.А.Стерниковой, рассматриваются как гибридная часть речи, куда отнесены предложные наречия русского языка типа *после, около, вокруг, вперед*. [195, 45]. Мы считаем верным и основательным функционально-семантические эквиваленты этих русских предлогов – *баъд//нас, назди, гирди, пеш* и др. считать предложными наречиями таджикского языка.

Семантическая специфика предложных наречий состоит в способности демонстрировать особого рода многозначность – многозначность на уровне частей речи, или категориальную полисемию. Предложные наречия демонстрируют категориальную полисемию, прежде всего на уровне предлога и наречия. Возможны, однако, переходы и в другие части речи.

Специфической чертой предложных наречий является также возможность существования в их семантических структурах категориальных вариантов одного лексического значения. Отметим, что категориальная вариантность рассматривается нами как частный случай категориальной полисемии.

Предложные наречия – это служебные слова, происхождение которых тесно связано с полнозначными наречиями. Переход наречий в служебные слова – в предлоги – явный и существенный результат так называемого процесса конъюнкционализации.

По данной проблеме имеются следующие работы: Каламова Н.А. Переход наречий в предлоги // Вопросы русского языкознания. Львов, 1955; Виноградов В.В. Русский язык. М., 1972; Черкасова Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги. М., 1967; Лукин М.Ф. Трансформация частей речи в современном русском языке. Донецк. 1973; Ермоленко И.Н. Некоторые замечания о принципах классификации наречных предлогов // Труды университета

Дружбы народов. Литературоведение и языкознание. М., 1965; Глухих В.М. Значения однокоренных наречных предлогов в современном русском литературном языке; Стерника М.А. О семантике предложных наречий русского языка // Семантика служебных слов. Пермь, 1982. С.151.

Конъюнкционализация является одной из своеобразных разновидностей перехода слов из одной лексико-грамматической категории (частей речи) в другую. По своему характеру она относится к явлению конверсии (транспозиции). Вопрос, связанный с конъюнкционализацией, доныне не рассматривался в специальном монографическом плане изучения.

Грамматические явления субстантивации, адъективизации, адвербиализации, прономинализации и вербализации рассматриваются в рамках конверсии. Конверсия (транспозиция) отличается от конъюнкционализации. Процесс конверсии характеризуется тем, что при функционировании субстантивации, адъективизации, адвербиализации, прономинализации, дифференциация конъюнкционализации от других разновидностей конверсии и вербализации, переход слов из одной части речи в другую осуществляется в рамках знаменательных частей речи, т.е. самостоятельные (знаменательные) слова одной знаменательной части речи превращаются в слова другой знаменательной части речи. При конъюнкционализации же слова определенной знаменательной части речи превращаются в слова служебные.

Слова знаменательных частей речи характеризуются наличием в них денотативных, словарных значений, что отсутствует в конъюнкционализованных словах. Значение конъюнкционированных слов – это значение грамматическое, т.е. значение служебных слов, в основном типа послелогов и предлогов, реже – союзов.

Наши наблюдения свидетельствуют о том, что узбекский и таджикский языки отличаются друг от друга и в отношении характера процесса конъюнкционализации наречий. В узбекском языке наречия более актуальны и склонны к процессу конъюнкционализации, по сравнению с наречиями таджикского языка.

Процесс конъюнкционализации в первичном этапе наречий носит промежуточный характер. У конъюнкционализованных наречий сохраняются прежние, но ослаблены, лексико-грамматические их особенности. Они обычно носят характер заместителей послелогов в узбекском языке и предлогов – в таджикском. Процесс превращения наречия в категорию служебных слов независим от того, будет ли оно послелогом или предлогом, многоэтапным и сложным. Многоэтапность и сложность процесса превращения наречий в служебные слова типа послелогов и предлогов характеризуется тем, что наречие станет предлогом или послелогом не сразу. На начальном этапе перехода наречия в служебное слово в нем совмещаются признаки и знаменательных, и служебных частей речи. Признаки знаменательных частей речи являются основными, ведущими, а признаки служебных – вспомогательными, дополняющими. Кроме того, на данном этапе процесс превращения наречия в служебное слово находится на уровне речи, а не языка. Окончательный завершающий переход наречия в служебное слово характеризуется образованием собственных служебных слов категорий послелогов и предлогов. Процесс данного этапа относится к уровню языка, а не речи, где у образованных формально-грамматических единиц снимаются признаки знаменательных частей речи, т.е. наречия полностью переходят к служебным частям речи.

Следует подчеркнуть, что степень способности конъюнкционализации наречий в определенной мере ограничен: не все семантические разновидности склонны к процессу конъюнкционализации. Наиболее склонными к данному процессу являются наречия времени и места.

В узбекском языке процесс конъюнкционализации наблюдается при функционировании наречий времени типа *аввал//аввал, неш//олдин, баъд//бурун, сонй//кейин, нештар//илгари; аввал//неш, неш//олдин, аввал//бурун, сонй //кейин, нештар//илгари;* наречий места типа *берун//ташқари, дарун //ичкари, нари, бери* и т.д. Сравните наши примеры: *Аввал сиз боринг, кейин мен // Аввал шумо равед, сонй ман «Сначала вы идите,*

потом – я (аввал // сначала, кейин // потом – наречия времени) – Алишер сиздан олдин келди // Алишер аз шумо пеш омад «Алишер пришёл раньше Вас». Барно ййизинга ҳаммадан кейин келди // Барно ба маҷлис аз ҳама охир даромад - «Барно на собрание пришла после всех» (олдин // раньше, кейин // после – послелого).

Наиболее прозрачен процесс конъюнкционализации наречий места *таг//ост, боло//уст, пеш//олд, ақиб//орқа, дохил//дарунич, томон//тараф, байн //ўрта, байн//ора, берун//ташқари* и т.д., которые перешли в наречие из существительных.

Конъюнкционализация лексических единиц подобного характера осуществлялась под влиянием закона логики-отрицания. Это характеризуется тем, что у лексических единиц типа *таг//ост, боло//уст, пеш//олд, ақиб//орқа, паҳлу//ён, дарун//ич* и т.д., превратившихся в наречия, ослабляются и отрицаются лексико-грамматические особенности, которые характерны для имен существительных. В свою очередь, при конъюнкционализации этих лексем отчуждается особенность, характерная для лексико-грамматической категории наречия. Теперь они не существительные или наречия, а служебные слова типа послелогов. Сравните: *Берун аз одам пур // Ташқари одамга тўла* – существительное. *Камбудиҳо аз берун равшан аён мегардад // Камчиликлар ташқаридан аниқ кўринади – ташқаридан* – наречие места. *Дар берунни хона дарахти калони чормағз мавҷуд аст // Уйнинг ташқарисида катта ёнгоқ дарахти бор – ташқарисида* – послелог, при помощи которого присоединены словоформа *уйнинг* и слово *бор*: *уйнинг ташқарисида бор*.

Конъюнкционализация наречий в тюркских языках, в том числе в узбекском, – явление не новое, а глубоко древнее. Данный процесс обнаруживается на материалах и древнетюркского языка.

Данные старотюркских письменных памятников свидетельствуют о том, что с VI века наречия типа *ташқари, тепа, отру, ичра, сайу, йоғару, кисра, беру, қоди, нари, кейин, қодин, сон* и т.д. функционировали как послелого [143, 93].

Отнаречные послелогои встречаются и в тюркоязычных письменных памятниках XI-XII вв. Об этом свидетельствует наблюдение проф. Х.Г.Нигматова. Он пишет, что в данных памятниках употреблены послелогинаречия *уза//узала* - «над», «на», «благодаря»; *отр* - «из-за причине»; *оза//бурун //ашну//он* - «до»; *беру* - «с, начиная, с тех пор»; *асра* - «под», *кэзин* - «за, после» и др. [143, 192].

В таджикском языке возможность функционирования наречий в качестве служебных слов, т.е. конъюнкционализация наречий, носит иной характер. Процесс конъюнкционализации наречий таджикского языка отличается от конъюнкционализации наречий в узбекском языке. Это объясняется прежде всего тем, что по грамматическому строю узбекский и таджикский языки относятся к языкам различных типов. Различие процесса конъюнкционализации в узбекском и таджикском языках наблюдается и в отношении характера явления такта, который является одной из самостоятельных грамматикофонетических частей связной речи. Такт выражается знаменательной лексемой и формируется общим словесным ударением. Тактам сопутствуют служебные слова типа предлогов и послелогов, которые лишены самостоятельных ударений. Служебные слова в составе такта занимают препозитивную и постпозитивную позицию в отношении полнозначного слова, основного функционального компонента такта. Служебные слова, образующие такт препозитивно по отношению к полнозначным словам, называются проклитиками. Служебные слова, образующие такт постпозитивно по отношению к полнозначным словам, – энклитиками. [161, 122-124].

Таджикский и узбекский языки отличаются друг от друга и в отношении явлений проклитики и энклитики. Узбекский язык характеризуется наличием в нем явления энклитики, а таджикский – наличием в нем явления проклитики. Это объясняется тем, что энклитики формируются послелогоми, что характерно для узбекского языка; проклитики формируются предлогами, что характерно для таджикского языка.

В таджикском языке наличие и функционирование послелогов более пассивно, чем наличие и функционирование предлогов, что является основной причиной пассивности процесса конъюнкционализации наречий в таджикском языке.

Активное наличие послелогов в узбекском языке, предлогов - в таджикском тесно связано с характером морфологической универсалии, предложенной Дж.Гринбергом. Он отмечает, что языки, для которых характерно функционирование суффиксов, относятся к языкам, для которых характерно функционирование послелогов; языки, для которых характерно функционирование префиксов, относятся к языкам, для которых характерно функционирование предлогов [64,137].

Известно, что узбекский язык является суффиксальным языком, поэтому в нем функционируют только послелоги, а таджикский является префиксальным, поэтому в нем активно функционируют предлоги.

Префиксальный характер таджикского языка не означает, что в нем вообще отсутствуют суффиксы. Образование новых дериватов посредством суффиксации свидетельствует о том, что таджикский язык, являясь префиксальным языком, не лишен насовсем и суффиксов.

В узбекском языке конъюнкционализованные наречия функционируют в качестве служебных слов, при помощи которых актуализируется (реализуется) синтагматическая возможность отдельных лексических единиц типа существительных и местоимений, и они приобретают статус грамматических маркеров между независимыми (господствующими, стержневыми) и зависимыми компонентами словосочетаний, на основе которых формируются предложения. Следует отметить, что при функционировании наречий в качестве грамматических маркеров подчинительной связи им сопутствуют некоторые падежные показатели. Эта особенность конъюнкционализованных наречий в узбекском языке обнаруживается в следующем:

1. Конъюнкционализованные наречия, сопутствующие именам существительным в форме исходного падежа: *буён // кайҳо ин ҷониб; кейин, бери, сўнг // нас, баъд*.

Конъюнкционализованные наречия, подобного типа, являются маркерами подчинительной связи управления и присоединяют существительные к глаголам. Реальным функционированием каждого из них выражаются значения разного характера. Так, например, при функционировании послелога *буён* выражается многократность или продолжительность действия-состояния: *Отам ўн бир йилдан буён онамдан алоҳида яшайди // Падарам ёздаҳ сол мешавад, ки аз модарам ҷудо зиндагӣ доранд // Ужесте одиннадцать лет мой отец не живет с моей матерью*. Значение отнаречного послелога *кейин//баъд (после)* носит иной характер: в реальном его функционировании выражается осуществление очередных действий – состояний в отношении других (*Мен бир ҳафтадан кейин ишга қайтаман // Ман баъд аз як ҳафта ба кор бармегардам // Я вернусь на работу через неделю*). Значение начала действия – состояния выражается посредством отнаречного послелога *бери//сар карда (Собира ўша кундан бери дам олаяпти //Собира аз ҳамон рӯз сар карда истироҳат дорад // Собира с того дня отдыхает)*.

Своеобразным является значение и отнаречного послелога *сўнг*. Его реализацией выражается значение действия – состояния, которое заменяет другое – предыдущее (*Духтур қабулига мен сандан сўнг кираман // Ба қабули духтур ман баъд аз шумо мебароям // На прием к врачу я зайду после тебя*)

Отнаречные послелоги *кайҳо ин ҷониб // буён, бери, сонӣ, баъд // кейин, сўнг аз* прошедшего времени, присоединяются к причастиям прошедшего времени, формируют их в качестве оборотов или сказуемых придаточных предложений. В подобных случаях они приобретают значение характера конструкций, функционально и семантически сходных с деепричастиями с аффиксом *-а*: *Сен кетгандан кейин ёмгир бошланди – Сен кетгач, ёмгир бошланди // Баъд аз рафтани ту борон ба боридан сар кард (Когда ты ушел,*

пошёл дождь). Функция и значение подобного характера свойственны и отнаречным послелогам *кейин, сўнг*.

Следует отметить, что функционально-семантическое сходство (синонимия) между конструкциями «причастие с аффиксом *-ган + бери//буён //баъд аз*» и деепричастием с аффиксом *-гач* наиболее слабо и в отдельных случаях оно приравнивается к нулю.

1. Отнаречный послелог *нисбатан* заимствован узбекским языком из арабского, он постпозитивно употребляется со словами в форме направительного падежа (*Ҳозирги кураш у буюк ишларга нисбатан бир томчи эди. (Ойбек) // Муборизаи ҳозира назар ба нисбати ба он корҳои бузург ба як қатраи борон монандӣ дорад*).

2. Отнаречные послелогии, которые постпозитивно употребляются со словами в форме именительного падежа: *бурун, аввал, олдин, илгари // пештар*. Реализация этих послелогов осуществляется при их соединении со словами временных значений: *Бир ҳафта бурун (аввал // олдин // илгари) ў менга учради // Як ҳафта пештар вай бо ман вохўрд // Неделю назад он со мной встречался*.

Отнаречные послелогии *пештар //бурун, аввал, илгари, олдин* управляют и причастиями, в составе которых имеется аффикс *-дан* и выражают временные значения с разными оттенками процессуальности.

Наречия отличаются от других знаменательных частей речи в отношении активной его способности перехода в служебные слова.

Характер формально-грамматической категории отнаречных служебных слов зависит от характера отношения языка к определенному грамматическому строю. Так, например, наблюдается, что в языках флективного строя отнаречные служебные слова относятся обычно к системе предлогов. В свою очередь, в языках агглютинативного строя отнаречные служебные слова носят характер послелогов, т.е. относятся к системе послелогов. Поэтому в таджикском языке в результате процесса конъюнкционализации образуются

предлоги, а в узбекском – послелогои, ибо таджикский и узбекский языки – представители языков разного грамматического строя.

В логике действует закон изменения и превращения качества в количество или, наоборот, закон изменения и превращения количества в качество, что обнаруживается во взаимоотношениях между явлениями языка. Яркий пример функционирования данного закона в языке – это переход слов из одной части речи в другую. Конъюнкционализация наречий является одной из основных разновидностей изменения и превращения количества в качество или качества в количество в языке. Г.Пауль свидетельствует о том, что служебные слова типа предлога и послелога возникли из категорий полнозначных слов [160, 436]. При превращении полнозначных слов в служебные наблюдаются изменения в синтаксической функции полнозначных слов, которые переходят в разряд служебных, что подтверждается процессом конъюнкционализации наречий.

Ф.П.Филин, подчеркивая своеобразные особенности и лингвистические возможности каждой лексической единицы языка, пишет, что каждое слово представляет собой своеобразный маленький мир, изучение которого не только нужно и необходимо, но также и приятно [204, 14]. Сказанное Ф.П.Филиным вполне подтверждается при изучении процесса конъюнкционализации наречий на материале узбекского и таджикского языков.

Переход слов из лексико-грамматической категории наречий в служебные слова является одной из разновидностей перехода слов из знаменательных частей речи вообще в служебные. Переход каждой лексической единицы денотативного плана в формально-грамматические единицы, в которых отсутствуют их денотативные планы, связан с законом логики о превращении качественных изменений в изменения количественные или, наоборот, количественных изменений в качественные. В результате чего языковые единицы с денотативным планом приобретают статус формально-грамматических единиц без денотативного плана: без сокращения количества словарно-денотативных единиц обогащается система формально-грамматических еди-

ниц за счет перехода полнозначных слов в единицы, которые лишены словарно-денотативного плана.

Наши наблюдения подтверждают, что переход полнозначных слов в предлоги (в таджикском языке) соответствует определенным лингвистическим положениям, в частности, можно сказать, что не все разновидности наречий имеют возможность превращения в служебные части речи. Переход слов из лексико-грамматической системы наречия в служебные части речи наблюдается только в адвербиальных (обстоятельственных) наречиях, у которых имеется слабая (необязательная), факультативная, валентность сочетаемости с глаголами определенной лексико-семантической группы. О характере адвербиальных наречий А.М.Смирницкий справедливо отмечает, что адвербиальные наречия по виду представляют собой зависимые от глагола, в самом деле, у них отсутствует синтаксическая (подчинительная) связь с глаголами. Наречия адвербиального типа подчиняются структуре предложения в целом, а не глагольному предикату (сказуемому), как это характерно для наречий неадвербиального типа, трудно определить их синтаксическую позицию в предложении [183, 17].

Предлоги в функционально-семантическом плане не отличаются от послелогов. Учитывая это, Дж.Лайонз одним и тем же термином-предлог называет и предлоги, и послелого. У Дж. Лайонза не употреблен термин «послелог» для названия отдельной, самостоятельной категории служебных частей речи, отличающейся от категории предлогов [118, 32].

Общие черты для послелогов в узбекском, для предлогов в таджикском языках обнаруживаются еще в том, что послелогов в узбекском языке, предлоги – в таджикском однозначно взаимофункциональны в грамматическом плане с аффиксами словоизменения категории падежей. Однако следует отметить, что степень взаимофункциональности послелогов и предлогов с аффиксами словоизменения категории падежей не одинакова; взаимофункциональность послелогов с аффиксами словоизменения категории падежей ак-

тивнее, чем взаимофункциональность предлогов с аффиксами словоизменения категории падежей.

Переход наречий в союзы является одной из особенностей лексико-грамматической категории наречия, что характерно только для таджикского языка. При образовании предлогов таджикского языка типа *пас аз он, ки, баъд аз он, ки* важную роль играют наречия типа *пас, пеш, баъд* [57, 41].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что лингвистические особенности наречий – наиболее сложное явление, изучение которого имеет важное теоретическое и практическое значение.

Выводы к третьей главе

Конъюнкционализованные имена в своем новом, грамматикализованном употреблении выражают синтаксические отношения подчинения совместно с аффиксом пространственных падежей. Они совместно с предшествующим им именем выступают как обстоятельства места. При этом сочетание «имя + конъюнкционализованное имя» всегда выступает как один член словосочетания.

Конъюнкционализованные имена и в своём собственно грамматическом употреблении сохраняют основные формальные черты существительных. Они как в именном употреблении, так и в служебном значении не теряют характерных черт имени существительного.

Образования конъюнкционализованных слов – послелогов, предлогов, а также использование анатомических терминов для обозначения частей предметов и локально осмысленных понятий, представляет общеязыковое явление. Это связано с тем, что анатомические термины послужили ближайшим эквивалентом, аналогией для названий частей, сторон окружающих человека предметов.

Конъюнкционализация происходит таким образом: сначала знаменательного слова на служебное, а потом – в аффикс происходит в различного рода словосочетаниях, которые сначала представляли собой аналитическую

форму, а затем – сложное слово, в котором грамматикализованное знаменательное слово выступало уже в качестве аффикса, часто фонетически видоизмененного и сокращенного.

Функционирование конъюнкционализованных глаголов сходны с функционированием аффиксов формообразования. Нужно подчеркнуть, что между функционированием конъюнкционализованных глаголов и аффиксов формообразования имеется различие, которое характеризуется тем, что при помощи конъюнкционализованных, т.е. вспомогательных глаголов образуются аналитические формы слов. А при помощи аффиксов формообразования – синтетические формы слов. Конъюнкционализованные глаголы функционируют в качестве выразителей маркеров действия с разнообразными семантическими оттенками.

В таджикском языке возможность функционирования наречий в качестве служебных слов, т.е. конъюнкционализация наречий, носит иной характер. Процесс конъюнкционализации наречий таджикского языка отличается от конъюнкционализации наречий в узбекском языке. Это объясняется прежде всего тем, что по грамматическому строю узбекский и таджикский языки относятся к языкам различных типов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Для современной науки о языке характерна тенденция к исследованиям, в которых используются данные языков разного грамматического строя, к разработке комплексных проблем, пограничных в разноструктурных языках. В круг исследуемых вопросов включается рассмотрение внутренней организации языка, его функционирование в речи, соотносимость с экстралингвистической действительностью и прагматическая ориентация языковых единиц и их элементов в процессе взаимодействия и создания различных планов коммуникации.

2. Грамматические значения характерны для всех слов и для знаменательных, и для служебных. Однако грамматические значения знаменательных слов синхронно-синкретично совмещаются с лексическими их значениями, что не характерно для грамматических значений служебных слов. Поэтому знаменательное слово и есть та минимальная единица, в которой имеет место сочетание лексического и грамматического значений. Отличие служебного слова от знаменательного опять-таки состоит только в характере его значения, т.е. в том, что в нем нет такого сочетания лексического и грамматического значений, которое характерно для знаменательного слова.

3. Лексическое значение, в противоположность грамматическому, может быть любым по своему содержанию. Оно может иметь своим содержанием далеко не только такие конкретные или предметные понятия, как «дом», «стол», «земля» и т.д. Оно может иметь своим содержанием какие угодно общие и отвлеченные понятия.

4. Переход тех или иных форм полнозначных слов в разряд предлогов и послелогов связан также и с изменением обычного для этих слов характера их синтаксических связей. Обычным, например, для полнозначных слов, принадлежащих к классу имен существительных, является односторонний характер их синтаксических связей только с последующим словом.

5. Изучение процесса образования служебных слов путем конъюнкционализации представляет глубокий интерес прежде всего в теоретическом

плане: работы такого рода могут дать ценный материал для решения ряда лексикологических, семасиологических и грамматических вопросов, в частности, вопроса о закономерностях развития слов в зависимости от той части речи, к которой данное слово принадлежит, вопроса о взаимодействии лексических и грамматических значений в слове и т.п.

6. Следует отметить, что в таджикском и узбекском языкознаниях отсутствует специальная монографическая работа по теме изучаемой нами проблемы – проблемы о переходе единиц полнозначных слов в служебные на материале таджикского и узбекского языков. Материалы по данной теме в таджикском и узбекском языках встречаются в учебниках вузов и академических грамматиках таджикского и узбекского языков. И этим определяется актуальность и своевременность монографического изучения нами данной темы в синхронно-типологическом аспекте на материале таджикского и узбекского языков.

7. В истории лингвистики проблема частей речи (ЧР) всегда занимала центральное место. Ученые разных направлений и школ решали эту проблему неоднозначно, но все пытались привязать ЧР по преимуществу к какому-то одному ярусу языка и объяснить их типами отражения в языке категорий мышления. Поэтому проблема частей речи и все связанные с ней вопросы являются важнейшими и ныне. Вопросами ЧР занимались и тогда, когда языкознание как наука находилась в начале своего формирования, т.е. в античной грамматике.

8. Разнообразие подобного характера при определении основных групп и разновидностей системы ЧР существует и в тюркологии.

Проблемами ЧР занимались ученые-тюркологи и дореволюционного, и послереволюционного периодов. В.В.Радлов является одним из дореволюционных ученых-тюркологов. В его трудах рассматривались и отдельные теоретические вопросы ЧР тюркских языков, впервые ЧР разделены на существительные и прилагательные, и рассмотрены в рамках единой части речи с общим названием «имена».

9. Прагматика сопутствует языковым единицам, без языковых единиц прагматика не существует. Понятие прагматики свойственно речи. Коммуникативное назначение языковых единиц в речи определяется прагматикой. Прагматическое содержание единиц уровней языка раскрывается в системах **«единицы языка + говорящий»** и **«единицы языка + слушающий»**. «Однако этих отношений недостаточно, чтобы полностью достичь его, так как обе указанные системы получают свой настоящий смысл только в контексте более сложного единства» (Сусов И.П. там же).

Прагматика является своеобразным аспектом языка, который тесно связан с семантикой, и входит в состав лексического значения. Прагматическое значение является оценочно-эмоциональным, стилистически характеризующим значением. Одной из центральных проблем лингвистической прагматики является изучение эмоционально-оценочного содержания языковых единиц, однако в лингвистике прагматический аспект остается почти не исследованным. Прагматическое значение в языке совпадает с эмотивным значением.

10. Под термином «формально-грамматические классы (разряды) слов» нами рассматриваются единицы собственно грамматического плана, которые осуществляют связь между словами (предложениями). Это касается, в основном, послелогов и послеложных слов, союзов и союзных слов. Однако следует отметить, что послеложные и союзные слова – это не чисто грамматическое явление. Они – результат транспозиции знаменательных ЧР в служебные. Послеложные и союзные слова возникают под давлением явления, которое связано с понятием неизосемичности, что характеризуется полифункциональностью и полисемантичностью отдельных полнозначных слов за счет нейтрализации одной из основных сем, их семантических строений.

11. Конъюнкционализация является новым в системе лингвистических терминов. В Словаре лингвистических терминов (М. 1969. с.208) зафиксирован термин «конъюнктив» в значении сослагательного наклонения. Имеется в нем и термин «конъюнкционализация» с интерпретацией «переход наречия,

именной словоформы и т.п. в разряд союзов». С этой точки зрения, конъюнкционализация находится на одном уровне с понятиями адвербиализации, вербализации, субстантивации, прономинализации и др., которые обозначают переход лексем из других частей речи в существительные (субстантивация), прилагательные (адъективация), наречие (адвербиализация), глаголы (вербализация), местоимения (прономинализация) и т.д.

12. Процесс конъюнкционализации носит сложный своеобразный характер. В данном процессе форма знаменательного слова сначала выполняет служебную функцию в определенном контексте, а затем может превратиться в неизменяемое слово полностью, с известным служебным значением, т.е. образовать новую словарную единицу. Только определенная общность именно таких новых слов может представить совокупность специфических категориальных признаков той или иной СЧР и объединить вокруг себя переходные элементы и этим самым образовать самостоятельный лексико-грамматический разряд слов.

13. Конъюнкционализацией, т.е. переходом полнозначных слов в служебные определяется внутренняя закономерность развития языка, где важную роль играют пути и способы образования новых слов, что является недостаточно изученным.

Наименее изучены пути и способы образования новых слов на базе уже имеющихся в языке лексических единиц, в частности образования новых производных предлогов. Лишь во второй половине прошлого века внимание к этой проблеме заметно усилилось, теперь уже можно назвать не только ряд специальных исследований и статей, посвященных изучению процесса образования новых предлогов русского языка, но также и ряд специальных работ, в которых можно найти материалы, относящиеся к данному вопросу.

14. Основной базой служебных слов, как шла речь выше, является система знаменательных ЧР. Характерной чертой служебных слов в целом является наличие в их составе многих переходных, функционально-служебных слов. Знаменательное слово при функциональном переходе, т.е. при конъю-

юнкционализации, в постпозитивное служебное слово подвергается изменениям и приобретает новые качества.

15. Система служебных слов в каждом языке, в том числе в узбекском и таджикском языках, продолжает расширяться, грамматически совершенствоваться. Об этом свидетельствует система каждого формально-грамматического разряда общей системы служебных частей речи изучаемых нами языков.

16. Сущность служебных слов как единиц языка противоречива: по своей форме это слова, а не морфемы. С другой стороны, с точки зрения выполняемой ими функции, они входят в число грамматических средств языка наряду с такими средствами, как и прочие грамматические средства. СС в строе предложения служат показателями грамматических отношений между другими – неслужебными, или знаменательными (полнозначными), словами группами слов.

17. В языке нет абсолютной границы между категориями знаменательных и служебных слов, есть лишь равная степень «служебности» - «знаменательности», то есть большая или меньшая степень преобладания синтаксических функций над лексическим значением.

18. Предлоги и послелогои являются маркерами грамматических значений определенных категорий, их значения, в свою очередь, отличаются от значений лексического характера.

Надо учесть, что грамматические значения возникают на почве лексических значений. Они (грамм. значения) – завершающий результат абстрагирования лексических значений. Кроме того, грамматическое значение не существует без лексического.

19. Таджикский язык относится к юго-западной группе иранских языков. Носители этого языка проживают, кроме Таджикистана, в Узбекистане, Кыргызстане, Казахстане, а также в Северном Афганистане и отчасти в Иране.

Выделяются диалектные группы: северная (говоры Бухары и Самарканда, Ферганской долины, Истаравшана (Ура-тюбе), Пенджикента и др., цен-

тральная (верхнезеравшанская), южная (каратегинские, кулябские и бадахшанские говоры), юго-восточная (дарвазская).

Фонетическая система включает 6 гласных и 26 согласных. Грамматический строй флективно-аналитический. Именные части речи утратили развитую в древности систему словоизменения. Отсутствуют категории рода и падежа. Падежные отношения выражаются синтаксически. Распространенным средством связи имен является изафет. В глаголе много аналитических форм и сочетаний. Временные значения тесно переплетаются с видовыми. Различаются наклонения: изъявительное, повелительное, сослагательное, предположительное. На уровне особого наклонения выделяются формы перфекта.

Литературный таджикский язык восходит к классическому персидско-таджикскому (IX-XV вв.) языку – единому источнику для говорящих на персидском, таджикском и афганском (дари). Существующие изменения в литературном таджикском языке произошли в современную эпоху в связи с процессом сближения его с разговорным языком.

Первые письменные памятники на арабской графике относятся к IX в.

По своему грамматическому строю таджикский язык принадлежит к числу языков аналитического типа и, в отличие от древнеперсидского языка, не имеет системы флективных форм. Отношения между словами выражаются не при помощи падежей, а через синтаксис: предлоги, послелогов, изафет, порядок слов в предложении и др.

В таджикском языке количество предлогов больше, чем количество послелогов.

Предлоги таджикского языка по характеру морфемно-морфологического состава бывают:

- 1) собственно простые предлоги (*аз, ба, бар, бо, дар, то бе, чуз*);
- 2) собственно составные предлоги (*то ба, чуз, аз, ба чуз*);
- 3) простые именные и изафетные предлоги (*неши..., назди ..., рӯи..., на-си..., баъди..., заури...*);

4) составные именные и изафетные предлоги (*ба неши...*, *дар назди...*, *аз рӯи...*, *аз наси...*, *дар бораи...*, *дар ҳаққи...*);

5) повторные составно-изафетные предлоги (*неш-неши...*, *таг-таги...*);

6) составно-неизафетные предлоги, которые образованы присоединением именных и собственно предложных компонентов.

20. В грамматическом строе таджикского и узбекского языков обнаруживается определенное различие в отношении характера функционирования формальных элементов, посредством которых выражаются определенные значения грамматического плана (плана выражения). Так, например, синтаксические отношения подчинительного характера в узбекском языке выражаются с помощью послелогов, а в таджикском – с помощью предлогов, чем определяется различие между грамматическими строями узбекского и таджикского языков. Послелог и послеложные (конъюнкционализованные) слова, предлог и предложные (конъюнкционализованные) слова в отношении друг к другу являются ковариантными (эквивалентными) средствами языка, которые относятся к планам выражения отдельных грамматических значений, точнее грамматического подчинения.

Сходство грамматического строения узбекского и таджикского языков обнаруживается в планах содержания их грамматических строев.

Однозначное функционирование как сочинительных, так и подчинительных отношений характерно и для узбекского, и для таджикского языков, в качестве формально-грамматических маркеров которых в обоих языках выступают послелог и послеложные слова (в узбекском языке), слова-предлог, предложные слова (в таджикском), союзы и союзные слова, в отдельных случаях частицы, чем определяется сходство между грамматическими строями узбекского и таджикского языков.

21. В узбекском и таджикском языках почти однозначно трактуются модальные слова, частицы и междометия. Это объясняется тем, что единицы этих категорий в отношении лингвистической их природы не отличаются друг от друга. Модальные слова, частицы и междометия узбекского и та-

джикского языков отличаются друг от друга лишь в отношении перепитивно-фонетической оформленности и в отношении количественного различия.

Узбекский и таджикский языки отличаются друг от друга в отношении наличия предлогов в одном из них и наличия послелогов – в другом. Однако и предлоги, и послелогов являются служебными частями речи. И те и другие функционируют однозначно. И предлоги, и послелогов выражают синтаксические отношения между самостоятельными словами. Синтаксические отношения, которые возникают между полнозначными словами посредством предлогов и послелогов, а также предложных слов являются грамматическими значениями, абстрагированными от лексических значений предлогов, послелогов, а также предложных и послеложных слов.

22. Предлог – это служебная часть речи, оформляющая подчинение одного знаменательного слова другому в словоизменении или в предложении, и тем самым выражающая отношение друг к другу тех предметов и действий, состояний, признаков, которые этими словами называются.

Отличие предлогов от полнозначных слов состоит не в отсутствии у них лексических значений, а во внутренней их своеобразии, находящем свое выражение прежде всего в том, что эти значения находятся в качественно иных соотношениях со значениями грамматическими.

23. Непервообразные предлоги – это предлоги, имеющие живые словообразовательные отношения и лексико-семантические связи со знаменательными словами – существительными, наречиями и глаголами (деепричастиями).

Непервообразные предлоги гораздо более многочисленны, причем каждый такой предлог соединяется только с одним каким-нибудь падежом. Все непервообразные предлоги делятся на предлоги отыменные, наречные, отглагольные.

24. Морфемно-морфологический состав союзов таджикского языка имеет три разновидности:

1) простые союзы (*ва, ҳам, ёки, чун, то, аммо, лекин, вале, зеро, агар*);

2) сложные союзы (*чунки, азбаски, агарчи // гарчи, вагарна, набошад* и др.;

3) сложносоставные союзы, некоторые из которых являются конъюнкционализированными из самостоятельных слов.

Простые союзы таджикского языка совпадают с непроизводными союзами в русском языке, а последние два – с производными союзами.

В составе сложносоставных союзов употребляются самостоятельные слова существительного, местоимения и наречия. Им сопутствуют предлоги и союзы.

25. В таджикском языке определенное количество частиц имеют характер конъюнкционализированности от самостоятельных слов. К ним относятся формально-прагматические единицы *рафту* (от глагола *рафтан*), *охир* (существительное), *хуб* (прилагательное) и др.

Конъюнкционализированные частицы по происхождению бывают:

а) существительными: *илоҳи (илоҳим)*;

б) прилагательными: *хуб, хуш*;

в) местоимениями: *чи; ана, мана*;

г) отглагольными: *мон (монед < мондан), биё // биёед (от глагола биомадан), мабодо, рафту // раваду (от глагола рафтан), бигузур // бигзор // бигзаред (от глагола гузаштан), оре, гӯё (от глагола гуфтан)*;

д) отнаречными: *фақат, ҳатто, боз, бешубҳа, хатман*.

26. В современном узбекском языке имеется более 40 конъюнкционализированных имен. По семантическим признакам их можно разделить на следующие группы:

1) конъюнкционализированные имена, обозначающие верх, верхнюю поверхность или верхнюю сторону предмета-объекта (*на, над, выше, с*);

2) конъюнкционализированные имена, обозначающие низ, нижнюю часть или нижнюю сторону предмета-объекта (*под, в, у, мимо, из-под, за, ниже*);

3) конъюнкционализованные имена, обозначающие перед, переднюю часть или переднюю сторону предмета-объекта (*перед, впереди, напротив, мимо, около, спереди*);

4) конъюнкционализованные имена, обозначающие зад, заднюю часть или заднюю сторону предмета-объекта (*позади, за, из-за, вслед, за, сзади*);

5) конъюнкционализованные имена, обозначающие бок, боковую часть или боковую сторону предмета-объекта (*у, около, мимо, вдоль*);

6) конъюнкционализованные имена, обозначающие место вблизи предмета-объекта (*у, около, близ, вокруг, подле, вблизи*);

7) конъюнкционализованные имена, обозначающие конец и удаленную точку предмета-объекта (*после, за*);

8) конъюнкционализованные имена, обозначающие внутреннюю часть, середину и промежуток между предметами-объектами (*внутри, внутри, в, изнутри, из, по, посреди, среди, между, через, сквозь*).

27. Одной из своеобразных групп конъюнкционализованных от имени слов в современном узбекском языке являются служебные имена.

Конъюнкционализованные от имени служебные слова представляют собой особую группу слов, которые стоят на определенной ступени переходности от знаменательных слов к послелогам. В них ясно наблюдается процесс грамматикализации, связанный с частичной или полной утратой самостоятельного лексического значения, однако связь их с именами существительными еще достаточно тесная.

По синтаксическим функциям конъюнкционализованные от имени слова близки к послелогам, но отличаются от них как своим значением, так и рядом морфологических особенностей.

28. Грамматикализация конъюнкционализованных от имени слов проявляется и в том, что многие из них, кроме пространственных значений, начинают выражать и некоторые абстрактные отношения, не связанные с их исконной семантикой: *айрим камчиликлар орқасидан «из-за серьёзных недостатков»*.

Некоторые конъюнкционализованные от имени слова настолько утратили свою самостоятельность, что никогда не употребляются без аффикса принадлежности и соответствующей падежной формы: *олд(и)*, *ич(и)*, *ост(и)* и др. Другие имеют, помимо служебного, совершенно самостоятельное и независимое лексическое значение, с которым они широко используются в любой падежной форме и без аффиксов принадлежности: *бет* «поверхность, лицо», *бош* «голова», *таг* «дно» и т.д.

29. Все служебные имена принципиально не отличаются от имен существительных вообще, от названий пространства и времени в особенности. Служебное имя, занимая замыкающую позицию в атрибутивном словосочетании, выступает как полноправный его компонент, т.е. как член предложения, чего лишено собственно служебное слово. Грамматически оно является определяемым словом, т.е. ведущим компонентом конструкции, логически-смысловым центром всей конструкции, актуальной ее частью.

30. Конъюнкционализация – это процесс перехода полнозначных слов в служебные.

О характере процесса перехода слов из одной части речи в другую В.Г.Гак отмечает, что «ослабление собственного значения слова, переход знаменательного слова в служебное, приобретение строевых служебных функций у слов происходит постоянно, следуя через ряд этапов. Первым этапом можно считать такое положение, когда слово семантически избыточно, когда оно употреблено не для того, чтобы обозначить то или иное понятие, а с конструктивными целями. Далее в таком слове собственное значение может все более опустошаться, его семантическая нагрузка в предложении становится подобной семантической нагрузке служебного слова или морфемы.

31. Явление конъюнкционализации в лингвистическом плане равно явлениям субстантивации, адъективации, адвербиализации, прономинализации и вербализации, в процессе которых рассматривается переход слов из одного

лексико-грамматического разряда в другую систему, значительно отличающуюся от системы знаменательных частей речи.

Конъюнкционализация отличается от перечисленных выше явлений процесса конверсии (транспозиции) тем, что в ней переход слов осуществляется из системы знаменательных частей речи в систему вспомогательных, а не в систему полнозначных вспомогательных.

32. В процессе конъюнкционализации глаголов образуется конъюнкционализованные глаголы, которые в тюркологии именовались терминами «вспомогательные глаголы» и «служебные глаголы».

Конъюнкционализованные глаголы характеризуются тем, что они в одних случаях сохраняют свое основное лексическое значение, а в других - теряют его и выражают лишь грамматическое значение другого, основного глагола.

33. Конъюнкционализация глаголов тесно связана с явлением глагольного вида.

Глагольный вид – одна из наиболее сложных категорий грамматики, изучаемая особой отраслью лингвистической науки – аспектологией.

Вид – морфологическая, несловоизменяемая категория глагола. Он выражает противопоставление лексем совершенного и несовершенного вида и служит для обозначения различий в характере протекания действия.

34. Семантический аспект конъюнкционализованных глаголов движения в узбекском языке включает три группы:

а) конъюнкционализованные глаголы, обозначающие характеристику процесса действия;

б) конъюнкционализованные глаголы с модальными значениями;

в) конъюнкционализованные глаголы, обозначающие направление действия.

Конъюнкционализованные глаголы движения по значению относятся ко всем указанным выше семантическим разновидностям. Так, глаголы *кел*, *кет*,

юр, бор, чиқ, туш отнесены к конъюнкционализованным глаголам, обозначающим характеристику процесса действия.

35. Предлоги и послелогои являются маркерами грамматических значений определенных категорий, их значения, в свою очередь, отличаются от значений лексического характера.

Надо учесть, что грамматические значения возникают на почве лексических значений. Они (грамм, значения) – завершающий результат абстрагирования лексических значений. Кроме того, грамматическое значение не существует без лексического.

В таджикском языке количество предлогов больше, чем количество послелогов.

36. Конъюнкционализованные от существительного служебные слова типа *замон // замонда, зачоти, чоғи, пайт, вақт, давр, йил, кун* и др., употребляются и в функции союза. В союзной функции эти слова представляют собой компоненты союзных сочетаний в качестве другого компонента, которые функционируют в качестве показателя (маркера) прошедшего времени причастия (-ган: *-ган куни, -ган замон//замоно, -ган заъоти, -ган чоғи, -ган дамда, -ган пайтда*).

Следует вывод о том, что конъюнкционализованные от существительного служебные слова носят полифункциональный характер. Полифункциональный характер этих единиц объясняется тем, что они в качестве послелогов употребляются в составе простого предложения, в котором обеспечивают синтагматическую возможность сочетаемости именных слов с глаголами; в качестве союзов они употребляются в составе сложноподчиненных предложений, являясь маркерами подчинительной связи между предикативными частями.

37. Конъюнкционализация и ее процессы являются одним из основных источников обогащения и расширения количества служебных слов, ибо количество служебных слов в языке по сравнению с количеством знаменательных весьма ограничено. Число служебных слов, таким образом, увеличива-

ется за счет перехода знаменательных слов в разряд служебных внутри самого языка. Так, например, добрая половина послелогов образована в тюркских языках от знаменательных слов без изменения их облика в результате изоляции и лексикализации отдельных их форм.

38. Состав послелогов узбекского языка довольно богат и разнообразен. На основе генетико-морфологических признаков их можно разделить на две основные группы:

- а) неконъюнкционализованные послелогои;
- б) конъюнкционализованные послелогои.

Неконъюнкционализованные послелогои – это послелогои собственного характера (собственно послелогои). Сюда относятся те послелогои, которые окончательно изолированы от других частей речи и выделились в специальный разряд, составляя их основное словарное ядро как служебное слово.

Конъюнкционализованные послелогои на основе генетико-морфологических признаков бывают:

1) конъюнкционализованные от наречия послелогои. Сюда относятся те послелогои, которые образовались от наречий, но ныне от них еще не вполне изолированы и употребляются в функции послелога и наречия: *бурун, аввал, нисбатан, бери, сўнг, кейин, олдин, илгари* и др.

2) конъюнкционализованные от прилагательных послелогои. Сюда относятся те послелогои, которые образованы от прилагательных: *бошқа, қарши, ташқари*.

3) конъюнкционализованные от глаголов послелогои. Сюда относятся те послелогои, которые совмещают в себе функции послелога и деепричастия: *кўра, қараб, қараганда, бўйлаб, тортиб* и др.

4) конъюнкционализованные от имени послелогои. Сюда относятся те послелогои, которые все еще совмещают функции послелогов и именных форм или формально совпадают с формами имен: *томон, олд, ён, таг, ост, орқа, ўрта, ора, уст, юза, тўғрисида, қақида, хусусида, соясида, қаршисида, ўрнида, учида, ичида, ёнида* и др.

39. В системе частей речи в языках индоевропейской семьи, в том числе и в таджикском, функционируют так называемые предложные наречия, которые способны в зависимости от контекста выступать то в качестве служебной части речи – предлога (пешоянда), то в качестве знаменательной – наречия.

40. Термин «конъюнкционализация» употребляется в узком и широком смысле. В узком понимании он обозначает переход наречия, именной словоформы и т.д. в союзы (в языках синтетического типа) и послелоги (в языках аналитического типа), а в широком понимании – переход слов из знаменательных частей речи вообще в служебные слова, включая и частицы.

Узбекский и таджикский языки отличаются друг от друга и в отношении характера процесса конъюнкционализации наречий. Наречия узбекского языка более актуальны и склонны к процессу конъюнкционализации, чем процесс конъюнкционализации наречий таджикского

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Абдурахимов, С. Научные словосочетания современного литературного таджикского языка / С. Абдурахмонов. - Душанбе: Дониш, 1973. - 165 с. (на тадж.яз.)
2. Адмони, В.Г. Основы теории грамматики / В.Г.Адмони. - М.; - Л.: Наука, Ленинград. отд., 1964. - 105 с.
3. Адмони, В.Г. Развитие структуры предложения в период формирования немецкого национального языка / В.Г.Адмони. - Л.: Наука. Ленинград. отд., 1966. - 214 с.
4. Адмони, В.Г. Грамматический строй как системное построение и общая теория грамматики / В.Г.Адмони. - Л.: Наука. Ленинград. отд., 1988. - 238с.
5. Акрамов, М. Определительные словосочетания в современном литературном таджикском языке / М. Акрамов. - Душанбе: Дониш. 1977. - с (на тадж. яз.)
6. Актуальные проблемы башкирского, татарского и сопоставительного языкознания. - Уфа: РИЦ БашГУ, 2005. - 414 с.
7. Актуальные проблемы филологии. - Душанбе, 2005. - 214с.
8. Актуальные проблемы филологии. - Душанбе, 2006. - 198с.
9. Алиев А. Взаимосвязь предлога «бо» со словами в письменных памятниках XVI в / А. Алиев. Кулоб: Сада, 1995.-121с.
10. Античные теории языка и стиля. - М.; -Л., 1936.
11. Антонова, Т.И. Переход существительных в предлоги / Т.И.Антонова //Ученые записки Магнитогорского госпединститута. Т.14. - Магнитогорск, 1961. -С.43-57.
12. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика синонимических средств языка / Ю.Д.Апресян. - М.: Наука. 1974. - 367 с.
13. Арутюнова, Н.Д. Морфология / Н.Д.Арутюнова // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. -М.: Наука, 1972. -С.210-258.
14. Аспекты семантических исследований / отв.ред. Н.Д.Арутюнова, А.А.Уфимцева. - М.: Наука, 1980. - 355 с.
15. Атобуллоева, С. Придаточные предложения с подлежащим и сказуемым в современном литературном таджикском языке / С. Атобуллоева.- Душанбе: Дониш, - 1975. 204 с. (на тадж. яз.)
16. Ахмадов, У. Глагольные формы с вспомогательным “истодан” в современном таджикском языке / У. Ахмадов.- Сталинобод. Автореферат канд. дисс.1961-23 с. (на тадж. яз)
17. Бархударов, Л.С. Очерки морфологии английского языка / Л.С.Бархударов. - М.: Высшая школа, 1975. - 123 с.
18. Баскаков, Н.А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков / Н.А.Баскаков. - М.: Наука. 1975. - 287 с.
19. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э.Бенвенист. - М.: Прогресс, 1974. - 134 с.
20. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э.Бенвенист; под ред. с выступ. статьей и коммент. Ю.С.Степанова. - М.: Прогресс, 1974. - 448 с.

21. Бердиалиев А., Синтаксические связи и отношения в сложноподчиненных предложениях в узбекском языке / А. Бердиалиев. – Ташкент, 1993. – 101 с. (на узб.яз.)
22. Бердиалиев А., Шеронов Б. Синтаксис узбекского языка: учебник для студ. фил. фак-тов узб. языка / А.Бердиалиев, Б.Шеронов. – Худжанд: Гос. изд-во им. Рахима Джалиля, 2010. – 232 с. (на узб.яз.)
23. Березин, Ф.М. Русское языкознание конца XIX – начала XX в. / Ф.М.Березин. – М.: Наука, 1976. – 367 с.
24. Березин, Ф.М. История лингвистических учений: учебник для филол. спец. вузов / Ф.М.Березин. – 2-е изд., испр. и допол. – М.: Высшая школа, 1984. – 319 с.
25. Бодуэн, де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию / Бодуэн де Куртенэ И.А. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т.1. – 384 с.
26. Бозидов, Н. Союзы в современном таджикском языке./ Н.Бозидов. – Душанбе: Маориф, 1985. – 102с. (на тадж.яз.)
27. Бондаренко, А.В. Грамматическое значение и смысл / А.В.Бондаренко. – Л.: Наука. Ленинград. отд., 1978. – 175 с.
28. Боровков, А.К. Таджикско-узбекское двуязычие и вопрос о взаимовлиянии таджикского и узбекского языков/ А.К. Боровков // УЗИВАН. – М., 1952. –Т.4. –С.15-19.
29. Боровков, А.К. Краткий очерк грамматики узбекского языка / А.К.Боровков.– М., 1959. – 71 с.
30. Блох, М.Я. Теоретические основы грамматики: 4-е изд., испр./ Блох М.Я. -М.:Высшая школа. 2003.-239 с.
31. Будагов, Р.А. Введение в науку о языке / Р.А.Будагов. – М., 1965. – 273с.
32. Будагов, Р.А. Человек и его язык / Р.А.Будагов. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 428 с.
33. Бухорои, М.Ш. Национальный язык и глобализация/ М.Ш. Бухори. – Душанбе , 2010.- 220 с. (на тадж.яз)
34. Вардуль, И.Ф. Основы описательной лингвистики / И.Ф.Вардуль. – М., 1977. –203 с.
35. Вахобов, Т. Функциональный аспект развития таджикского литературного языка (на материале 20-30 гг.) / Т. Вахобов. - Душанбе:- Дониш, 1989.-184 с.
36. Вильгельм, фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фонд Гумбольдт. – М., 1984. – 397 с.
37. Виноградов, В.В. Исследования по русской грамматике. Избранные труды / В.В.Виноградов. – М.: Наука, 1975. – 559 с.
38. Виноградов, В.В. Проблемы русской стилистики / В.В.Виноградов. – М.: Высшая школа, 1981. – 320 с.
39. Виноградов, В.В. Русский язык / В.В.Виноградов. –М.: Высшая школа, 1981. – 450 с.
40. Вопросы семантики: межвуз. сб. ст. –Л.: ЛГУ, 1976. – Вып. I. – 140 с.
41. Вопросы семантики: межвуз. сб. ст. –Л.: ЛГУ, 1976. – Вып. 2.– 159 с.

42. Гаджиева, Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков / Н.З.Гаджиева. – М.: Наука 1973. – 408 с.
43. Гаджиева, Н.З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики / Н.З.Гаджиева. – М.: Наука, 1975. – 245 с.
44. Гак, В.Г. Беседы о французском слове / В.Г. Гак. – М.: Международное отношение, 1966. – 335 с.
45. Гак, В.Г. Номинализация сказуемого и устранение субъекта / В.Г.Гак // Синтаксис и стилистика. – М.: Наука, 1976. – С. 85-102.
46. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис / В.Г.Гак. – М.: Высш. школа, 1981. – 208 с.
47. Гак, В.Г. К проблеме сопоставительно-типологического анализа речевого акта и текста / В.Г.Гак // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. – М.: Наука, 1987. – С.26-37.
48. Гак, В.Г. О контрастивной лингвистике / В.Г.Гак // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. – М.: Прогресс, 1989. –С.5-17.
49. Гарипова Н.Д. Таджикские первичные предлоги в историческом освещении / Н.Д. Гарипова. – Москва, 1985с.
50. Гафуров, Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Кн. II / Б.Г.Гафуров. – Душанбе, 1989. – 480 с.
51. Гаффаров, А.О. Глагольные словосочетания с непроизводными союзами в произведении Зайниддина Махмуди “Бадоеъ-ул-вакоеъ” /А.О. Гаффаров. - 76-с. (на тадж.яз.)
52. Горбачевич, К.С. Вариантность слова и языковая норма на материале современного русского языка / К.С.Гарбачевич. – Л.: Наука, Ленинград. отд., 1983. – 118 с.
53. Гордлевский, В.В. Грамматика турецкого языка / В.В. Гордлевский. – М., 1928. – 124 с.
54. Грамматика и норма. – М.: Наука, 1977. – 266 с.
55. Грамматика кыргызского литературного языка. Ч.1. Фонетика и морфология. – Фрунзе, 1987. –341 с.
56. Грамматика современного башкирского литературного языка / под ред. А.М.Юлдашева. – М.: Наука, 1981. – 495 с.
57. Грамматика современного таджикского литературного языка. Ч.1. Фонетика и морфология. – Душанбе: Дониш, 1985. – 356 с. (на тадж.яз.)
58. Грамматика современного таджикского литературного языка. Ч.2. – Душанбе, 1989. – 346 с. (на тадж.яз.)
59. Грамматика узбекского языка. Т.1. – Ташкент: Фан, 1975. –601 с. (на узб.яз.)
60. Грамматика узбекского языка. Т.1. Морфология.– Ташкент: Фан, 1975. – 612 с. (на узб.яз.)
61. Грамматика узбекского языка. Т.2. Синтаксис. – Ташкент: Фан, 1976. – 560 с. (на узб.яз.)
62. Грамматическая семантика русского языка: сб. науч. тр. – Вологда, 1983. – 118 с.

63. Гранатовский, Э.А. Ранняя история иранских племён Передней Азии / Э.А.Гранатовский. – М.: Наука, 1970. – 93 с.
64. Гринберг, Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов / Дж.Гринберг // Новое в лингвистики. – М., 1970. – Вып. V. – С.144-154.
65. Гулинича, Е.Г. Изменения в употреблении предлогов в современном русском литературном языке КД / Е.Г.Гулинича. – Киев, 1953. – 121с
66. Гулямов, А. Глагол / А.Гулямов. – Ташкент: Учитель, 1954. – 56 с. (на узб.яз.)
67. Гулямов, А., Аскарлова, М. Современный узбекский язык. Синтаксис. / А.Гуломов, М.Аскарлова. – Ташкент: Учитель, 1987. – 256 с. (на узб.яз.)
68. Давлетов, С., Кудайбергенов, С. Азыргы кыргыз тили. Морфология / С.Давлетов, С.Кудайбергенов. – Фрунзе, 1980. –180 с.
69. Джамшедов, П. Семантика видов в русском, таджикском и английском языках: Учебн. Пособие /- П.Джамшедов. - Душанбе: Маориф, 1988.-175 с.
70. Джураев, Р. Посессивная функция послелога “-ро” в таджикском языке раннего периода // Вопросы языкознания / Р. Джураев. – Душанбе, 1967.- с.
71. Дмитриев, Н.К. Грамматика башкирского языка / Н.К.Дмитриев. – М.; – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. – 276 с.
72. Дмитриев, Н.К. Глаголы речи в языках тюркской группы / Н.К.Дмитриев // Очерки по методике преподавания русского и родного языков в татарской школе. – М.: Учпедгиз, 1952. –С.203-209.
73. Дмитриев, Н.К. Грамматика кумыкского языка / Н.К.Дмитриев. – М.; –Л., 1953. – 162 с.
74. Дмитриев, Н.К. Служебные имена в турецком языке / Н.К.Дмитриев // Строй турецких языков. – М., 1962. –С.114-133.
75. Дмитриев, Н.К. Строй тюркских языков / Н.К.Дмитриев. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1962. – 607 с.
76. Ермакова, О.П. Словосочетания, выражающие целевые отношения в современном русском языке / О.П. Ермакова. – М., 1955.
77. Ермоленко, И.Н. Некоторые замечания о принципах классификации наречных предлогов / И.Н.Ермоленко // Труды университета Дружбы народов. Серия литературоведения и языкознания. – М., 1965. –С.46-67.
78. Закиев, М.З. Введение в татарскую морфемистику / М.З. Закиев // Вопросы структуры татарского языка. – Казань, 1986. –С.19-37.
79. Закиев, М.З. Общие проблемы татарской морфологии / М.З.Закиев // Вопросы структуры татарского языка. – Казань, 1986. –С.88-92.
80. Закиев, М.З. Проблемы структуры простого предложения татарского языка: учеб. пособие / М.З.Закиев. – Казань: КГПИ, 1987. – 104 с.
81. Засорина, Л.Н. Введение в структурную лингвистику / Л.Н.Засорина. – М.: Высш.школа, 1974. – 319 с.

82. Звегинцев, В.А. Очерки по общему языкознанию / В.А.Звегинцев. – М.: Изд-во МГУ, 1962. – 384 с.
83. Звегинцев, В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. – 3-е изд., допол. / В.А.Звегинцев. – М.: Просвещение, 1965. – 495 с.
84. Звегинцев, В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика / В.А.Звегинцев. – М.: МГУ, 1967. – 338 с.
85. Звегинцев, В.А. Язык и лингвистическая теория / В.А.Звегинцев. – М.: МГУ, 1973. – 248 с.
86. Зейналов, Ф.Р. Служебные части речи в современных тюркских языках / Ф.Р.Зейналов. – Баку, 1966. – 121 с.
87. Зикрияев, Ф. Придаточные предложения образа действия и степени в современном литературном таджикском языке / Ф. Зикрияев. – Душанбе: Ирфон, 1976. – 124 с. (на тадж.яз)
88. Золотова, Г.А. Очерки функционального синтаксиса русского языка / Г.А.Золотова. – М.: Наука, 1973. – 368 с.
89. Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А.Золотова. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
90. Иванова, И.П. Теоретическая грамматика английского языка / И.П.Иванова, В.В.Бурлакова, Г.Г.Почепцов. – М.: Высш. школа, 1981. – 171 с.
91. Из трудов А.А. Шахматова по современному русскому языку. –М., 1952. – 132 с.
92. Исаев, З.С. Место частицы во взаимоотношениях частей речи в узбекском языке: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / Исаев З. С.– Фергана, 2005. – 24 с. (на узб.яз.).
93. Исмоилов, А. Арабские изафетные сочетания в языке узбеков Афганистана / А.Исмоилов // Восточное языкознание. – Ташкент: Изд-во. ТашГУ, 1990. –С.34-40.
94. Исследования по восточным языкам. – Душанбе: Дониш, 1988. – 163 с.
95. Исследования по иранской филологии. –М., 1991. –Вып.2. – 157 с.
96. Исхаков, Ф.Г., Пальмбах, А.А. Грамматика тувинского языка / Ф.Г.Исхаков, А.А.Пальмбах. –М., 1961. – 411 с.
97. Ицкович, В.А. Очерки стилистической нормы / В.А.Ицкович. –М.: Наука, 1982. – 198 с.
98. К вопросу об образовании отглагольных предлогов изучения образования русских отыменных предлогов // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т.5. –М., 1962. –С.57 - 61.
99. Каламова, А.Н. Переход наречий в служебные части речи: в предлоги, союзы, частицы / А.Н.Каламова. – Львов, 1954. – 143 с.
100. Калечиц Е.П. Отыменные формы и фразеологические конструкции в роли предлогов / Е.П. Калечиц. –М., 1954. – 124 с.
101. Камалиддинов, Б. Синтаксис таджикского языка. Учебник для студ. фил. фак-тов журналистики, филологии и иностранных языков вузов РТ/Б. Камалиддинов. - Душанбе: Собирён, 2010.-280 с. (на тадж. яз.)

102. Камол, Ф. Вопросы сложные предложения: материалы по курсу узбекского языка / Ф.Камол. – Ташкент: Узфанақднашр. 1955 – 401 с. (на узб.яз.)
103. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. –М.: Наука, 1978. – 261 с.
104. Каримов, А. Первичные предлоги в среднеперсидском языке. - Душанбе, 1970. - 19 с.
105. Каримов А. Предлог APAR в среднеперсидском языке. – Душанбе, 1972. – 47с.
106. Касевич, В.В. Семантика. Синтаксис. Морфология / В.В. Касевич. –М., 1988. – 320 с.
107. Керимова, А.А. Таджикский язык / А.А. Керимова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – с.502
108. Кодухов, В.И. Общее языкознание / В.И. Кодухов. – М.: Просвещение, 1979. – 315 с
109. Коклянова, А.А. Послелогои и служебные имена в узбекском языке / А.А. Коклянова // Труды института языкознания. – М., 1954. –Вып.3. – С.189-193.
110. Кононов, А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка / А.Н.Кононов. –М.; – Л.: 1960. – 314 с.
111. Кононов, А.Н. Грамматика языка тюркских-рунических памятников (VII-IX вв.) / А.Н.Кононов. –Л.: Наука, 1980. –255 с.
112. Косериу, Ю. Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение / Ю.Косериу // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 25. Контрастивная лингвистика: переводы / сост. В.П.Нерознака. –М.: Прогресс, 1989. –С.63-82
113. . Косимова, М.Н. История литературного таджикского языка (IX-X вв) / М.Н. Косимова.- Учебник для студентов высших учебных заведений. Душанбе, 2003. – 490с.
114. Крейдлин, Г.Е. Служебные и строевые слова / Г.Е.Крейдлин // Семантика служебных слов: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 1982. –С.106-113.
115. Кубрякова, Е.С. Основы морфологического анализа / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1974. – 114 с.
116. Кушлина, Э.Н. О фонетико-грамматическом освоении среднеазиатской лексики в русском языке / Э.Н.Кушлина // Некоторые вопросы методики преподавания русского языка в таджикской школе. – Душанбе, 1963. – С.72-85.
117. Кушлина, Э.Н. Таджикские и узбекские слова в русском языке / Э.Н.Кушлина. – Душанбе, 1968. – 39 с.
118. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз. – М.: Прогресс, 1978. –320 с.
119. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж.Лайонз; пер. с англ., под ред. и с предис. В.А.Звегинцева. – М.: Прогресс, 1978. – 543с.

120. Левицкий, Ю.А. О маркерах и коннекторах / Ю.А.Левицкий // Семантика служебных слов: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 1982. –С.113-122.
121. Леденов, Ю.И. Неполнозначные слова: учеб. пособие к спецкурсу / Ю.И.Леденов. – Ставрополь, 1988. – 123 с.
122. Лившиц, В. Иранские языки народов Средней Азии / В.Лившиц // Народы Средней Азии и Казахстана. – М., 1962. –Т.1. – 256 с.
123. Лингвистическая типология и восточные языки / под. ред. Л.Б.Никольского. –М.: Наука, 1965. – 312 с.
124. Литературная норма и вариантность: сб. статей / отв.ред. Л.И.Скворцов. – М.: Наука, 1981. – 271 с.
125. Ломоносов, М.В. Полное собрание сочинений / М.В.Ломоносов. – М.; –Л., 1952. –Т.VII. – 408 с.
126. Ломтев, Т.П. Предложение и его грамматические категории / Т.П. Ломтев. – М.: МГУ, 1972. – 197 с.
127. Ломтев, Т.П. Общее и русское языкознание / Т.П. Ломтев. – М.: Наука, 1976. – 382 с.
128. Лукин, М.Ф. Трансформация частей речи в современном русском языке / М.Ф. Лукин. – Донецк, 1973. – 100 с.
129. Лурия, А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия. – М.: МГУ, 1979. – 320 с.
130. Мартине, А. Основы общей лингвистики / А.Мартине // Новое в лингвистике. – М.: Иностранная литература, 1963. – Вып.3. –С.347-565.
131. Мартынов, В.В. Категория языка. Семиологический аспект / В.В.Мартынов. – М.: Наука, 1982 – 192 с.
132. Маслов, Ю.С. Введение в языкознание / Ю.С.Маслов. –М.: Высшая школа», 1976. –198 с.
133. Маъсуми, Н. Избранные произведения. Т 2. Языкознание / Н. Маъсуми. -Душанбе: Ирфон, 1980.- 400 с. (на тадж.яз.)
134. Мещанинов, И.И. Члены предложения и части речи / И.И. Мещанинов. –Л.: Наука, 1978. –360 с.
135. Мещанинов, И.И. Глагол / И.И. Мещанинов. – Л.: Наука. Ленинград. отд., 1982. – 272 с.
136. Милославский, Г.И. Морфология. Современный русский язык / Г.И.Милославский. – М.: Высш. школа, 1989. – 527 с.
137. Мирзаев, А. Глагольные словосочетания в современном таджикском литературном языке / А. Мирзаев. – Душанбе: Дониш, 1972. – 102с. (на тадж.яз.)
138. Миртов, А.В. Лексические заимствования в русском языке из языков народов Средней Азии / А.В.Миртов. –Ташкент, 1941. – 76 с.
139. Михайлов, М.М. Двужычие (Принципы и проблемы) / М.М.Михайлов. –Чебоксары, 1969. – 136 с.
140. Мусаев, К.М. Общепородное двужычие и синтаксис родного языка / К.М.Мусаев // Проблемы двужычия и многоязычия. –М.: Наука, 1972. – С.226-232.
141. Нариманова, Н. Об особенностях употребления глагольных форм / Н.Нариманова // Проблемы узбекского языкознания: сб. науч. статей. – Ташкент, 2006. –С.28-32 (на узб.яз.)

142. Насилов, Д.М. Формы выражения способов глагольного действия в алтайских языках (в связи с проблемой глагольного вида) / Д.М.Насилов // Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. –Л.: Наука, 1978. –С.122-123.
143. Нигматов, Х.Г. Функциональная морфология тюркоязычных памятников XI-XII вв. / Х.Г.Нигматов. – Ташкент: Фан, 1989. – 192 с.
144. Ниязмухаммедов, М.К. О взаимоотношении таджикского и узбекского языков / М.К.Ниязмухаммедов // Проблемы двуязычия и многоязычия. –М.: Наука, 1972. –С.327-333.
145. Новиков, Л.А. Семантика русского языка / Л.А.Новиков. –М.: Высш. школа, 1982. – 272 с.
146. Новое в зарубежной лингвистике: сб. статей. – Вып. XIII. Переводы. – М.: Прогресс, 1960.- 392с.
147. Новое в зарубежной лингвистике: сб. статей. – Вып. X. Переводы. – М.: Прогресс, 1981 – 567 с.
148. Новое в зарубежной лингвистике: сб. статей. – Вып. XI. Переводы. – М.: Прогресс, 1982. – 432 с.
149. Нурманов, А. Проблемы системного исследования синтаксиса узбекского языка / А.Нурманов. – Ташкент: Фан, 1982. – 152 с.
150. Нурмонов, А. Синтаксис теории о речи / А.Нурмонов. – Ташкент: Ташкентский госпед. ун-т им. Низами, 1988. – 100 с. (на узб.яз.)
151. Нурмонов, А., Расулов, Р. Узбекский язык в таблицах / А.Нурманов, Р. Расулов. –Ташкент: Учитель, 1993. –С.65-68 (на узб.яз.)
152. Овчинникова И.К. Синтаксическое использование послелого «ро» в его истории. Автореф. канд. дисс., М.:-1951.- 23 с.
153. Овчинникова И.К. Использование послелого «ра» в произведениях таджикских персидских классических авторов XI –XV вв. // Труды Института языкознания. Т. VI. М.: Издательство АН СССР, 1956. - с 23-43.
154. Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т.1. Фонология. Эволюция морфологического типа / под ред. В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман. –М.: Наука, 1975. – 239 с.
155. Оранский, И.М. Введение в иранскую филологию / И.М. Оранский. – М., 1960. – 490 с.
156. Оранский, И.М. Иранские языки в историческом освещении / И.М.Оранский. –М.: Наука, 1979. – 238 с.
157. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. -М.: Наука, 1987. – 719 с.
158. Панфилов, В.З. Взаимоотношение языка и мышления / В.З. Панфилов. – М.: Наука, 1971. – 232 с.
159. Панфилов, В.З. Философические проблемы языкознания. Гнесеологические аспекты / В.З.Панфилов. – М.: Наука, 1977. – 288 с.
160. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г.Пауль. – М.: Иностранной литературы. 1960. – 500 с.
161. Петров, Н.Е. Служебные слова / Н.Е.Петров // В кн.: Грамматика современного якутского языка. Фонетика и морфология. –М.: Наука, 1982. –С.400-420.

162. Петухова, О.Ф. Отыменные предлоги в немецком языке / О.Ф.Петухова. –Л., 1951. – 121с.
163. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М.Пешковский. – М.: Учпедгиз., 1956. – 571 с.
164. Поливанов, Е.Д. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык / Е.Д.Поливанов. –Ташкент, 1933. –43 с.
165. Пригоровская, Н.М. Развитие отыменных предлогов в современном английском языке / Н.М.Пригоровская. –М., 1952. – 147 с.
166. Прияткина, А.Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения / А.Ф.Прияткина. – М.: Высш.школа, 1990. – 175 с.
167. Рахимов, С. Вопросы структурно-типологической характеристики предложения / С. Рахимов. – Ташкент: Фан, 1978. – 119 с.
168. Рахманов, Б. Грамматические особенности глагола. На основе материала “История Бухары” / Б.Рахмонов.- Душанбе: Дониш, 2014.-188с. (на тадж.яз.)
169. Реформатский, А.А. Введение в языковедение / А.А.Реформатский. –М.: Просвещение, 1967. –189 с.
170. Реформатский, А.А. О сопоставительном методе / А.А.Реформатский // Лингвистика и поэтика. –М., 1987. – С.40-52.
171. Рогожникова, Р.П. К вопросу о лексикографическом описании производных предлогов и составных союзов / Р.П.Рогожникова // Лексикология и лексикография. –М., 1972. –С.105 -111.
172. Рословец, Д.И. Употребление предлогов и формальных значимых в современном русском языке / Д.И. Рословец. –М., 1953. –48с.
173. Русская грамматика. Т1. Морфология. –М.: Наука, 1980. – 709 с.
174. Рустамов, Ш. Главные предложения с придаточными причины в современном таджикском литературном языке / Ш. Рустамов. - Душанбе: Дониш, 1968.-124 с. (на тадж.яз.)
175. Рустамов, Ш. Классификация частей речи и статус имен существительных / Ш.Рустамов. –Душанбе: Ирфон, 1972. – 88 с. (на тадж.яз.)
176. Рустамов, Ш. Имя существительное (Грамматические, словообразовательные категории и их позиции в системе части речи) / Ш. Рустамов. – Душанбе: Дониш, 1981. – 220 с. (на тадж.яз.)
177. Рустамов, Ш. Трудности синтаксиса / Ш. Рустамов. – Душанбе: Маориф, 1988. – 344
178. Семереньи, О. Введение в сравнительное языковедение / О. Семереньи; пер. с нем. –М.: Прогресс, 1980. – 407с.
179. Серебренников, Б.А. Проблема глагольного вида в тюркских языках / Б.А.Серебренников // Вопросы грамматики в тюркских языках. – Алма-Ата, 1958. –С.23-26.
180. Серебренников, В.А., Гаджиева, Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – 2-е. изд., испр. и допол. / В.А. Серебренников, Н.З. Гаджиева. – М.: Наука, 1988. – 301 с.
181. Система и уровни языка. – М.: Наука, 1977. – 134 с.
182. Скиба, Ю.Г. Переход самостоятельных слов в служебном современном русском языке: автореф. дис...канд. филол. наук: 10.02.19 / Скиба

- Юрий Григорьевич; [Львовский гос. ун-т им. И.Франко]. – Львов, 1954. – 20 с.
- 183.** Смирницкий, А.Н. Морфология английского языка / А.Н.Смирницкий. –М., 1959. – 191 с.
- 184.** Смирнова, Л.П. Система предлогов в языке «Таърихи Систан»/ Л.П.Смирнова. - Сталинобад: Изв-е АН Тадж. ССР вып 1, 1958. – С.65-83.
- 185.** Собирова, М. Семантическая характеристика предлогов в толковом словаре современного таджикского языка / М.Собирова. – Душанбе, 1974. – 22с.
- 186.** Современный русский язык. – М.: Высшая школа, 1989. –576 с.
- 187.** Современный таджикский литературный язык. Ч.1. Лексикология, фонетика и морфология. – Душанбе: Ирфон, 1973. –450 с. (на тадж.яз.)
- 188.** Современный таджикский литературный язык. Ч.1. Лексикология. Фонетика и морфология. – Душанбе: Маориф, 1995. – 336 с. (на тадж.яз.)
- 189.** Современный татарский литературный язык. –М.: Наука, 1969. – 171 с.
- 190.** Современный узбекский литературный язык. Морфология. – Ташкент: Фан, 2000. – 142 с.
- 191.** Современный узбекский язык / Р.Сайфуллаева, Г.Бакиева, М.Абузалова, З.Юнусова. – Ташкент: Фан, 2000. – 201 с.
- 192.** Соколова, В.С., Грюнберг, А.Л. История изучения иранских языков / В.С.Соколова, А.Л.Грюнберг // Очерки по истории изучения иранских языков. –М., 1962. – 284 с.
- 193.** Соссюр, Ф. Труды по языкознанию / Ф.Соссюр; пер. с фран. яз., под ред. А.А.Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
- 194.** Стеблин-Каменьский, М.И. Спорное в языкознании / М.И.Стеблин-Каменьский. –Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. –67 с.
- 195.** Стерника, М.А. О семантике предложных наречий русского языка / М.А.Стерника // Семантика служебных слов. – Пермь, 1982. –С.43-51.
- 196.** Суник, О.П. Общая теория частей речи / О.П.Суник. –М.; – Л.: Наука, 1956. –86 с.
- 197.** Сусов, И.П. Семантика и прагматика предложения / И.П.Сусов. – Калинин, 1980. – 63 с.
- 198.** Таджиев, Д.Т. Сложноподчиненные предложения с несколькими придаточными / Д.Т. Таджиев. - Душанбе: "Ирфон", 1966.-40с. (на тадж.яз.)
- 199.** Таджиев, Д.Т. Сложноподчиненные предложения в современном литературном таджикском языке (придаточные обстоятельства) / Д.Т. Таджиев. - Душанбе: "Дониш", 1981.-218 с. (на тадж.яз.)
- 200.** Тенишев, Э.Р. Строй сары-югурского языка / Э.Р. Тенишев. – М.: Высшая школа, 1976. – 121 с.
- 201.** Турдибаев, Т.Х. Конверсия служебных слов в узбекском языке: дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / Турдибоев Т. Х. –Ташкент, 1996. – 132 с.
- 202.** Уфимцева, А.А. Лексическое значение: Принципы семиологического описания лексики / А.А. Уфимцев. –М.: Наука, 1986. – 239 с.

203. Фельдман, Н.И. Отыменные послелогои в современном японском языке / Н.И.Фельдман // Вопросы грамматического строя. –М., 1955. – С.250-251.
204. Филин, Ф.П. О некоторых философских вопросах языкознания / Ф.П.Филин // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. –М., 1970. –С. 14-28.
205. Фортунатов, Ф.Ф. Избранные труды / Ф.Ф. Фортунатов. Т.1-2. – М.: 1956-1957.
206. Хаджаев, Д. Ходжа Хасан Носири и его мысли о языкознании / Д. Хаджаев. Душанбе, 2002. – 88 с. (на тадж.яз.)
207. Хаджиев, А. Вспомогательные глаголы в узбекском языке / А.Хаджиев. – Ташкент: Фан, 1966. – 58 с. (на узб.яз.)
208. Хаджиев, А. Неполный глагол / А.Хаджиев. – Ташкент: Фан, 1970. – 258 с. (на узб.яз.)
209. Хаджиев, А. Глагол / А.Хаджиев. – Ташкент: Фан, 1973. – 190 с. (на узб.яз.).
210. Хаджилаев, Х.И. Послелогои и послеложно-именные слова в кара-чаево-балкарском языке / Х.И.Хаджилаев. – Черкасск, 1963. – 69 с.
211. Халилов, А. Частицы в литературном таджикском языке / А. Халилов. - Душанбе, 1977. – 120 с. (на тадж.яз.)
212. Хрестоматия по истории языкознания XIX-XX веков. – М., 1956. – 458с.
213. Хрестоматия по теоретической и прикладной лингвистике. 4.1. Общее языкознание. – Душанбе, 2005. – 175 с.
214. Хрестоматия по теоретической и прикладной лингвистике. 4.11. Сравнительно-историческое, сопоставительное и типологическое языкознание. – Душанбе, 2005. – 172 с.
215. Хроленко, А.Т., Бондалетов, В.Д. Теория языка / А.Т.Хроленко, В.Д.Бондалетов. –М.: Флинта, Наука, 2004. – 510 с.
216. Черемисина, М.И., Колосова, Т.А. Очерки по теории сложного предложения / М.И.Черемисина, Т.А.Колосова. – Новосибирск, 1987. – 197с.
217. Черкасова, Е.Т. К изучению образования русских отыменных предлогов / Е.Т. Черкасова // Исследования по грамматике русского литературного языка. –М., 1955. –С.116-125.
218. Черкасова, Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги / Е.Т. Черкасова. – М.: Наука, 1967. – 280 с.
219. Шарифов, Б. Морфологические особенности “Бадоеъ-ул-вакоеъ” (предлоги и союзы). / Б. Шарипов. - Душанбе, 1985. – С 230-240. (на тадж.яз)
220. Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. – М.; – Л., 1941. – 620 с.
221. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность.-Л.:Наука,- 329 с.
222. Щербак, А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков / А.М. Щербак. –Л.: Наука, 1981. – 184 с.

223. Шоабдурахманов, Ш и др. Современный узбекский литературный язык / Ш. Шоабдурахманов и др. -Ташкент.: «Учитель»,1980.-161 с. (на узб.яз.)
224. Юлдашев, А.А. Принципы составления тюркско-русских словарей / А.А. Юлдашев. –М.: Наука, 1972. –328 с.
225. Юсупов, У.К. Проблемы сопоставительной лингвистики / У.К. Юсупов. – Ташкент, 1980. – 89 с.
226. Юсупов, У.К. Лингводидактический аспект сопоставительного изучения языков / У.К.Юсупов // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. – М.: Наука, 1987. –С.193-200.
227. Языки мира: Иранские языки. III. Восточно-иранские языки. –М.: Индрик, 1999. – 343 с.
228. Ятимов С. Проблемы национального языкознания в учение Лидера нации// Чумхурият, 5 октября 2020, №194-195 (24 050), Душанбе.- с.3-7.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ЭНЦИКЛОПЕДИЙ

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С.Ахманова. – М.: Советская энцикл., 1966. – 607 с.
2. Бобомуродов, Ш., Мухторова, З. Терминологический словарь / Ш. Бобомуродов, З. Мухторова.- Душанбе, 2016. – 428с.
3. Васильева, В.Н. Терминология служебных слов в Русской грамматике. До Ломоносовский период / В.Н.Васильева // Семантика служебных слов: межвузовский сб. науч. тр. – Пермь, 1982. С.11-12.
4. Джураева, Г., Файзуллаев, С. Словарь новых терминов \ Г. Джураева, С. Файзуллоев. – Душанбе: “Ирфон”, 2003.- 197с.
5. Касаткин, Л.Л. Краткий справочник по современному русскому языку / Л.Л.Касаткин, Е.В.Клобуков, П.А.Лекант. –М.: Высш. школа, 1991. – 154с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. –М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685с.
7. Нагзибекова, М.Б., Мирзаев, М.Х. Краткий словарь русско – таджикских терминов / М.Б. Нарзибекова, М.Х. Мирзоев. - Душанбе, 2003.- 47с.
8. Русско-таджикский словарь. – М., «Русский язык». 1985. –1280 с.
9. Словарь русского языка. С.И. Ожегова. Изд.-е 20-е, М.- «Русский язык», 1985. – 750 с.
10. Таджикско–русский словарь 70000 слов и словосочетаний. – Душанбе, 2006.– 783 с.
11. Толковый словарь таджикского языка. - Душанбе: Шуджоиён, 2008. -996 с.

12. Узбекско-русский словарь, -Т 1.: Главная редакция узбекской Советской Энциклопедии. 1988. – 726 с.
13. Хусейнов, Х., Шукурова, К. Словарь терминов языкознания \ Х.Хусейнов, К. Шукурова . – Душанбе: Маориф, 1983,- 256 с.
14. Шахобова, М. Б., Собиров, А. Таджикско- английский разговорник / М. Шахобова , А.Б. Собиров. - М.: “Наука”. 1971. – 251с.
15. Шахобова М.Б. Таджикско-русский словарь \ М. Шахобова. - Душанбе: “Ирфон”, 1993. – 47с.

СПИСОК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ойбек. Свещенная кровь. Роман / Айбек.- ”Учитель”,1975.-346 с. (на узб.яз.)
2. Айни, Садриддин. Старая школа. Повести./ С. Айни.-Ташкент: “Звёздочка”,1988.- 240 с (на узб.яз.)
3. Айни, Садриддин. Воспоминания. Часть 2. / С. Айни.- Душанбе: “Детская литература”, 2018- 265с. (на тадж. яз)
4. Айни, Садриддин. Воспоминания. Часть 2. / С. Айни.- Душанбе: “Детская литература”, 2018- 265с. (на тадж. яз)
5. Гулям, Гафур. Избранные произведения в10-х томах. Ташкент: Издательство литература и искусство имени Г. Гуляма, 1973.-372 с. (на узб.яз.)
6. Икромии, Джалол. Дочь огня. (роман). / Дж. Икромии. – Душанбе, “Адиб”, 2014. – 560с. (на тадж. яз).
7. Каххор, Абдулла. Синица. Повесть./ А. Каххор. -Ташкент, “Учитель”,1975.-1975.-134 с.(на.узб.яз)
8. Кодирӣ, Абдулла. «Минувшие дни»: исторический роман / А. Кадири. – Душанбе: «Ирфон», 2002.- 368 с. (на тадж.яз.)
9. Кодирӣ, Абдулла. «Минувшие дни»: исторический роман / А. Кодирӣ. – Ташкент: «Узабаднашр, 1958-374 с. (на узб.яз.)
10. Мухтар, Аскар. Сёстры. Роман./ А. Мухтар. -Ташкент, “Узбекистан”, 1958.-504 с.(на узб.яз).
11. Саид, Ахмад. Избранные произведения в 3-х томах. Рассказы, комедия, минатюры, раздумья о литературе./ А.Саид.- Ташкент.:Издательство литература и искусства имени Г. Гуляма, 1973.-372 с. (на узб.яз.)
12. Улугзода. Сатим. Фирдоуси. Роман./ С. Улугзода. -Душанбе: “Адиб”, 1991.-192 с. (на тадж.яз.)

13. Усмонов, Уктам. Водоворот. Роман./ У.Усмонов.-Ташкент.: Издательство литература и искусства имени Г. Гуляма, 1989.-560 с. (на узб.яз.)

14. Хошимов, Уткир. Белая радуга. Рассказы./ У. Хошимов. - Ташкент: Издательство искусство и литература имени Г. Гуляма, 1984.- 176с. (на уз. яз)

15. Якубов, Адил. Совесть. Роман. / А.Якубов.-Ташкент.: Молодая гвардия,-1979-285 с.(на узб.яз.)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

СГ- служебные глаголы

СС- служебные слова

СЧР- служебные части речи

ЧР- части речи